

INSPIRIA

От автора цикла романов
«СЕМЬ СЕСТЕР»

Люсинда
Райли

Комната бабочек

INSPIRIA

Люсинда Райли

Комната бабочек

Серия «Novel. Мировые хиты Люсинды Райли»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65906926

Люсинда Райли Комната бабочек:
ISBN 978-5-04-156535-0

Аннотация

Поузи живет в старинном доме. Она провела там прекрасное детство. Но годы идут, и теперь ей предстоит принять мучительное решение – продать Адмирал-хаус и избавиться от всех связанных с ним воспоминаний.

Но Адмирал-хаус – это история семьи длиною в целый век, история драматичной любви и ее печальных последствий, память о войне и ошибках нескольких поколений.

Поузи колеблется, когда перед ней возникает самое желанное, но и опасное видение – Фредди, ее первая любовь, человек, который бросил ее с разбитым сердцем много лет назад. У него припасена для Поузи разрушительная тайна. Тайна, связанная с ее детством, которая изменит все.

Люсинда Райли родилась в Ирландии. Она прославилась как актриса театра, но ее жизнь резко изменилась после

публикации дебютного романа. Это стало настоящим событием в Великобритании. На сегодняшний день книги Люсинды Райли переведены более чем на 30 языков и изданы в 45 странах. Совокупный тираж превысил 30 млн экземпляров.

Люсинда Райли живет с мужем и четырьмя детьми в Ирландии и Англии. Она вдохновляется окружающим миром – зелеными лугами, звездным небом и морскими просторами. Это мы видим в ее романах, где герои черпают силы из повседневного волшебства, что происходит вокруг нас.

Содержание

Поузи	7
Июнь 1943	8
Осень 1944	44
Адмирал-хаус	54
Глава 1	57
Глава 2	81
Глава 3	101
Глава 4	118
Глава 5	131
Глава 6	155
Глава 7	167
Глава 8	178
Поузи	190
Декабрь 1944	192
Конец ознакомительного фрагмента.	200

Люсинда Райли

Комната бабочек

Lucinda Riley

THE BUTTERFLY ROOM

Copyright © Lucinda Riley, 2019

Перевод с английского Маргариты Юркан

Художественное оформление Яны Паламарчук

В коллаже на обложке и суперобложке использованы фотографии:

© 1000 Words, Vladimirkarp, djgis / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Юркан М., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Моей свекрови, Валери, с любовью

Поузи
Адмирал-хаус,
Саутволд, Саффолк

Дневная бабочка-адмирал (Vanessa atalanta, лат.)

Июнь 1943

– Помни, радость моя, что ты фея и бесшумно летаешь над землей на легчайших крылышках, готовая поймать свою добычу в шелковый сачок. Смотри! – прошептал он мне на ухо. – Вон она, прямо на кончике листочка. Ну, давай, лети!

Я послушно закрыла на несколько мгновений глаза и поднялась на цыпочки, воображая, как мои ножки отрываются от земли. Но вот я почувствовала, как папина ладонь слегка подтолкнула меня вперед. Открыв глаза, я пристально взглянула на лазурно-голубые крылышки бабочки и, стремительно сделав два шажка, накинула сачок на хрупкий длинный лист куста буддлеи, где как раз сидела голубянка арион.

Волна воздуха под опускавшимся шелком насторожила голубянку, она расправила крылышки, намереваясь взлететь. Но опоздала, ведь я, Поузи, принцесса фей, уже поймала ее. Разумеется, ей не причинят вреда, просто Лоренс, король нашей Волшебной страны – а также мой отец – изучит ее и отпустит на свободу после того, как она вдоволь насладится лучшим нектаром в большой стеклянной банке.

– Какая же умница, моя Поузи! – воскликнул папа, когда я, пройдя обратно по траве, самодовольно вручила ему сачок. Он присел и склонился ко мне так, что наши взгляды – все говорили, что у нас с ним одинаковые глаза – встретились, сияя общей восторженной гордостью.

Я внимательно следила, как он, склонив голову, разглядывал пойманную бабочку, она сидела совершенно неподвижно, уцепившись крошечными лапками за белый шелк своей тюрьмы. Свои волосы темно-каштанового цвета папа смазывал маслом, чтобы они выпрямились, и потому они блестели на солнце, как столешница нашего длинного обеденного стола, старательно отполированная Дейзи. От его волос исходил изумительный запах – уютный и домашний папин запах, ведь папа и воплощал в себе понятие «дом», и я любила его больше всех во всех моих мирах, как человеческом, так и волшебном. Маман я тоже любила, конечно, но, несмотря на то что она почти всегда находилась дома, я чувствовала, что знаю ее не так хорошо, как папу. Из-за странных мигреней она проводила много времени в своей комнате, а когда выходила оттуда, то обычно бывала так занята делами, что не могла уделить мне ни минуты.

– Ты знаешь, милая моя девочка, что тебе попался идеальный экземпляр! – воскликнул папа, взглянув на меня. – Подлинная редкость на наших берегах, и, безусловно, благородного рода, – добавил он.

– Может, он принц королевства бабочек? – спросила я.

– Вполне возможно, – согласился папа. – Мы должны обходиться с ним с крайним почтением, как того требует его королевский статус.

– Лоренс, Пуози... обедать! – позвал нас донесшийся из-за кустов голос.

Встав с корточек, папа поднялся над кустом буддлеи и махнул рукой в сторону темневшей за лужайкой террасы Адмирал-хауса.

— Идем, милая, — крикнул он в ответ довольно громко, ведь мы находились далеко от дома. Я заметила, как заискрились улыбкой его глаза при виде жены: моя мать не ведала о своем царственном положении Королевы Волшебной страны. Мы с папой никого больше не посвящали в нашу игру.

Взявшись за руки, мы прошли по газонам, вдыхая запах свежескошенной травы, он ассоциировался у меня с веселыми праздниками в саду: с друзьями маман и папы, все с шампанским в одной руке и крокетным молотком в другой, ударяют по шарам, они проскакивают через воротца на крокетном поле, траву на котором как раз по таким случаям и скашивал сам папа...

С начала войны такие веселые дни случались редко, что делало воспоминания о них еще более драгоценными. Из-за этой войны папа стал прихрамывать, поэтому мы с ним теперь гуляли совсем медленно, хотя мне такая замедленность как раз нравилась, ведь она означала, что папа будет дольше принадлежать мне одной. Правда, ему уже стало намного лучше, чем в тот день, когда его привезли домой из госпиталя. Поначалу он передвигался в кресле на колесиках, как старичок, и его глаза тоже смотрели уныло и грустно. Но благодаря уходу маман и Дейзи и еще тому, что я старалась изо всех сил, читая ему книжки, он быстро пошел на поправ-

ку. Последние дни он уже даже не брал с собой на прогулку трость, если мы ходили только по нашему саду.

– А теперь, Пуузи, беги в дом и вымой руки и лицо. Да скажи маме, что мне еще надо найти местечко для новой гостыи, – велел мне папа, взмахнув сачком, когда мы достигли крыльца, ведущего на веранду.

– Хорошо, папуля, – ответила я, глядя, как он удаляется по газону и скрывается за высокой самшитовой живой изгородью. Он направился к нашей Башне из желтых песчаных кирпичей, к нашему прекрасному сказочному Замку для волшебного народца, где радушно принимали залетевших в гости бабочек. Папа проводил там массу времени. В уединении. Когда маман просила меня позвать папу к обеду, мне удавалось лишь украдкой заглядывать в округлое помещение, что находилось сразу за входной дверью Башни – там было очень темно и пахло какой-то плесенью.

В этом нижнем помещении хранилось «садовое оборудование», как называл его папа; теннисные ракетки теснились рядом с крокетными воротцами и испачканными землей резиновыми сапогами. Меня никогда не приглашали подняться по ступенькам винтовой лестницы, которая вела все выше и выше, под самую крышу (хотя я побывала там, тайно забравшись наверх, когда маман позвала папу домой к телефону). К моему крайнему разочарованию, я обнаружила, что папа успел запереть массивную дубовую дверь наверху. И дверь даже не шелохнулась, несмотря на то что я изо всех

своих детских сил крутила ее круглую ручку. Я знала, что, в отличие от нижнего зала, в верхнем имелось много окон, поскольку видела их из сада. Наша Башня отчасти напоминала мне саутволдский маяк, только Башню увенчивали зубцы короны, а на верхнем ярусе маяка горел яркий свет.

Поднявшись по крыльцу на террасу, я радостно вздохнула, увидев красивые стены нашего большого дома из розового кирпича, с рядами высоких подъемных окон, обрамленных зелеными плетями глициний. Я заметила, что на веранде накрыт для обеда позеленевший кованый железный стол, потерявший от старости свой исходный черный цвет. На столе лежало только три салфетки, а на них стояло столько же тарелок и стаканов для воды, то есть обедать мы собирались втроем, что было на редкость необычно. «Как замечательно, – подумала я, – что мне достанется все внимание маман и папы».

Войдя в дом через широкие двери, я прошла по гостиной между обитыми шелковым дамастом диванами, стоявшими вокруг огромного мраморного камина – такого большого, что в прошлом году Санта-Клаус умудрился на Рождество спустить туда блестящий красный велосипед, – и пробежала по лабиринту коридоров до туалетной комнаты нижнего этажа. Закрыв за собой дверь, я обеими руками открыла большой серебряный кран и тщательно вымыла руки. Мне пришлось встать на цыпочки, чтобы увидеть в зеркале свое отражение и проверить, не осталось ли грязи на лице.

Маман очень придирчива к внешнему виду – папа говорит, что это все из-за ее французских предков, – и горе любому из нас, если мы не явимся к столу безукоризненно чистыми и опрятными.

Однако даже маман не удавалось справиться с пружинистыми завитками моих темно-русых волос, они упорно вырывались на свободу из туго заплетенных кос, вились сзади на шее и, выскальзывая спереди, окружали мой лоб пышным ореолом. Однажды вечером, когда папа укладывал меня в постель, я спросила, не может ли он одолжить мне немного своего масла для волос, вдруг оно мне поможет, но он только посмеялся, накрутив себе на палец один из моих локонов.

– Ничего подобного тебе не нужно. Мне нравятся твои кудряшки, радость моя, и будь на то моя воля, они целыми днями могли бы свободно струиться по твоим плечам.

Возвращаясь обратно по коридору, я в очередной раз сокрушенно вздохнула из-за того, что мне не достались по наследству мамины гладкие и прямые как палки, густые светлые волосы. По цвету они напоминали белый шоколад, который она подавала к кофе после ужина. Моя же шевелюра, по крайней мере, по словам маман, скорее напоминала *café au lait*¹. Я же лично определяла свой цвет волос как серо-бу-ро-малиновый.

– Наконец-то, Поузи, – сказала маман, когда я вышла на террасу. – А где твоя шляпа?

¹ Кофе с молоком (*фр.*).

– Ой, должно быть, осталась в саду, где мы с папой ловили бабочек.

– Сколько раз мне еще повторять, что кожа на твоём лице может сгореть и быстро сморщиться, как сушёный чернослив, – укорила меня маман, когда я устроилась за столом. – И в сорок лет ты будешь выглядеть, как шестидесятилетняя старушка.

– Я постараюсь не терять шляпку, маман, – покладисто ответила я, на самом деле думая, что сорок лет – тоже почтенный возраст, и к тому времени вид моего лица вряд ли будет волновать меня.

– Как нравится моей старшей любимой девочке нынешний чудесный денек?

Появившись на веранде, папа заключил маман в объятия, и часть воды из графина, который она держала, выплеснулась на серые каменные плиты пола.

– Осторожнее, Лоренс! – сердито воскликнула маман и, высвободившись из его рук, поставила графин на стол.

– Разве это не славный, вселяющий надежды денек? – Папа улыбнулся, садясь за стол напротив меня. – Причем прекрасная погода, видимо, продержится до выходных, и, значит, нашим гостям тоже повезет.

– К нам приедут гости? – спросила я, когда маман села рядом с ним.

– Да-да, моя радость. Твоего отца признали достаточно здоровым для возвращения на службу, поэтому мы с маман

решили повеселиться напоследок, пока есть возможность.

Сердце у меня ёкнуло, когда Дейзи, наша единственная служанка, поскольку все остальные слуги ушли на военную службу, подала на стол мясо и редис. Я терпеть не могла редиску, но на этой неделе в нашем огороде осталась только редиска, а все остальные овощи тоже отправились на военные нужды.

– И надолго ты уедешь, папа? – спросила я тихим напряженным голосом, чувствуя, как плотный комок в горле мешает мне говорить, словно в горле уже застрял кусок противной редиски. И еще я вдруг поняла, что вот-вот разревусь, как маленькая.

– О нет, солнышко, теперь, должно быть, не слишком надолго. Всем известно, что этот Варвар обречен, но ты же понимаешь, я должен помочь нанести финальный удар. Не могу же я подвести своих друзей, верно?

– Верно, папа, – удалось мне выдать дрожащим голосом. – Но ведь у тебя больше не будет ранений, правда?

– Нет-нет, *chérie*, – воскликнула маман. – Твой папа² способен выдержать любые удары, верно ведь, Лоренс?

Я заметила, как натянуто улыбнулась моя мать, и подумала, что она, должно быть, так же, как я, беспокоится за папу.

– Способен, любовь моя, – ответил он, накрыв ладонью ее руку и крепко сжав ее. – Конечно, способен.

² Милая, папа (*фр.*).

– Папа, – сказала я на следующее утро за завтраком, осторожно окуная в яйцо хрустящий гренок, – сегодня так тепло, может, мы сходим к морю? Ведь мы так давно не гуляли по взморью.

Я видела, как папа глянул на маман, но она, казалось, ничего не замечая, пила *café au lait*, читая свои письма. Маман постоянно получала множество писем из Франции, написанных на тончайшей бумаге, даже тоньше, чем крылышко бабочки, и их тонкость вполне гармонировала с обликом маман, поскольку все в ее натуре выглядело на редкость хрупким и утонченным.

– Папуля? Взморье... – с нажимом повторила я.

– Прелесть моя, боюсь, что взморье сейчас не подходящее для прогулок местечко. Там же натянута колючая проволока, и к тому же сам берег заминирован. Помнишь, как я объяснял тебе, что случилось в Саутволде в прошлом месяце?

– Да, папуля. – Я опустила взгляд на свое яйцо и вздрогнула, вспомнив, как Дейзи тащила меня в бомбоубежище Андерсона³ (тогда я подумала, что его так называли по нашей фамилии – и пришла в страшное недоумение, когда Мейбл со-

³ Семейное убежище; такие бомбоубежища сооружались во время Второй мировой войны, названы по имени Джона Андерсона, занимавшего пост министра внутренних дел.

общила, что у них в семье тоже есть бомбоубежище Андерсона, хотя их фамилия Прайс). Небо тогда словно ожило от грома и молний, однако папа сказал, что эту грозу наслал на нас не Господь, а Гитлер. Спрятавшись в бомбоубежище, мы все жались друг к другу, а папа сказал, что нам лучше притвориться ежиным семейством, и предложил мне свернуться клубочком, как маленькому ежику. Маман явно рассердилась, услышав, что он назвал меня ежиком, но я действительно притворилась ежонком, представив, что зарылась в норку под землю, пока над ней воевали люди. В конце концов оглушительные взрывы затихли. Папа сказал, что нам всем можно возвращаться в кровати, но я расстроилась, что мне вновь придется спать одной в своей человеческой постели, ведь в убежище нам было так хорошо всем вместе.

* * *

На следующее утро я застала Дейзи на кухне, она плакала, но не захотела говорить, что случилось. В тот день к нам не приехала тележка с молоком, и маман сообщила, что в школу я больше не пойду, потому что ее больше нет.

– Но, маман, как же ее может не быть?

– В нее попала бомба, *chérie*, – ответила она, выпуская сигаретный дым.

Маман курила и сейчас, и за обедом, иногда я даже беспокоилась, как бы не загорелись от сигареты ее письма, ведь, читая, она подносила их почти к самому лицу.

— А что сейчас в нашей пляжной хижине? — спросила я папу.

Я обожала наш пляжный домик — его покрасили в маслянисто-желтый цвет, и стоял он в самом конце ряда подобных домиков, поэтому если посмотреть в правильную сторону, то можно представить, что мы одни на всем побережье, хотя, оглянувшись в другую сторону, совсем неподалеку сразу увидишь и пирс, и симпатичного мороженщика рядом с ним. На берегу мы с папой обычно строили из песка разные затейливые замки с башенками, окруженные рвами с водой, достаточно глубокими для обитания в них крабиков, ежели они решатся заползти в них. Маман не любила ходить с нами на берег; она говорила, что там «слишком много песка», хотя, по-моему, это все равно что сказать, что океан слишком мокрый.

А мы, гуляя там, постоянно встречали одного старика в широкополой шляпе, он медленно бродил по берегу, тыкая в песок длинной палкой, но не такой, с какой иногда ходил на прогулку папа. Тот старик ходил с большим мешком и, то и дело останавливаясь, принимался копать.

– Пап, а что это он делает? – спросила я.

– Он живет на пляже, милая. И зарабатывает себе на пропитание продажей того, что найдет, копаясь в песке, – ракушки или какие-то чужеземные ценные вещи, упавшие с кораблей и вынесенные морскими волнами на наш остров.

– А-а, ясно, – задумчиво произнесла я, осознав, что у этого старика явно нет расчески, и, уж конечно, ему не понравился бы тот частый гребень, которым Дейзи каждое утро расчесывала мои волосы. – Ты думаешь, он хочет найти закопанные сокровища?

– Ну, если он будет упорно копаться в песке, то однажды наверняка что-нибудь найдет.

С растущим интересом я наблюдала за стариком, когда он вытащил что-то из ямки и, стряхнув мокрый песок, обнаружил, что нашел всего лишь старый эмалированный чайник.

– Ах, какое разочарование, – со вздохом протянула я.

– Запомни, радость моя, то, что один человек считает хламом, другой может счесть сокровищем. Вероятно, все мы в каком-то роде искатели, – прищурившись на солнце, заметил папа. – Мы постоянно что-то ищем, надеясь найти эфемерные спрятанные сокровища, которые обогатят нашу жизнь, а если мы найдем простой чайник, а не сверкающую драгоценность, то нам надо продолжать поиски.

– Неужели, папа, ты тоже ищешь сокровища?

– Нет, моя волшебная принцесса, я уже нашел их. – Он улыбнулся, взглянув на меня, и поцеловал в макушку.

После долгого ворчания папа наконец сдался и решил отправиться со мной на речку поплавать, поэтому Дейзи помогла мне надеть купальный костюм и натянула на мои вьющиеся волосы шапочку, после чего я забралась в папину машину. Маман заявила, что она слишком занята подготовкой к завтрашнему приему, однако я только обрадовалась, поскольку тогда мы с Королем Волшебной страны сможем обогатить наш двор, наловив в реке самых разных тварей.

— А выдры там живут? — спросила я, когда мы уже ехали по проселочной дороге между холмистых зеленых полей в противоположную от моря сторону.

— Чтобы увидеть выдру, придется затаиться и сидеть очень тихо, — ответил папа. — Выдержишь ли ты, Поузи, полную неподвижность?

— Конечно!

После долгой езды я наконец увидела голубую ленту реки, ее змеящиеся извивы прятались за камышами. Припарковав машину, мы вместе направились к речному берегу, папа тащил с собой все наше научное снаряжение: фотокамеру, сачки для ловли бабочек, стеклянные банки, лимонад и сэндвичи с солониной.

Над самой водной поверхностью скользили стрекозы, но мгновенно исчезли, когда я вбежала в речку. Вода была вос-

хитительно прохладной, но голова и лицо под шапочкой вспотели и чесались, поэтому я оставила шапочку на берегу, где папа уже тоже успел переодеться в купальный костюм.

– Если здесь и плавала только что выдра, то уже явно смогалась подальше от твоего шума и плеска, – заметил папа, войдя в реку.

Вода едва доходила ему до колен, такой он был высокий.

– Ну-ка, взгляни на эту пузырьчатку, не стоит ли нам пополнить ими нашу придворную коллекцию?

Вместе пройдя к этим водным растениям, мы взялись за один из стеблей с желтыми цветочками и вытянули ее луковичное корневище. На этом растении жило множество мелких насекомых, поэтому, наполнив банку водой, мы поместили наш экземпляр внутрь для сохранности.

– А ты помнишь его латинское название, дорогуша?

– *Utri-cu-la-ria!* – гордо выговорила я, выбравшись из воды и усевшись рядом с папой на травянистый берег.

– Умница. Мне хочется, чтобы ты пообещала пополнять нашу коллекцию растений. Если увидишь интересное растение, то засуши его для гербария, как я тебе показывал. Ты же понимаешь, Поузи, что, пока я буду в отъезде, кому-то нужно продолжать помогать мне с собиранием экземпляров для будущей книги.

Открыв корзинку для пикников, папа протянул мне сэндвич, и я взяла его, пытаясь принять серьезный и научный вид. Мне хотелось дать понять папе, что он может доверять

мне свою работу. До войны он изучал ботанику и, наверное, с тех пор как я появилась на свет, писал книгу. Он частенько запирался в своей Башне, говоря, что ему надо «записать кое-какие мысли». Иногда он приносил эту книгу в дом и показывал мне, какие рисунки уже сделал.

Да, его рисунки выглядели замечательно. Он объяснил мне, как все устроено в нашей среде обитания, а его книга изобиловала красивыми иллюстрациями бабочек, насекомых и растений. Как-то раз он сказал мне, что если изменится жизнь всего одного существа, то может нарушиться все равновесие в природе.

– Посмотри, к примеру, на этих мошек. – И папа махнул рукой на комариное облачко, назойливо кружившее над нами одним теплым летним вечером. – Они крайне важны для нашей экосистемы.

– Но они же кусаются, – возразила я, ловко прихлопнув одного комара.

– Да, такова их природа, – с усмешкой согласился папа. – Но без них множество видов птиц потеряет стабильный источник пищи, и тогда их популяция резко снизится. А без птиц другие насекомые, типа кузнечиков, будут меньше поедаться и, продолжая вольготно размножаться, съедят все растения. А без растений...

– Может не хватить еды для разных травоядных животных.

– Верно, для травоядных. Поэтому, видишь ли, весь мир

держится в тонком равновесии. И взмах крыльев бабочки может совершенно изменить весь наш мир⁴.

Я размышляла над его словами, пережевывая кусок сэндвича.

– У меня есть для тебя один сюрприз, – вдруг сказал папа, взяв свой рюкзак.

Он достал оттуда блестящий жестяной пенал и вручил его мне.

Открыв его, я увидела множество идеально заточенных карандашей всех цветов и оттенков радуги.

– Пока меня не будет дома, ты должна продолжать рисовать, а когда я вернусь, ты сможешь показать мне, какими искусными стали твои рисунки.

Потеряв дар речи от радости, я просто кивнула, разглядывая роскошный подарок.

– В Кембридже нас научили по-настоящему смотреть на наш большой мир, – продолжил папа. – Так много людей слепы к окружающей их красоте и магии. Но не ты, Поузи, ты уже видишь мир лучше многих. Зарисовывая природу, мы начинаем понимать ее – видеть все ее разнообразные компоненты и то, как они соединяются в единое целое. Рисуя то, что видишь, и изучая зримые объекты, ты сможешь помочь

⁴ Эффект бабочки – термин в естественных науках, обозначающий свойство некоторых хаотичных систем, а именно то, что незначительное влияние на систему может иметь большие и непредсказуемые последствия, в том числе и совершенно в другом месте; автор выражения Эдвард Нортон Лоренц (1917–2008) – американский математик и метеоролог, один из основоположников теории хаоса.

другим людям понять чудеса природы.

Дома Дейзи отругала меня за то, что я намочила волосы, и засунула меня в ванную, хотя, по-моему, это вовсе не имело смысла, ведь от этого мои подсохшие местами волосы опять стали совсем мокрыми. Едва Дейзи уложила меня спать и дверь за ней закрылась, я выскользнула из кровати и, вытащив набор моих новых цветных карандашей, потрогала их заостренные мягкие кончики. «Если я буду достаточно много заниматься рисованием, – подумала я, – то к тому времени, когда папа вернется с войны, я покажу ему, как хорошо преуспела в этом занятии, и тоже, наверное, смогу поступить в Кембридж... несмотря на то что я девочка».

На следующее утро еще из окна спальни я увидела, как по нашей подъездной аллее начали проезжать автомобили. Каждый из них был забит пассажирами; на днях я слышала, как маман объясняла, что все ее друзья объединили свои талоны на бензин, обеспечивая эту поездку из Лондона. На самом деле она называла их «émigrés», но я поняла, что она имела в виду «эмигрантов», потому что с раннего моего детства она разговаривала со мной по-французски. В словаре я вычитала, что так называют человека, переселившегося со своей родины в другую страну. По словам маман, складывалось впечатление, будто весь Париж сбежал от этой войны в Англию. Я понимала, естественно, что это преувеличение, однако на наших сборищах обычно количество французских друзей превосходило папиных английских. А мне французы

даже нравились, они выглядели ужасно живописно, мужчины с яркими шарфами и в блестящих смокингах разных всевозможных расцветок, а дамы в шелковых платьях и с красной помадой на губах. И главное, они всегда привозили мне подарки, поэтому все наши приемы напоминали рождественские праздники.

Папа называл их маминой «богемой», и в словаре говорилось, что так называют творческих людей, будь то артисты, музыканты или художники. Маман когда-то пела в знаменитом ночном клубе Парижа, мне нравилось слушать ее голос, низкий и бархатисто-мягкий, как расплавленный шоколад. Правда, она не знала, что я слышала ее пение, поскольку мне уже полагалось спать, но, когда в доме гуляли гости, уснуть все равно не удавалось, поэтому я тайно выходила на лестницу и слушала их музыкальные номера и шумную болтовню. На таких вечеринках маман словно воскресала. Мне нравилось слушать ее веселый смех, ведь без гостей она смеялась не слишком часто.

Папины друзья-летчики мне тоже нравились, хотя все они одевались одинаково – в военную форму темно-синих и коричневых цветов, поэтому все казались на одно лицо. Больше всех мне нравился мой крестный Ральф, лучший папин друг; мне он казался очень красивым, с темными волосами и большими карими глазами. На картинке в моей книжке сказок я любовалась принцем, который поцеловал Белоснежку и разбудил ее. Так вот дядя Ральф выглядел в точ-

ности как этот принц. К тому же он прекрасно играл на пианино — до войны он был концертирующим пианистом (до войны, как я узнала, буквально все наши знакомые занимались чем-то другим, за исключением Дейзи, нашей служанки). Дядя Ральф чем-то болел, поэтому не мог воевать или летать на военных самолетах. Ему пришлось заниматься тем, что взрослые называли «кабинетной работой», хотя я не представляла, чем можно заниматься в кабинете, кроме как сидеть за письменным столом, вероятно, именно так он работал. Пока папа летал на своих истребителях «Спитфайр», что означало «извергающий огонь», дядя Ральф иногда навещал нас с маман, и его визиты становились для нас настоящими праздниками. Он мог приехать в воскресенье к обеду, днем он играл на пианино для меня, а вечером — для маман. Недавно я осознала, что папа воевал четыре года из моих семи лет на нашей планете, а маман, должно быть, очень грустила, подолгу оставаясь только со мной и Дейзи.

Сидя на подоконнике, я выглянула за окно, маман встречала гостей на широких ступенях перед входной дверью, находившейся прямо под моей спальней. Маман выглядела сегодня потрясающе красивой в своем темно-синем платье, оно великолепно подчеркивало цвет ее прелестных глаз, а когда папа, тоже выйдя из дома, обнял ее за талию, я почувствовала себя по-настоящему счастливой. Дейзи пришла, чтобы помочь мне нарядиться в новое платье, она сшила его для меня из старых зеленых штор. Пока она причесывала

мои волосы, слегка стянув их на затылке и повязав зеленой лентой, я решила, что не буду сегодня думать о завтрашнем папином отъезде, ведь после него на наш Адмирал-хаус и на нас, его обитателей, опять опустится оглушительная тишина, подобная той грозе со взрывами грома и молниями.

– Ну как, мисс Поузи, вы готовы выйти к гостям? – спросила меня Дейзи.

Я заметила, что ее лицо покраснелось и поблескивало от пота, она выглядела очень усталой, вероятно, как от жаркого утра, так и от того, что ей пришлось одной готовить угощения для всех гостей. Я взглянула на нее, постаравшись утешить своей самой нежной улыбкой.

– Да, Дейзи, готова.

* * *

По-настоящему меня звали вовсе не Поузи; меня называли в честь моей матери Адрианой. Однако ведь мы обе могли откликаться на это имя, поэтому, чтобы избежать путаницы, решили использовать мое второе имя, Роуз, данное мне в честь моей английской бабушки. Дейзи рассказывала мне, что, когда я была малышкой, папа начал называть меня «Роузи Поузи»⁵, и постепенно это прозвище сократилось до второй половинки. И такое прозвище мне очень понравилось,

⁵ Rosy Posy – розовый букетик (англ.).

я даже думала, что оно подходит мне гораздо лучше моих настоящих имен.

Некоторые из папиных старших родственников упорно называли меня «Роуз», и я, разумеется, откликалась, поскольку меня учили, что со старшими надо вести себя вежливо, однако на сегодняшнем приеме все гости знали меня как Поузи. Друзья маман обожали миндаль в сахаре, я его, честно говоря, не особенно любила, но понимала, как трудно купить мой любимый шоколад из-за этой войны.

На террасу вынесли длинный раздвижной стол, чтобы поместились все гости, и я сидела за ним, чувствуя, как солнце припекает мою широкополую шляпу (из-за нее мне было еще жарче), прислушивалась к застольным разговорам и мечтала, чтобы в Адмирал-хаусе всегда было так весело. Маман и папа сидели рядом во главе стола, словно король и королева на дворцовом приеме, его рука обвивала ее белые плечи. И они оба выглядели такими счастливыми, что мне вдруг захотелось плакать.

– Поузи, милая, ты чем-то расстроена? – спросил сидевший рядом со мной дядя Ральф. – Нынче у нас чертовски жарко, – добавил он, вытащив из кармана пиджака безупречно чистый белый платок и промокнув им лоб.

– Да, дядя Ральф. Я просто подумала, какими счастливыми выглядят сегодня маман и папуля. И как грустно, что ему придется возвращаться на войну.

– Да уж.

Я заметила, как Ральф пристально взглянул на моих родителей, и лицо его внезапно тоже погрустнело.

— Ну, вообще-то, при благоприятном ветре, все беды скоро закончатся, — в итоге сказал он. — И мы все опять начнем привычную нам мирную жизнь.

* * *

После обеда мне разрешили поиграть в крокет, и я играла удивительно успешно, вероятно, потому, что большинство взрослых, выпив много вина, катали шары куда угодно, только не в воротца. Я слышала, как папа говорил, что ради сегодняшнего приема полностью опустошил винный погреб, и большую часть вина, похоже, гости уже выпили. Вообще-то я не понимала, почему взрослые так любили выпивать; на мой взгляд, от этого они становились только более шумными и глупыми, хотя, возможно, я пойму их, когда сама повзрелею. Направляясь по газону к теннисному корту, я заметила, что под деревом лежит мужчина, обнимая двух женщин. Все трое крепко спали. Кто-то на террасе в одиночестве играл на саксофоне, и я подумала, как же хорошо, что у нас поблизости нет соседей.

Я понимала, как мне повезло жить в Адмирал-хаусе; когда я начала ходить в местную школу, и Мейбл, моя новая подруга, пригласила меня на чай, я поразилась, обнаружив, что ее семья жила в доме, где с крыльца попадаешь прямо в

гостиную. В глубине еще имелась крошечная кухня, а туалет вообще находился на улице! Она жила там вместе с четырьмя братьями и сестрами, и они спали все вместе в маленькой спальне на верхнем этаже. Именно тогда я испытала сильное потрясение, впервые осознав, что родилась в богатой семье и что не все живут в особняке с садом и парком. Когда Дейзи пришла за мной, чтобы проводить домой, я спросила ее, почему так бывает.

– Это уж, Поузи, как кости выпадут, – пояснила мне Дейзи со своим мягким саффолкским акцентом. – Одним выпадает удача, а другим ее не видать, как своих ушей.

Дейзи очень любила всякие поговорки; в половине случаев я не понимала, о чем она говорит, однако порадовалась тому, что мне, видимо, «кости» выпали удачно, и решила отныне усерднее молиться за всех тех, кому не так повезло.

Я подозревала, что наша учительница, мисс Данзарт, относится ко мне без особой симпатии. Несмотря на то что она побуждала всех нас поднимать руки, если мы знали ответы на ее вопросы, я обычно опережала остальных. Тогда она слегка закатывала глаза и, смешно округлив рот, устало говорила: «Да, Поузи».

Однажды, когда мы гуляли на игровой площадке, и я крутила один конец длинной скакалки, то услышала обрывки ее разговора с другой учительницей:

– Единственный ребенок... воспитанный в обществе взрослых... скороспелое развитие...

Придя домой, я посмотрела в словаре значение слов «скороспелое развитие». И после этого перестала поднимать руку, даже если ответ крутился у меня на языке.

* * *

Часам к шести вечера все проснулись и потянулись к дому переодеваться к ужину. Я зашла на кухню, где Дейзи показала мне мой ужин.

– Для вас, мисс Поузи, сегодня вечером хлеб с джемом. Мне еще надо разобраться с двумя лососями, что притащил мистер Ральф, а я ума не приложу, с чем их приготовить, как ни суй их в духовку, хоть хвостом вперед, хоть головой.

Дейзи рассмеялась собственной шутке, а я вдруг почувствовала жалость, что ей приходится так много работать сегодня.

– Может, я могу чем-то помочь?

– Марджори прислала из деревни двух своих барышень, чтобы помогли накрыть на стол и подавать, значит, я справлюсь. Но спасибо, что предложила, – сказала Дейзи, улынувшись. – Ты ведь у нас добрая девочка.

Допив чай, я тихо выскользнула из кухни, пока Дейзи не успела отправить меня наверх готовиться ко сну. Хотелось еще насладиться прекрасным нынешним вечером. Выйдя на террасу, я увидела, что солнце уже зависло над верхушками дубов, озарив зеленый газон косыми золотистыми луча-

ми. Птицы щебетали, как днем, и было так тепло и комфортно, что не хотелось даже накидывать кардиган. Я села на крыльцо, пригладив на коленках подол своего хлопчатобумажного платья, и принялась разглядывать бабочку-адмирала, присевшую на лист одного из цветков клумбы, тянувшейся вдоль садовой дорожки. Я всегда думала, что наш дом называли в честь этих бабочек, так красиво летавших над кустами. И ужасно расстроилась, узнав от маман, что особняк называли в честь моего пра-пра-пра (по-моему были три «пра», или, может, четыре) – дедушки, служившего адмиралом во флоте, что вовсе не показалось мне романтичным.

И хотя папа говорил, что такой «простой» вид бабочек распространен у нас повсеместно («простыми» маман также называла некоторых детей из моего класса в школе), я считала их самыми красивыми бабочками, любуясь прекрасными темными крылышками с красными полосками и белыми пятнышками по краям, к тому же они напоминали мне модель самолета «Спитфайр», на котором летал папа. От этой мысли мне стало грустно, я опять вспомнила, что завтра он снова отправится летать на своих военных истребителях.

– Вот где моя любимая дочурка, и что же ты тут делаешь совсем одна?

Звук его голоса заставил меня вздрогнуть, ведь я как раз думала о нем. Оглянувшись, я увидела, как он приближается ко мне по веранде, дымя сигаретой, потом он бросил ее на землю и наступил, чтобы погасить окурок. Он знал, что мне

не нравился сигаретный дым.

– Папуля, ты ведь не скажешь Дейзи, что видел меня? Иначе она сразу отправит меня в постель, – быстро протараторила я, когда папа опустился на ступеньки рядом со мной.

– Обещаю. Кроме того, разве можно спать, когда небеса послали нам такой дивный вечер. Полагаю, лучшего месяца, чем июнь, в Англии не бывает; все в природе просыпается от долгой зимней спячки, потягивается и зевает, разворачивая свои листочки и цветы на радость человеку. К августу внутренние живительные силы выгорают от жары, и природа вновь собирается погрузиться в сон.

– Так же, как мы, папа. Ведь зимой я с удовольствием ложусь спать, – заметила я.

– Именно так, милая. Никогда не забывай, что мы неразрывно связаны с природой.

– В Библии сказано, что все на Земле создал Бог, – с важным видом продолжила я, почерпнув эти знания на уроках Закона Божьего.

– Несомненно, хотя мне трудно поверить, что он уложился всего в семь дней, – с усмешкой произнес он.

– Как по волшебству, папа, верно? Точно так же Санта-Клаус умудряется доставить подарки всем детям в мире всего за одну ночь.

– Так и есть, Поузи, разумеется, по волшебству. Наш мир полон волшебства, и мы все должны считаться счастливыми, ведь нам выпало счастье жить в нем. Не забывай об

этом, ладно?

– Не забуду, папа. Папа?..

– Что, Поузи?

– Во сколько ты уедешь завтра?

– Мне надо успеть на поезд после обеда.

Я упорно смотрела на свои черные лакированные туфельки.

– Я беспокоюсь, что тебя опять могут ранить.

– Не волнуйся, милая. Как говорит твоя маман, «я способен выдержать любые удары». – Он улыбнулся.

– А когда ты вернешься?

– Как только мне дадут увольнительную, то есть довольно скоро. Присматривай за мамой, пока меня не будет, ладно? Я понимаю, что в одиночестве она чувствует себя здесь несчастной.

– Я всегда стараюсь, папа. Она грустит только потому, что любит тебя и скучает, верно?

– Да, Поузи, и я тоже безумно люблю ее. Только мысли о ней – и о тебе, малышка, – помогают мне в небе. Понимаешь, до начала этой проклятой войны мы прожили вместе не так уж долго.

– Ты слышал, как она пела в парижском клубе, и влюбился в нее в ту же минуту, а потом быстренько увез ее в Англию и сразу женился, чтобы она не успела передумать, – мечтательно произнесла я.

История любви моих родителей замечательнее любой са-

мой волшебной сказки из моей книжки.

– Верно. Именно благодаря любви, Поузи, наша жизнь становится волшебной. Даже в самый сумрачный зимний день любовь способна озарить мир ярким светом, и он становится таким же прекрасным, как сейчас.

Папа глубоко вздохнул и накрыл своей большой ладонью мою руку.

– Обещай мне, Поузи, когда ты найдешь любовь, то крепко ухватишься за нее и ни за что никуда не отпустишь.

– Обещаю, папа, – ответила я, серьезно посмотрев на него.

– Умница. А теперь мне пора пойти переодеться к ужину.

Он запечатлел поцелуй на моей кудрявой макушке, встал и удалился в дом.

Разумеется, в тот момент я не знала, что это был мой последний важный разговор с отцом.

* * *

На следующий день папа уехал и все гости тоже разъехались. Тот вечер выдался таким жарким и душным, что сам вдыхаемый воздух казался густым и тяжелым, словно из него выпарился весь кислород. Дом словно онемел – Дейзи, как обычно, отправилась в свою еженедельную поездку в гости к подруге Эдит, поэтому тишину не нарушали даже ее недовольное ворчание или пение (я предпочитала ворчание) за мытьем посуды. А грязной посуды осталось много, она все

еще громоздилась на подносах около раковины, ожидая помывки. Я предложила помочь с бокалами и стаканами, но Дейзи сказала, что от моей помощи будет больше мороки, чем пользы, хотя я сочла ее слова совсем несправедливыми.

Маман удалилась в свою спальню сразу после того, как последний автомобиль с гостями свернул с подъездной аллеи и исчез за каштанами. Очевидно, у нее началась одна из ее мигреней, но Дейзи говорила, что мигренью аристократы называют похмелье, что бы оно ни значило. Я устроилась в своей комнате на подоконнике, само окно находилось над портиком фасадной стены Адмирал-хауса. Такая позиция означала, что я первой увижу любого, кто приблизится к нашему дому. Папа называл меня своим маленьким «впередсмотрящим», и с тех пор как наш дворецкий Фредерик ушел воевать, именно я обычно открывала входную дверь.

Из моего окна открывался прекрасный вид на подъездную аллею, протянувшуюся между рядами старых дубов и каштанов. Папа рассказывал мне, что некоторые из них посадили почти три столетия тому назад, когда тот самый первый адмирал построил для себя этот дом. (Я вдруг с удивлением осознала, что эти деревья прожили на земле почти в пять раз дольше людей, ведь если «Британская энциклопедия» из нашей библиотеки права, то средняя продолжительность жизни составляет шестьдесят один год для мужчин и шестьдесят семь лет для женщин.) В ясный день над кронами деревьев, под небесной голубизной, если присмотреться, я видела уз-

кую серовато-синюю полосу. Это было Северное море, его берег находился всего в пяти милях от Адмирал-хауса. Меня пугала мысль о том, что в один из ближайших дней папа мог улететь за море на своем маленьком самолете.

– Возвращайся домой целым и невредимым, возвращайся скорее, – прошептала я, глядя, как темно-серые тучи надвигаются на закатное солнце, словно пытаюсь выдавить сок из этого небесного апельсина (как же давно я не пила этот вкусный напиток). Воздух, казалось, замер, в мое открытое окно не проникало даже легкого ветерка. Издалека доносилось рокотание грома, и я надеялась, что Дейзи ошибалась, говоря, что так Бог сердится на нас. Я никак не могла разобраться, почему у викария Бог – добрый, а у Дейзи – сердитый. Может, Бог, как любой отец, бывает то добрым, то сердитым?

Когда упали первые капли дождя, вскоре превратившегося в ливень, и вспышки Божьего гнева прорезали небо, я с надеждой подумала, что папа успел благополучно приехать на свою базу, иначе промок бы до нитки, или, что еще страшнее, в него могла попасть молния. Подоконник стал мокрым, и я, закрыв окно, вдруг услышала, что мой животик урчит почти так же громко, как гром. Тогда я отправилась на кухню, чтобы подкрепится хлебом с джемом, оставленным Дейзи мне на ужин.

Спускаясь в тоскливых сумерках по широкой дубовой лестнице, я подумала, как разительно сегодняшняя тиши-

на отличается от вчерашнего шумного многоголосья, словно вдруг опустел улей, наполнявшийся весело жужжащим пчелиным роем. Надо мной, прорезав тишину, раздался очередной раскат грома, и я порадовалась тому, что мне совсем не страшно, я не боялась оставаться в одиночестве, не боялась ни темноты, ни гроз.

– Ой, Поузи, какой у вас жуткий дом, – прошептала Мейбл, когда я однажды пригласила ее в гости. – Только посмотри на картины всех этих мертвых душ в стародавних нарядах! У меня от них прямо мурашки по коже, ей-богу, – дрожащим голосом произнесла она, показывая на портреты предков, смотревших на нас со стен лестницы. – Если бы мне тут ночью захотелось в уборную, то я уж точно побоялась бы выйти из комнаты, чтобы не столкнуться с привидениями.

– Ну, они же все мои родственники и наверняка вели бы себя исключительно благожелательно, если бы вернулись приветствовать нас, – возразила я, огорчившись, что ей сразу не понравился Адмирал-хаус.

И сейчас, пройдя по холлу и длинному гулкому коридору, что вел на кухню, я вовсе ничего не боялась, несмотря на то что уже совсем стемнело, а маман, вероятно, давно спала наверху в своей спальне, и даже не услышала бы меня, если бы я начала кричать.

Я знала, что нахожусь в полной безопасности, и в этом доме с его крепкими стенами со мной никогда не может случиться ничего плохого.

Попытавшись включить свет на кухне, я обнаружила, что его нет, поэтому зажгла одну из стоявших на полке свечек. Я уже хорошо научилась зажигать свечи, ведь электричество в Адмирал-хаусе работало с перебоями, особенно с начала войны. Мне нравился мягкий, живой огонь, освещавший лишь небольшое пространство. Когда горели свечи, то даже самые противные люди почему-то выглядели симпатичными. Взяв хлеб, заранее отрезанный для меня Дейзи – мне разрешали зажигать свечки, но запрещали трогать острые ножи, – я намазала на него масло и густой слой джема. Уже с кусочком во рту, я взяла тарелку с оставшимся хлебом и свечку и вернулась в свою спальню, чтобы понаблюдать за грозой.

Я опять сидела на подоконнике, поедая хлеб с джемом и вспоминая, как Дейзи беспокоилась обо мне перед уходом. Особенно учитывая, что папа уехал.

– Неправильно оставлять маленькую девочку одну в таком большом доме, – ворчала она.

А я пыталась убедить ее, что я не одна, ведь маман тоже дома, и, кроме того, я уже не «маленькая», мне исполнилось целых семь лет и, значит, я достаточно большая.

Выразительно хмыкнув в ответ, она сняла фартук и, повесив его на крючок с внутренней стороны кухонной двери, добавила:

– Не важно, что там у нее за мигрень, тебе следует в случае чего пойти и разбудить свою маму.

– Ладно, – как обычно, согласилась я, разумеется, понимая, что ни за что не стану будить ее, даже если бы меня, как произошло однажды, стошнило на пол и у меня опять сильно разболелся бы живот. Я понимала, что маман рассердится, если я разбужу ее, ведь ей нужно выспаться. В любом случае, я не страдала от одиночества, успев привыкнуть к нему с тех пор как папа первый раз отправился на войну. К тому же я не скучала, ведь в нашей библиотеке стояло полное собрание «Британской энциклопедии». Я уже закончила читать первые два тома, но впереди меня ожидали следующие двадцать два, и я полагала, что мне должно хватить их до тех пор, пока я не стану совсем взрослой.

Сегодня вечером, без электричества, для чтения было темновато, да и от свечки уже остался огарок, поэтому я просто смотрела в небеса, стараясь не думать об уехавшем папе, иначе слезы могли политься из моих глаз так же легко, как капли дождя, сливающиеся в струйки и стекавшие по оконному стеклу.

Пока я разглядывала эти струйки, в глаза мне вдруг бросилась какая-то красная вспышка в верхнем уголке рамы.

– Ой! Это же бабочка! Мой любимый адмирал!

Встав на подоконник, я увидела, как эта бедняжка изо всех сил старается укрыться от грозового ливня под выступом оконной рамы. Надо спасти ее, подумала я и, остороженько открыв верхний шпингалет, высунула руку в форточку. Бабочка сидела неподвижно, но мне все-таки далеко не

сразу удалось аккуратно, чтобы не повредить сложенные, совсем мокрые и скользкие хрупкие крылышки, взять ее двумя пальцами.

– Удалось, – прошептала я, осторожно втянув руку – мгновенно промокшую – обратно в комнату, и закрыла форточку сухой рукой.

– А теперь, малышка, – продолжила я шепотом, разглядывая бабочку, сидевшую у меня на ладошке, – как же мне, интересно, высушить твои крылышки?

Я задумалась о том, как бабочки обычно сушили их сами в дикой природе, ведь они, должно быть, частенько попадали под дождь.

– Нужен теплый ветерок, – сказала я и принялась тихонько дуть на нее, надеясь высушить своим дыханием.

Поначалу бабочка не двигалась, однако в конце концов, когда я уже думала, что хлопнусь в обморок, истратив на нее весь свой воздух, я заметила, как затрепетали и открылись ее крылышки. Ни разу в жизни бабочка еще не сидела вот так спокойно у меня на ладони, и я, склонив голову, во все глаза разглядывала восхитительные цвета и затейливые узоры ее крыльев.

– Да ты настоящая красотка, – сообщила я ей. – Только вот сегодня тебе не стоит улетать в сад, иначе опять промокнешь, поэтому лучше переждать вот здесь, на подоконнике, чтобы ты могла видеть своих приятельниц за окном, а завтра утром я выпущу тебя на свободу.

Нежно взяв бабочку кончиками пальцев, я посадила ее на подоконник. Наблюдая за ней, я задумалась о том, как бабочки спят – с открытыми или с закрытыми крылышками. Но и мои собственные глаза уже начали слипаться, поэтому я задернула оконные шторы, чтобы у моей крошечной гостьи не возникло искушения полетать по комнате и взлететь на потолок. Ведь если она сядет на потолок, то я уже не смогу достать ее оттуда, и со временем она может умереть там от голода или от страха.

Захватив свечку, я прошла по комнате и забралась в кровать, с удовольствием осознавая, что мне удалось спасти одну жизнь, и думая, что, возможно, это хорошее предзнаменование и мой папа на сей раз вернется без всяких ранений.

– Доброй ночи, бабочка. Спи спокойно до утра, – прошептала я и, задув свечку, быстро провалилась в сон.

* * *

Проснувшись, я увидела, что на потолке играют солнечные зайчики, проникшие в комнату через щели в шторах. Эти золотистые пятнышки означали, что солнышко уже встало. Вспомнив про бабочку, я вылезла из кровати и осторожно раздвинула шторы.

– Ой!

Я затаила дыхание, увидев, что моя бабочка лежит на боку со сложенными крылышками и поднятыми крошечными

лапками. Из-за темно-бурой нижней стороны крыльев она выглядела как большая и совсем мертвая моль. Я коснулась ее для проверки, но она даже не шелохнулась, и тогда у меня из глаз брызнули слезы, и я осознала, что ее душа, должно быть, уже на небесах. Может, я виновата в ее смерти, потому что не выпустила на свободу вчера вечером? Папа обычно говорил, что надо очень быстро выпускать их на волю, и, хотя я не посадила ее в стеклянную банку, она все-таки оставалась в комнате. Или, может, промокнув до нитки, она умерла от воспаления легких или бронхита?

Я стояла возле окна, глядя на нее, и вдруг *осознала*, что это просто ужасно плохое предзнаменование.

Осень 1944

Мне нравилась пора, когда позднее лето начинало угасать, окрашиваясь приметами долгой бесплодной зимы. Верхушки деревьев гигантской паутиной окутывала туманная пелена, в воздухе пахло лесной прелью, он насыщался кисловатыми запахами брожения (это слово я узнала недавно, когда побывала во время школьной экскурсии на местной пивоварне и увидела, как хмель превращается в пиво). Маман заявила, что английская погода действует угнетающе, и ей хотелось бы жить там, где круглый год тепло и солнечно. Лично мне казалось, что как раз такое однообразие было бы смертельно скучно.

Но после отъезда папы жизнь действительно поскучнела. В доме больше не собирались компании, даже гости к нам не заходили, за исключением дяди Ральфа, он появлялся довольно часто с букетами цветов и французскими сигаретами для маман, а иногда и с шоколадом для меня. Монотонность жизни в августе наконец нарушило ежегодное путешествие к бабушке в Корнуолл. Обычно маман ездила со мной, а папа присоединялся к нам на несколько дней, если удавалось получить отпуск, но в этом году маман заявила, что я уже достаточно взрослая и могу поехать одна.

– Не меня же, а именно тебя, Поузи, она хочет увидеть. Она не любит меня, никогда не любила.

Я не сомневалась, что маман ошибается, как же можно не любить ее, ведь она так красива и у нее прекрасный голос, однако в результате в долгое путешествие я уехала одна, вернее, туда и обратно меня сопровождала вечно всем недовольная Дейзи.

Бабушка жила рядом с деревенькой под названием Блислэнд, раскинувшейся на западном склоне Бодмин-мур. Ее дом был довольно большим и богатым, однако из-за серых стен и массивной темной мебели всегда казался мне немного мрачноватым после наполненных светом комнат Адмирал-хауса. Зато радовали живописные окрестности, они изобиловали замечательными новыми растениями и насекомыми. Когда приезжал папа, мы с ним отправлялись гулять по пустошам, чтобы набрать образцы вереска и красивых диких цветов, что росли между кустами утесника.

К сожалению, на сей раз папа не смог приехать, и к тому же каждый день шли дожди, поэтому прогулки, разумеется, исключались. Долгими мокрыми днями бабушка учила меня раскладывать пасьянсы и баловала, разрешая поедать множество пирожных, но я обрадовалась, когда настала пора уезжать. Приехав домой, мы с Дейзи выбрали из двуколки, запряженной малорослой лошадкой, на которой Бенсон, наш приходящий садовник (глубокий, вероятно, столетний старик), иногда выезжал встречать людей с железнодорожной станции. Оставив Бенсона и Дейзи выгружать чемоданы, я побежала в дом искать маман. Из гостиной доносились зву-

ки граммофона, играла пластинка с «Голубой луной»⁶, и там же я обнаружила маман с дядей Ральфом, они танцевали.

– Поузи! – высвободившись из рук Ральфа, воскликнула маман и подошла ко мне, раскрыв объятия. – Мы не слышали, как вы подъехали.

– Наверное, маман, из-за громкой музыки, – предположила я, подумав, какой красивой и счастливой она выглядит, ее щеки разрумянились, а длинные волосы, выпав из заколки, рассыпались по спине светлым золотом.

– Понимаешь, Поузи, мы тут кое-что праздновали, – сказал дядя Ральф. – Из Франции поступили хорошие новости. Похоже, немцы скоро капитулируют, и война наконец закончится.

– Ах, как славно! – обрадовалась я. – Значит, и папа скоро вернется домой.

– Да.

Немного помолчав, маман велела мне подняться в комнату, помыться и переодеться после долгого путешествия. Переодеваясь, я искренне надеялась, что дядя Ральф прав и папа скоро будет дома. После высадки в Нормандии⁷ радио на-

⁶ «Голубая луна» («Blue Moon», *англ.*) – песня, написанная в 1934 году американским композитором Ричардом Роджерсом (1902–1979) на слова поэта-песенника Лоренца Харта (1895–1943), плодотворно работавших вместе четверть века.

⁷ Высадка в Нормандии, или Операция «Нептун», – морская десантная операция, проведенная 6 июня 1944 года в Нормандии во время Второй мировой войны силами США, Великобритании, Канады и их союзников против Германии.

чало регулярно передавать сводки о наших триумфальных победах, и я постоянно ждала, что со дня на день увижу его. С тех пор прошло уже больше трех месяцев, а он все еще не вернулся, хотя маман удалось встретиться с ним, когда ему дали короткую увольнительную. Если я приставала к ней с вопросами, почему же он не возвращается домой, раз мы почти выиграли войну, она грустно пожимала плечами.

– Он очень много летает, Поузи, и вернется домой, когда его отпустят.

– Но откуда вы знаете, что с ним все в порядке? Он написал вам?

– Oui, chérie⁸, написал. Потерпи еще немного. Окончание войн требует много времени.

Нехватка продовольствия стала ощущаться еще острее, и у нас остались лишь две последние курицы, им не сворачивали шеи из-за того, что они прекрасно несли яйца. Но и они, казалось, истощили свои жизненные силы, хотя я ежедневно заходила поболтать с ними, ведь Бенсон говорил, что счастливая курица несет больше яиц. Моя болтовня явно перестала помогать, потому что за последние пять дней ни Этель, ни Руби не снесли ни одного яйца.

– Где же ты, папа? – вопрошала я, глядя в небо и думая, как чудесно было бы, если бы я вдруг увидела, как из-за облаков вылетает папин «Спитфайр», снижается и приземляется на нашу большую лужайку.

⁸ Да, милая (фр.).

Начался ноябрь, и каждый день после школы я бродила по мокрому, подмороженному подлеску в поисках хвороста для растопки камина, который мы с маман разжигали по вечерам в малой столовой рядом с кухней, она прогревалась гораздо быстрее большой гостиной.

– Знаешь, Поузи, по-моему, нам пора подумать о Рождестве, – однажды вечером сказала маман.

– Может, к тому времени вернется папа и мы проведем его все вместе?

– Увы, он не успеет, а меня друзья пригласили на праздник в Лондон. Разумеется, тебе будет слишком скучно там среди множества взрослых, поэтому я написала твоей бабушке, и она предложила, чтобы ты приехала на Рождество к ней.

– Но мне хочется...

– Поузи, пожалуйста, постарайся понять, что мы не можем остаться здесь. В этом доме слишком холодно, а у нас нет даже угля для каминов...

– Зато есть дрова и...

– Поузи, нам ведь нечего положить на тарелки, у нас закончились все запасы еды! А твоя бабушка, кстати, недавно потеряла свою помощницу и хотела бы, чтобы Дейзи помогала ей, пока она не подыщет новую служанку среди местных женщин.

Я закусила губу, чувствуя, что вот-вот расплачусь.

– А что, если папа вернется и увидит, что все мы уехали?

– Я напишу ему о наших планах.

– Может, он не получит твое письмо, и, кроме того, я предпочла бы поголодать здесь, чем проводить Рождество в бабушкином доме! Я люблю ее, но она уже старенькая, и тот дом совсем не такой, как наш, он...

– Довольно! Я приняла обдуманное решение. Запомни, Поузи, мы должны сделать все возможное, чтобы выжить в последние месяцы этой жестокой войны. По крайней мере, ты будешь в тепле, здоровая и накормленная. Тебе повезло гораздо больше, чем многим другим детям по всему миру, сейчас множество людей голодает и даже умирает от голода, холода и...

Я впервые видела маман такой сердитой, и, хотя глаза мои уже обжигали скопившиеся слезы, я судорожно вздохнула и послушно кивнула:

– Да, маман.

После этого, по крайней мере, маман, казалось, воспрянула духом, хотя мы с Дейзи бродили по дому, как призрачные тени, обреченные скитаться по миру всю оставшуюся жизнь.

– Будь моя воля, никуда бы я не поехала, – ворчала Дейзи, помогая мне укладывать вещи в чемодан, – да только хозяйка говорит, что у нее нет денег, чтобы платить мне, так что же тогда прикажете делать? Не могу же я питаться святым духом, верно?

– Я уверена, что все наладится, когда закончится война и папа вернется домой, – сказала я ей, утешая заодно и себя.

– Ну, уж хуже-то и не бывает. Дела нынче приняли сквер-

ный оборот, это уж точно, — мрачно откликнулась Дейзи. — Я вот даже подумываю, уж не решила ли она убрать нас обеих с дороги, чтобы сама тут могла...

— Что могла-то? — спросила я замолчавшую Дейзи.

— Не берите в голову, юная леди, одно скажу, чем скорее ваш папа будет дома, тем лучше.

* * *

Поскольку дом собирались закрыть на целый месяц, Дейзи принялась начищать его сверху донизу.

— Зачем же вы так стараетесь, если здесь никого не будет? — спросила я ее.

— Хватит уж с меня ваших вопросов, мисс Поузи, лучше бы просто помогли мне, — проворчала она, опять повернувшись к куче белых простыней и продолжая встряхивать их, раскрывая, как белые паруса. Вместе мы накрыли ими все кровати и мебель в двадцати шести комнатах дома, и в итоге он стал похож на огромное сборище закутанных в саваны фамильных призраков.

Однажды, во время школьных каникул, я взяла свои цветные карандаши и блокнот с чистыми листами бумаги и начала зарисовывать все растения, что смогла найти в саду. Это оказалось довольно сложно, поскольку все они уже засохли. А одним холодным декабрьским днем я отправилась гулять в сад, вооружившись увеличительным стеклом. Снега еще не

было, но кусты падуба искрились инеем, и я, сняв варежки, чтобы удобнее было держать лупу, принялась разглядывать их стебли. Папа научил меня, куда надо смотреть, чтобы найти куколок бабочки голубянки.

Поглощенная поисками, я вдруг увидела, как открылась дверь Башни и оттуда вышла Дейзи с охапкой чистящих средств.

– Мисс Поузи, что это вы там делаете без варежек? – сердито спросила она. – Надевайте-ка их быстро, иначе отморозите пальцы, и они отвалятся.

Отругав меня, она прошествовала к дому, а я, заметив, что дверь осталась приоткрытой, направилась к запретной Башне. Стараясь не думать о запрете, я проскользнула внутрь, и дверь за мной со стуком захлопнулась.

Мои глаза скоро привыкли к полумраку, и я разглядела очертания крикетных бит и крокетных ворот, которые папа хранил здесь, тут же стоял оружейный шкаф, но в него папа строго запретил мне заглядывать. Глянув на поднимающуюся наверх лестницу, я замерла в мучительной нерешительности. Если Дейзи оставила незапертой нижнюю дверь, то, возможно, и папин тайный кабинет тоже остался открытым. Мне так захотелось увидеть, что же там хранится, ужасно захотелось...

В результате победило любопытство, и я быстро, пока не вернулась Дейзи, взбежала по винтовой лестнице. Достигнув верхней площадки, я взялась за шаровидную ручку массив-

ной дубовой двери и повернула ее. Да, Дейзи точно не заперла ее, потому что дверь открылась, и вот, переступив через порог, я оказалась в папином тайном убежище.

Там витал какой-то химический запах, дневной свет освещал тянувшиеся по кругу стены, прорезанные только что вымытыми Дейзи окнами. На участке стены прямо напротив входа поблескивало за стеклом множество разных бабочек адмиралов обширного семейства нимфалид. Помещенные в застекленную позолоченную раму, они располагались там друг за другом, по четыре экземпляра в каждом ряду.

Я подошла поближе, пребывая в недоумении и удивляясь, почему эти бабочки остаются столь неподвижными и чем же они питаются в своем застекленном заточении.

Потом я разглядела головки булавок, которые прикалывали их к заднику. Оглядев всю комнату, я обнаружила, что все ее стены покрыты бабочками, которых мы ловили годами.

Вскрикнув от ужаса, я сбежала по лестнице и выскочила из Башни в сад. Заметив шедшую от дома Дейзи, я забежала за Башню и скрылась в окружавшем ее парке. Убежав достаточно далеко, я опустилась на корни огромного дуба и перевела дух.

– Они мертвы! Мертвы! Мертвы! Как же он мог обманывать меня? – рыдая и всхлипывая, вопила я.

Я долго просидела под деревьями, пока наконец не услышала призывный голос Дейзи. Мне хотелось только спросить папу, зачем он убивал их, ведь они такие красивые, и зачем

развесил их на стенах, как трофеи, неужели ему хотелось видеть их лишенную жизни красоту.

Ладно, пока он воевал, и я никак не могла задать эти вопросы, однако, доверяя ему, я должна была считать, что у него имелась весьма серьезная причина для этих убийств в нашем королевстве бабочек.

Поднявшись с корней, я медленно побрела к дому, не в силах придумать никаких объяснений. Я понимала, что ни за что в жизни не захочу больше войти в эту Башню.

Адмирал-хаус
Сентябрь 2006 года

Куст бабочек (Buddleja davidii⁹)

⁹ Буддлея Давида (*лат.*).

Глава 1

Поузи дергала морковь в огороде, когда в недрах ее куртки зазвонил мобильный телефон. Вытащив трубку из кармана, она приняла звонок.

– Привет, мам. Надеюсь, не разбудил?

– Бог ты мой, нет, а если бы и разбудил, твой голос мне всегда приятно слышать. Как живешь, Ник?

– У меня все нормально, мам.

– Чем радует австралийский Перт? – выпрямившись, спросила Поузи и, выйдя из огорода, направилась к дому.

– Как раз начинает прогреваться, когда у вас в Англии начинается холодать. А как у тебя дела?

– Прекрасно. Как ты понимаешь, здесь ничего особенно не меняется.

– Слушай, я ведь звоню сообщить, что в конце этого месяца собираюсь приехать домой.

– О, Ник! Какая чудесная новость. После стольких лет...

– Да, десяток лет уже пролетел, – уточнил ее сын. – Пора домой, ты не возражаешь?

– Естественно, не возражаю. Просто в восторге, дорогой! Ты же понимаешь, как я успела соскучиться.

– И я тоже, мам.

– Надолго приедешь? Может, удержишься и станешь почетным гостем на моем семидесятилетии в следующем

июне?

– Посмотрим, как пойдут дела, но даже если я решу вернуться сюда, то обязательно прилечу снова на твой юбилей.

– Ладно, хочешь, чтобы я забрала тебя из аэропорта?

– Нет, не беспокойся. Я собираюсь на пару дней задержаться в Лондоне, остановлюсь у друзей, Поля и Джейн, разберусь там с делами, а потом, когда планы прояснятся, позвоню тебе и приеду в Адмирал-хаус повидаться.

– Жду не дождусь, дорогой.

– Я тоже, мам. Так давно не виделись. Мне пора отключаться, но скоро я опять свяжусь с тобой.

– Ладно. Ох, Ник... мне просто не верится, что ты приедешь домой.

Он уловил странный оттенок в ее тоне.

– Мне самому не верится. Очень люблю тебя, позвоню, как только разберусь с делами. А пока до свидания.

– Пока-пока, дорогой.

Ослабев от волнения, Поузи опустилась в старинное кожаное кресло рядом с кухонной плитой.

У Поузи было двое сыновей, но именно о детстве Ника у нее сохранились самые яркие воспоминания. Возможно, из-за того, что он родился вскоре после трагической смерти своего отца, Поузи всегда чувствовала, что Ник полностью ее дитя.

Его преждевременное рождение – почти наверняка ускоренное ужасным шоком от столь трагической потери Джон-

ни после тринадцати лет брака – подразумевало, что Поузи, имея на руках трехлетнего Сэма и новорожденного Ника, не имела права долго предаваться скорби.

Пришлось во многом разбираться самой, принимать множество трудных решений в то время, когда она ощущала полнейший душевный упадок. Пришлось менять все планы, которые они с Джонни строили на будущее. Оставшись одна с двумя маленькими детьми – детьми, более чем когда-либо нуждавшимися в материнской любви и внимании, – Поузи осознала, что у нее не будет возможности обустроить Адмирал-хаус так, как они планировали.

«Если и можно назвать какое-то время наихудшим для потери мужа, – подумала Поузи, – то это оно и есть».

После двенадцати лет скитаний по земному шару Джонни решил уйти из армии и исполнить давнюю мечту жены: вернуться в Адмирал-хаус и дать их молодой семье – им обоим – настоящий собственный дом.

Поузи поставила чайник на плиту, вспоминая, каким жарким был тот август тридцать четыре года назад, когда Джонни вез их домой по живописным солнечным дорогам Саффолка. Поузи уже носила под сердцем Ника; волнение, смешанное с утренними недомоганиями, вынуждало их пару раз остановиться. Но вот они наконец въехали в старинные кованые железные ворота, и Поузи затаила дыхание.

Когда Адмирал-хаус появился в поле зрения, на нее нахлынули воспоминания. Дом выглядел в точности таким, ка-

ким она помнила его, может, лишь чуть постарел и обветшал, да ведь и она не помолодела. Открыв дверцу машины, Джонни помог ей выйти, и Сэм бежал рядом с ней, крепко держа ее за руку, когда они поднялись по ступеням крыльца к массивной входной двери.

– Хочешь сам открыть дом? – спросила она мальчика, положив тяжелый ключ ему на ладошку.

Сэм кивнул, и Поузи подняла его, чтобы он смог вставить ключ в замочную скважину.

Вдвоем они открыли тяжелую дверь, и солнце осветило путь во тьму закрытого ставнями особняка. По памяти Поузи нащупала на стене выключатель. Холл вдруг затопил электрический свет, и все они взглянули на великолепную люстру, висевшую над ними на высоте двадцати футов.

Вся мебель пряталась под белыми простынями, на полу лежал толстый слой пыли, взметнувшейся в воздух, когда Сэм побежал к величественной консольной лестнице. На глаза Поузи навернулись слезы, и она зажмурилась под натиском образов и запахов своего детства, маман, Дейзи, папы... а когда вновь смогла открыть глаза, то увидела, что Сэм призывно машет ей рукой с верхней площадки лестницы, поднялась к сыну, и они вместе отправились осматривать дом.

Джонни тоже понравился особняк, хотя с очевидными оговорками о необходимости ремонта и затрат на содержание.

– Он просто огромный, милая, – заметил Джонни, когда они сидели на кухне за старым дубовым столом, где перед мысленным взором Поузи тут же возник яркий образ Дейзи, раскатывавшей тесто для пирога. – И ему, очевидно, нужна некоторая модернизация.

– Естественно, ведь он пребывал в запустении более четверти века, – согласилась Поузи.

Обосновавшись в доме, они сразу начали обсуждать, как лучше использовать особняк, чтобы получить некоторый доход в дополнение к военной пенсии Джонни. Оба сошлись во мнении, что после модернизации они могут открыть в доме мини-отель с полупансионом, то есть предоставлять гостям «ночлег и завтрак».

По иронии судьбы, отслужив столько лет в вооруженных силах, Джонни прожил мирной жизнью совсем недолго, он погиб через несколько месяцев всего в двух милях от Адмирал-хауса на узком повороте дороги от металлических зубьев уборочного комбайна, ударивших его по голове. В наследство от Джонни Поузи осталась его пенсия и пара полисов страхования жизни. Она также унаследовала поместье своей бабушки, умершей на пару лет раньше, и положила в банк деньги, полученные от продажи Манор-хауса в Корнуолле. Еще она получила небольшое наследство от матери, умершей от воспаления легких (этот факт Поузи по-прежнему находила странным, ведь маман подолгу жила в Италии) всего в пятьдесят пять лет.

Она подумывала о продаже Адмирал-хауса, но приглашенный ею для оценки агент по недвижимости сообщил, что нынче мало кто может себе позволить купить поместье таких размеров. Даже если она найдет покупателя, то вырученные за дом деньги будут значительно ниже его реальной стоимости.

Кроме того, она обожала этот дом: только что вернувшись домой после стольких лет разлуки – и после ухода Джонни, Поузи остро нуждалась в этих родных и уютных стенах ее детства.

Поэтому она решила, что если будет соблюдать экономию и пользоваться своими сбережениями и вложениями для пополнения дохода, то они сумеют прожить и втроем.

Все те одинокие и мрачные дни первых месяцев без Джонни жизнерадостная и непринхотливая натура Ника давала Поузи бесконечное утешение, и она с радостью наблюдала, как ее малыш растет, превращаясь в счастливого и довольного ребенка и забавно ковыляя на еще неустойчивых ножках по огороду, Ник дарил ей надежду на будущее.

Разумеется, Нику было проще; он не тосковал по тому, кого никогда не знал. А вот Сэм уже достаточно вырос, чтобы осознать леденящий ветер смерти, пронесшийся по его жизни.

– Когда вернется папа?

Поузи помнила, как долго после смерти отца он каждый вечер задавал ей один и тот же вопрос, и ее сердце разрыва-

лось от муки и жалости при виде смятения в больших синих глазах сына, так похожих на глаза Джонни. В конце концов Поузи, собравшись с духом, сообщила ему, что папа больше не вернется. Что он взлетел на небеса и теперь наблюдает за ними оттуда, тогда Сэм перестал спрашивать.

Поузи стояла, прислушиваясь к шипению начинавшей закипать воды. Размешав ложку кофейных гранул с молоком, она добавила в чашку горячей воды.

Бережно держа чашку, Поузи подошла к окну и взглянула на старый конский каштан, он стоически давал поколениям детей богатые урожаи каштанов для игры¹⁰. Она заметила, что шиповатые коробочки уже созрели, возвещая о конце лета и начале осени.

Мысль о каштанах напомнила и о начале учебного года – когда мальчики подрастали, Поузи с ужасом ждала этой поры, поскольку она означала покупку новых школьных форм, пришивание эмблем и меток и извлечение из кладовки дорожных чемоданов. Потом, после отъезда сыновей, дом окутывала оглушительная тишина.

Поузи долго и мучительно думала о необходимости отправки ее любимых мальчиков в школу-интернат. Несмотря на то что многие поколения детей, как в семье Джонни, так и в ее собственной, проводили школьные годы вдали от дома,

¹⁰ До сих пор популярная игра в каштаны зародилась в Англии в середине XIX века и заключается в том, что игроки нанизывают конские каштаны на веревочки и пытаются ударить по каштану соперника так, чтобы разбить его или сорвать с веревки.

в конце семидесятых годов традиции несколько изменились. Однако она знала по собственному опыту, что такое обучение дает не только образование, но и приучает к самостоятельности и дисциплине. Джонни хотел бы отправить сыновей в хорошую школу – он частенько говорил о том, что их дети будут учиться в его альма-матер. Поэтому Поузи запустила руку в свои вклады, утешая себя тем, что бабушка тоже одобрила бы ее решение, и отправила их в школу в Норфолк; не так далеко, чтобы она не могла позволить себе иногда съездить туда и посмотреть, как они играют в регби или в школьных спектаклях, но достаточно далеко, чтобы у нее не возникало искушения забрать кого-то домой в том случае, если один или другой жаловался, что соскучился по дому.

Чаще всего к ней взывал Сэм – он изо всех сил старался утвердиться и, казалось, постоянно ссорился с кем-то из своих приятелей. Когда же спустя три года Ник последовал за братом, она редко слышала от него хоть какие-то жалобы.

Первое время, овдовев, когда мальчики еще были маленькими, Поузи очень хотелось иметь возможность побыть одной, но, когда оба сына уехали в школу и она наконец получила желанное уединение, в ее душе поселился пронизывающий ветер одиночества, пролетев сквозь эти оглохшие стены.

Впервые в жизни, вспомнила Поузи, просыпаясь по утрам, она пыталась найти повод для того, чтобы вылезти из кровати. Тогда она осознала, что из ее жизни вырвали серд-

це, и осталась одна пустая оболочка. Из года в год она переживала тяжелую утрату, отправляя мальчиков в школу.

Это ощущение потрясло ее – до этого момента она никогда в жизни не впадала в депрессию, видя в ней лишь признак слабости, однако в тот ужасный месяц, после первого отъезда Ника в школу, она укорила себя в том, что раньше столь легкомысленно думала о расставании с детьми. И тогда она поняла, что нуждается в каком-то проекте, способном отвлечь ее от тоски по детям.

Однажды осенним утром она пришла в отцовский кабинет и наткнулась в ящике его стола на старые планы сада. Судя по этим планам, отец задумал, очевидно, превратить парковые земли в нечто грандиозное. Благодаря тому, что пергаменты хранились в темном ящике, чернила не выцвели, а остались яркими, все очертания и пропорции четко продуманных парковых зон отец изобразил в свойственной ему основательной манере. Поузи заметила, что рядом с Башней он наметил участок для сада бабочек, перечислив богатые нектаром многолетники, которые, как она знала, во время фазы полного цветения будут изобиловать богатством красок. Аллея Глициний вела к саду с ее любимыми грушами, яблонями, сливами и даже фиговыми деревьями.

Рядом с огородом отец выделил места для большой теплицы и обнесенного оградой садика с замечанием: «Ивовая игральная галерея Поузи». Причудливые живописные дорожки соединяли разные части комплекса, и Поузи усмехнулась,

заметив на его плане рядом с крокетной площадкой пруд («для охлаждения пыла разгорячившихся игроков»). На плане имелся также и розарий с надписью «Цветник Адрианы».

В общем, в тот день, выйдя из дома с мотком веревки и ивовыми колышками, Поузи начала размечать границы нарисованных отцом участков, которым предстояло заполниться мышинными гиацинтами, черемшой и крокусами, все они не требовали особого ухода и прекрасно привлекали пчел, когда те пробуждались после зимней спячки.

Да, Поузи помнила, как через несколько дней, погрузив руки в рыхлую землю, вдруг улыбнулась, впервые за много недель одиночества. Запах компоста, ощущение солнечного тепла на затылке и посадка луковиц, способных обеспечить по весне желанное цветение, – все это напонило ей годы, проведенные в Кью.

В тот день началось то, что стало ее страстью на грядущие четверть века. Она разбила обширную территорию поместья на секции и каждую весну и осень трудилась над новым участком, добавляя к отцовским собственные планы, включив в них свой личный *pièce de résistance*¹¹ – оригинальный партер под верандой с затейливо изгибающимися низкими оградками вокруг клумб с душистыми розами и лавандой. Поддержание сада в порядке требовало дьявольски много труда и времени, но зато какой изысканный вид открывался на него из фасадных окон.

¹¹ Гвоздь программы (*фр.*).

Словом, сад этот стал ее хозяином, другом и возлюбленным, оставляя мало времени на иные мысли и заботы.

– Мам, это изумительно! – восклицал Ник, когда приезжал домой на летние каникулы и она показывала ему новые плоды своих трудов.

– Ну да, а как насчет ужина? – спрашивал Сэм, пинком сбрасывая футбольный мяч с веранды. Поузи вспомнила, как в детстве он трижды разбивал стекла в теплице.

Собрав ингредиенты для приготовления торта, который позже собиралась отвезти своим внукам, Поузи испытала знакомое чувство вины, вызванное мыслями о старшем сыне.

Разумеется, она нежно любила Сэма, но всегда считала его гораздо более трудным мальчиком, чем Ник. Возможно, просто потому, что с младшим сыном у нее обнаружилось много общих интересов. Например, пристрастие к «старью» – так называл антикварные вещи Сэм, наблюдая, как младший брат скрупулезно очищает от древоточца старый сундук. Если Сэм с жаром брался за дело, быстро вспыхивая, хотя его внимание вскоре расплывалось, то Ник действовал гораздо основательнее и спокойнее. Он понимал красоту, и Поузи нравилось думать, что такое понимание он унаследовал от нее.

«Страшная правда в том, – подумала она, замешивая яйца в тесто, – что можно любить всех своих детей, однако это еще не означает равной любви к каждому из них».

Больше всего огорчало, что между двумя ее сыновьями не было близости. Поузи вспомнилось, как едва научившийся ходить Ник ковылял по саду за старшим братом. В детстве он, очевидно, готов был поклоняться земле, по которой ступал Сэм, но с годами она заметила, что во время школьных каникул Ник стал избегать его, предпочитая проводить время с ней на кухне или в сарае, реставрируя какую-то старую мебель.

Они, конечно, были полными противоположностями — Сэм в своей абсолютной внешней самоуверенности и Ник, вечно занимающийся самоанализом. Шелковая нить, что вилась через десятилетия с самого их детства, связывала и их взрослые жизни, однако, продолжая развиваться, она развела их в разные стороны.

Закончив школу, Сэм завалил экзамены в университет и переехал в Лондон. Он пробовал заняться компьютерами, кулинарией и продажей недвижимости. Все эти стремления после нескольких месяцев, казалось, таяли как снег. Десять лет тому назад он вернулся в Саутволд, женился и теперь, после очередных неудачных проектов, пытается создать собственное агентство недвижимости.

Поузи всеми силами поддерживала его, когда он приходил к ней с новыми планами создания прибыльного бизнеса. Однако недавно она дала себе слово, что больше не будет ссужать его деньгами, как бы пылко Сэм ни уговаривал ее. Кроме того, большую часть вкладов съел ее любимый сад,

и у нее осталось слишком мало средств. В прошлом году ей пришлось продать одну из своих драгоценных стаффордширских фигурок¹² ради финансирования «беспроигрышного» бизнес-плана Сэма по созданию рекламных фильмов для улучшения сбыта продукции местных бизнесменов. Деньги от продажи этой фигурки растаяли безвозвратно, а его компания распалась всего через девять месяцев.

Трудности отказа в субсидиях Сэму усугублялись тем, что он умудрился найти себе ангельскую жену. Эми являла собой полнейшее милосердие и с улыбкой восприняла даже то, что недавно, уже, наверное, в сотый раз, Сэм заявил, что из-за нехватки денег им придется перебраться из одного арендованного дома в другой, более скромный.

Эми родила Сэму двух здоровых детей – Джейку уже исполнилось шесть лет, а Саре четыре – да еще умудрялась работать администратором в местном отеле, обеспечивая хотя и небольшой, но столь необходимый регулярный приток денежных средств в домашнее хозяйство, и по-прежнему стоически поддерживала своего мужа, что и делало Эми святой в понимании Поузи.

Но при мысли о Нике сердце Поузи переполнялось радостью, вызванной тем, что ее младший сын наконец вернется в Англию. После окончания школы он, проигнорировав

¹² Популярные фарфоровые изделия, украшавшие каминные полки Англии с конца XVIII века, когда в Стаффордшире начали производить декоративные статуэтки и посуду.

предложения нескольких отличных университетов, заявил, что хочет заниматься торговлей антиквариатом. Поработав немного на местном аукционе, он умудрился поступить в ученики к антиквару из Лавенема, куда и ездил ежедневно из Адмирал-хауса.

В двадцать один год Ник открыл в Саутволде собственный магазин и вскоре начал завоевывать репутацию владельца интересного и необычного антиквариата. Поузи не могла нарадоваться, что ее сын предпочел вести дела поблизости от дома. Двумя годами позже он арендовал соседнее помещение, удвоив пространство для своего процветающего бизнеса. Если он уезжал на поиски товаров, Поузи оставляла свой любимый сад и проводила день в магазине, обслуживая клиентов.

Через пару месяцев Ник сообщил, что нанял постоянную помощницу для работы в магазине на время его поездок по аукционам. Эви Ньюман не отличалась красотой в традиционном смысле – субтильная, с мелкими чертами лица, она скорее напоминала девочку, чем женщину, но прелесть ее огромных карих глаз завораживала. Когда Ник впервые представил Эви, Поузи сразу заметила, что ее сын не сводит с девушки глаз, и точно поняла, что Ник влюбился.

Правда, дальше влюбленности дело у Ника не пошло. У Эви был давний кавалер, которому она, видимо, хранила верность. Поузи столкнулась с ним однажды и удивилась, что же привлекательного могла найти Эви в этом сомнительно

интеллектуальном Брайане с резкими и неприятными чертами лица. Разведенный преподаватель социологии в местном колледже, к тому же старше Эви на добрых пятнадцать лет, Брайан имел строгие принципы и высказывал их при всяком удобном случае. Поузи невзлюбила его с первого же взгляда.

Ник стал проводить в поездках за товаром больше времени, а Поузи помогала Эви освоиться в магазине. Несмотря на большую разницу в возрасте, две женщины крепко подружились. Эви очень рано потеряла обоих родителей и жила с бабушкой в разросшемся викторианском особняке Саутволда. Имея только сыновей, Поузи теперь наслаждалась практически материнской любовью к этой девушке.

Иногда Эви отправлялась в поездки с Ником, и Поузи заменяла их в магазине. Ей нравилось смотреть, как после возвращения из такой поездки сияли лучистые глаза Эви, когда она, выразительно жестикулируя, словно по волшебству, своим описанием вызывала в воображении изящный шифоньер, приобретенный ими почти даром на распродаже в одном великолепном шато на юге Франции.

Несмотря на долгие годы счастливого сосуществования с Ником в Адмирал-хаусе, Поузи запрещала себе надеяться, что он будет постоянно жить с ней, и тем не менее испытала опустошительное потрясение, когда он совершенно неожиданно сообщил, что все распродал и уезжает в Австралию. Вскоре это потрясение усугубилось сообщением Эви о том, что Брайан получил хорошую работу в колледже Лестера.

Очевидно, он предложил ей выйти за него замуж и она дала согласие. Им также неминуемо предстояло покинуть Саутволд.

Поузи старалась выяснить, почему ее сын надумал свернуть успешный бизнес, который создавал с завидным упорством, и перебраться на другой конец света, но Ник предпочел не откровенничать. Она подозревала, что это решение как-то связано с Эви, у них явно что-то не сложилось, ведь она тоже уезжала.

Его магазин купили очень быстро, и вскоре он уехал в Перт, погрузив на корабль изрядный запас товаров для начала нового рискованного предприятия на диаметрально противоположном конце земли. Поузи и представить не могла, какой потерянной она почувствует себя без него.

То, что Эви перед отъездом из Саутволда не зашла проститься, задело Поузи за живое, но она смирилась с тем, что была всего лишь знакомой взрослой женщиной в жизни юной девушки. И если она прониклась к Эви глубокими чувствами, то это вовсе не означало, что они были взаимны.

Едва пришла зима, Поузи почувствовала знакомое студеное одиночество. Согласно с временем года ее любимый сад погрузился в спячку, и до весны у нее и дел-то особых не было. Не желая погрязнуть в праздном забытии, она поняла, что ей необходимо срочно найти, чем заполнить эту пустоту. Поэтому она отправилась в Саутволд и сумела найти себе небольшую подработку. Три раза в неделю в первой по-

ловине дня она начала работать в картинной галерее. Пусть современная живопись редко радовала ее, но работа давала немного денег и сокращала время одиночества. Она и сейчас, по прошествии десяти лет, по-прежнему работала в галерее.

– Почти семьдесят, – пробурчала Поузи под нос, поставив торт в духовку и установив таймер на нужное время. Выйдя из кухни и направившись к главной лестнице, Поузи думала о том, что жизнь матери сродни титаническому труду. Какими бы взрослыми ни стали оба ее сына, она будет вечно беспокоиться и переживать за них. Если уж на то пошло, то теперь она переживала еще больше; в их детстве она, по крайней мере, точно знала, где они находятся и как себя чувствуют. Она руководила ими, и, разумеется, когда они выросли и вылетели из гнезда, положение изменилось.

Когда она поднималась по лестнице, легкая боль в ногах напомнила обо всем том, о чем Поузи старалась не думать. Да, она дожила до возраста, когда можно оправданно начать жаловаться на всяческие недомогания, но сама-то понимала, как ей повезло сохраниться в довольно хорошей форме.

– Однако вопрос в том, – заметила она, глянув на одного из висевших над лестницей предков, – долго ли еще форма будет соответствовать содержанию.

Зайдя в спальню, Поузи прошла к окнам и открыла тяжелые шторы. Ей никогда не хватало денег, чтобы заменить их, и исходный узор ткани давно выцвел до неузнаваемости.

Из этих окон открывался лучший вид на созданный ею сад. Даже ранней осенью, когда природа готовится ко сну, косые лучи послеполуденного солнца ласкали медленно желтеющую листву деревьев и последние розы покачивали головками, распространяя густой и сильный аромат. В огороде красовались толстые оранжевые тыквы, а ветви садовых деревьев отяжелели от румяных яблок. И цветник под ее окном выглядел просто великолепно.

Отвернувшись от природных красот, Поузи обвела взглядом огромную спальню, где спали многочисленные поколения рода Андерсонов. Ее глаза скользнули по изысканным – в китайском стиле – обоям, начавшим уже незаметно отслаиваться по углам, по тусклым пятнам потертого ковра, уже явно не восстановимого после бесчисленных чисток, и по выцветшей мебели красного дерева.

– И ведь это только одна комната, – проворчала она. – Есть еще двадцать пять других, и все они нуждаются в капитальном ремонте, не говоря уже о фактическом состоянии стен здания.

Будучи честной сама с собой, Поузи понимала, что все эти годы минимально заботилась о доме, отчасти из-за нехватки денег, но в основном потому, что все свое внимание посвящала любимому детищу – саду. И, как любой запущенный отпрыск, дом продолжал незаметно ветшать и разрушаться.

– Я живу здесь, сознавая, что мои дни сочтены. – Она вздохнула, признавшись себе, что начала относиться к этому

прекрасному старинному особняку, как к ярму на своей шее. Правда, для своих шестидесяти девяти лет Поузи оставалась в приличной форме, но надолго ли еще ее хватит? Кроме того, она понимала, что сам дом начнет разваливаться, если в ближайшее время не будет проведен капитальный ремонт.

Мысль о том, чтобы сдать и переехать в какое-то более удобное и менее затратное жилье, ужасала ее, однако Поузи знала, что практически близка к такому решению. Она пока не высказывала идею продажи Адмирал-хауса ни Сэму, ни Нику, но, вероятно, ей следует поговорить об этом с Ником, раз он возвращается.

Раздеваясь, Поузи увидела в зеркале трюмо пристально смотрящее на нее отражение. Седина в волосах, морщинки вокруг глаз и плоть, потерявшая былую упругость, расстроили ее, и Поузи отвернулась. Легче не смотреть, поскольку внутренне она еще чувствовала себя молодой, полной сил женщиной, той самой Поузи, которая любила, обожала танцевать и веселиться.

– О боже, как же я соскучилась по сексу! – воскликнула она, роясь в ящике комода в поисках свежего нижнего белья.

Все эти жутко долгие тридцать четыре года ее не трогал ни один мужчина, их тела не соприкасались, никто не ласкал ее, не сливался с ней воедино в порыве страсти...

После смерти Джонни на ее пути порой попадались мужчины, проявлявшие к ней интерес, особенно в первые годы. Возможно, она отдавала все свое внимание мальчикам,

а позже саду, но после пары «круглых дат», как сказали бы ее сыновья, Поузи так и не нашла в себе душевных сил для нового романа.

– А теперь уже слишком поздно, – сообщила она своему отражению, сидя за туалетным столиком и накладывая на лицо дешевый кольдкрем – единственная дань регулярному уходу за красотой.

– Не жадничай, Поузи. Большинству людей и одну-то любовь с трудом удастся найти, а ты размышляла о второй.

Поднявшись с кресла, Поузи выбросила из головы как мрачные, так и сказочные мысли и сосредоточилась на позитивных размышлениях о возвращении сына из Австралии. Вернувшись на кухню, она вытащила торт из духовки, достала его из формы и оставила остывать. Выйдя из кухонной двери на задний двор, Поузи разблокировала свой старенький «вольво» и, выехав с подъездной аллеи, свернула направо, на дорогу, которая минут за десять езды приведет ее в Саутволд.

Она ехала к набережной и, несмотря на холодный сентябрьский ветер, открыла окно, чтобы вдохнуть соленый морской воздух, смешанный с запахами жареных пирожков и рыбы с картошкой во фритюре, которые продавались в киоске возле того мола, что серой лентой уходил в Северное море под туманными голубыми небесами. Вдоль набережной тянулись симпатичные белые дома ленточной застройки, витрины магазинчиков на первых этажах изобиловали

морскими сувенирами и безделушками, а чайки патрулировали тротуары в поисках случайных кусочков пищи.

Со времен ее детства город едва ли изменился, хотя, к сожалению, его старомодная своеобразная архитектура вдохновила орды состоятельных людей среднего класса приобрести здесь летние дома. Это привело к резкому повышению цен на недвижимость, и, хотя экономика городка только выиграла, несомненно, изменилась сама динамичность жизни некогда сплоченного местного сообщества. Стаи дачников слетались летом в Саутволд, делая парковки ночным кошмаром, и улетали в конце августа, подобно стае стервятников, закончивших пировать на падали.

Сейчас, в сентябре, городок выглядел опустевшим и безжизненным, словно эти орды высосали и увезли с собой все его соки. Припарковавшись на главной улице, Поузи заметила на модной лавке объявление о «завершении сезонной распродажи», а от книжного магазина убрали раскладные столики, где все лето лежали потрепанные пляжные романы.

Поузи быстро шла по улице, здороваясь со знакомыми. Чувство приобщения к аборигенам по меньшей мере доставляло ей удовольствие. Зайдя в газетную лавку, Поузи забрала свой ежедневный экземпляр «Дейли Телеграф».

Выходя из лавки, она зарылась носом в газету, просматривая заголовки, и случайно столкнулась с девочкой.

– Пардон, – извинилась Поузи и, опустив взгляд, увидела перед собой кареглазую девчушку.

– Все в порядке. – Девочка пожала плечами.

– Боже мой, – помедлив, воскликнула Поузи. – Простите, что я на вас так уставилась, но вы очень похожи на одну мою давнюю знакомую.

– Надо же. – Девочка неловко переминалась с ноги на ногу. И, когда Поузи посторонилась, пропуская ее в лавку, добавила: – Ладно, до свидания.

– До свидания. – Поузи развернулась и направилась вверх по улице к галерее. И тогда увидела, как ей навстречу быстро движется знакомая фигура.

– Эви? Неужели это правда ты?

Эви резко остановилась, ее бледное лицо смущенно покраснело.

– Да. Привет, Поузи, – тихо ответила она.

– Как ты поживаешь, милая? И что, скажи на милость, ты опять делаешь в Саутволде? Решила навестить старых друзей?

– Нет. – Эви разглядывала свои туфли. – Мы переехали сюда пару недель назад. Я... мы теперь опять живем здесь.

– Неужели?

– Именно.

– О, ясно.

Поузи заметила, что Эви упорно не поднимает на нее взгляд. Она стала гораздо тоньше, чем в юности, а ее прекрасные длинные темные волосы сменила короткая стрижка.

– По-моему, я только что видела твою дочь около газет-

ного магазинчика. Я как раз подумала, что она очень похожа на тебя. Значит, вы вдвоем вернулись сюда навсегда?

– Вдвоем, навсегда, – ответила Эви. – А теперь, Поузи, прошу меня извинить, я ужасно спешу.

– Разумеется, и... теперь я подрабатываю в Галерее Мейсона, это через три дома от «Суана». Если захочешь перекусить, то знай, что я всегда буду рада видеть тебя. И твою дочку. Как ты назвала ее?

– Клемми, ее зовут Клемми.

– Подозреваю, сокращенное от Клементины, как звали жену Уинстона Черчилля.

– Да.

– Прелестное имя. Что ж, до свидания, Эви, и с возвращением.

– Спасибо. Пока.

Эви направилась к газетному магазинчику на поиски своей дочки, а Поузи прошла последние несколько ярдов до картинной галереи. Глубоко обиженная на очевидную неловкость, испытываемую Эви во время их встречи, и думая о том, что же такое, черт возьми, она могла сделать, чтобы заслужить столь негативное отношение, Поузи достала из сумки ключи от галереи.

Отперев входную дверь и войдя в демонстрационный зал, она потянулась к выключателю, размышляя над сказанным Эви: может, Брайан, живший с ней эти годы, почему-то исчез из ее жизни? Интересно было бы узнать подробности, думала

Поузи, хотя сознавала, что вряд ли узнает. Судя по реакции Эви, она, вероятно, предпочтет перейти на другую сторону улицы, чтобы избежать очередной случайной встречи с ней.

Однако, прожив на этой земле почти семь десятков лет, Поузи отлично усвоила, что у людей бывают разные странности. «У Эви есть на то свои причины», – погрузившись в размышления, решила Поузи, зайдя в служебное помещение в глубине галереи и включив чайник, чтобы приготовить себе вторую традиционную чашку кофе.

Жаль, что она не знает, каковы они.

Глава 2

– Пожалуйста, Джейк, сейчас же иди и найди свои ботинки!

– Но, мама, я же еще не доел завтрак и...

– Меня это не волнует! Мы опаздываем. Давай живо!

Когда Джейк вышел из кухни, Эми Монтегю вытерла салфеткой ротик четырехлетней Сары и, опустившись на колени перед дочкой, надела ей туфли. Носки уже сильно истончились, а ножки Сары с трудом помещались в ставших тесными туфлях. Нос Сары сопливил, волосы еще оставались спутанными после ночного сна, а брюки, перешедшие к ней по наследству от Джейка, уже тоже стали слишком коротки, достигая лишь середины голени.

– Ты выглядишь, как цыганская оборванка, – вздохнула Эми и, найдя расческу среди беспорядочных мелочей на серванте, попыталась продрасть через кудрявую шевелюру белокурых волос Сары.

– О-о-й, мама! – оправданно запищала Сара.

– Извини, милая, но мисс Эвинг усомнится, хорошая ли у тебя мама, если ты появишься в школе такой растрепкой.

– Я пойду в школу? – Лицо Сары помрачнело. – Но, мамочка, мне там ужасно не нравится.

– Ох, солнышко, твоя учительница говорит, что у тебя все очень хорошо получается, потом, после занятий, вас с Джей-

ком заберет к себе домой Джози. А мама зайдет за вами к ней, когда закончит работу, – заключила Эми.

– Но я не люблю твою школу, не люблю твою Джози. Ма-мочка, мне хочется остаться с тобой. – Лицо малышки сморщилось, и она начала плакать.

– Сара, милочка, постарайся полюбить и школу, и Джози. А мама зато принесет к чаю шоколадный торт, договорились?

– Ладно, – смирилась Сара, отчасти успокоившись.

– Джейк?! Мы уходим! – крикнула Эми, вытаскивая Сару в прихожую.

Эми надела на дочку анорак, сама накинула куртку и вытащила из сумки ключи.

Джейк с грохотом слетел с лестницы, держа в руках ботинки.

– Обувайся быстрее, Джейк.

– Но, мама, ты же можешь помочь мне. А папа еще спит?

– Да. – Эми присела рядом с сыном и обула его. – Отлично, пошли.

– Но мне хочется попрощаться с ним, – заскулил Джейк, когда Эми, взяв Сару за руку, открыла дверь.

– Не получится.

– Почему?

– Он устал и еще спит. А нам уже пора выходить.

Завезя детей в школу, Эми поехала к гаражу, чтобы оставить там машину на ремонт, поскольку пока не удалось прой-

ти плановый техосмотр. Быстро идя домой, она прикинула, что до выхода на работу у нее остается всего лишь час; час, за который надо успеть прибраться на кухне, постирать и составить список покупок. Она толком не представляла, как сумеет обойтись без машины, увы, трудности жизни становились почти невыносимыми. Кроме того, она понятия не имела, чем они расплатятся за ремонт машины, но им придется, как обычно, найти какие-то деньги.

Эми свернула на подъездную дорожку к жалкому коттеджу, что чуть больше месяца тому назад стал их очередным домом. Он стоял на окраине городка, от берега моря его отделяла только болотистая низина и, по сути, представлял собой заброшенный пляжный домик, совершенно очаровательный, правда, когда светило солнце. На самом деле он и предназначался для летней жизни, и Эми понимала, что его тонкие дощатые стены и огромные окна вряд ли защитят их в зимнюю непогоду. В доме не было никакого нормального обогрева, за исключением капризного дровяного камина в гостиной, и когда Эми попыталась разжечь его вчера вечером, то получилось больше дыма, чем тепла. Всего две сырые спальни на втором этаже оказались такими тесными, что большинство вещей пришлось оставить в коробках в садовом сарае за домом.

И хотя она понимала, что гордость Сэма получила ужасный удар, когда из-за нехватки денег им пришлось покинуть предыдущий дом, и Эми не хотелось еще больше расстраи-

вать мужа, говоря, как она ненавидит это новое жилье, однако на сей раз ей с трудом удавалось придерживаться своего обычного позитивного настроения. Она знала, как упорно Сэм трудится ради семьи, но его, казалось, преследовали бесконечные неудачи, рискованные предприятия прогорали одно за другим. Как же она могла сообщить ему, что Саре нужны новые туфельки, а Джейк вырос из зимней куртки, или попросту пожаловаться, как она устала вести хозяйство и добывать пищу на ту скудную сумму, что получала, работая администратором в местной гостинице?

Сэм, натянувший лишь семейные трусы, спустился в кухню и, позевывая, включил чайник.

– Привет, милая. Извини, что я вчера вечером так припозднился. Нам с Кеном пришлось утрясти кучу проблем.

– Но встреча прошла хорошо? – Эми нервно глянула на мужа, заметив покрасневшие голубые глаза и почувствовав исходящий от него запах перегара.

Она порадовалась, что успела вчера уснуть до его возвращения.

– В высшей степени. – Сэм взглянул на жену. – Полагаю, что в ближайшее время мне удастся восстановить богатство дома Монтегю.

Обычно такого замечания было достаточно, чтобы поднять Эми настроение, однако сегодня утром она восприняла его слова как пустой звук.

– И каким же образом?

Он повернулся к ней и с гордым видом обнял ее за плечи.

– Дорогая моя, ты видишь перед собой официально-управляющего акционерного строительного агентства «Монтегю».

– Да неужели?

– Именно. Хочешь чаю?

– Нет, спасибо. И сколько же ты будешь получать? – с надеждой спросила Эми.

– Ну, пока не так уж много, по-моему, однако все мои расходы, безусловно, будут покрыты.

– Но раз ты стал управляющим, то разве не можешь назначить себе приличное жалованье?

Сэм опустил в кружку чайный пакетик.

– Эми, суть в том, что мы думаем о накоплении средств. Не могу же я требовать себе зарплату, пока не оправдаю свое назначение и не заключу выгодный договор. Когда-нибудь это произойдет, и я буду получать пятьдесят процентов прибыли. А она превратится в кучу наличных.

– Но, Сэм, – с упавшим сердцем сказала Эми, – нам нужны деньги сегодня, а не через пару месяцев. Я понимаю, что это дело поможет тебе разбогатеть, но, надеюсь, ты понимаешь, что наша семья просто не сможет выжить на одну мою зарплату?

Налив в кружку кипятка, Сэм с излишней силой опустил чайник на столешницу.

– Так что же ты предлагаешь? Чтобы я устроился на бес-

перспективную работу в магазин или на фабрику ради того, чтобы приносить дополнительные несколько фунтов?

На самом деле Эми хотелось, чтобы именно так он и поступил.

– Почему, Сэм, ты так плохо относишься к обычной работе? – глубоко вздохнув, спросила она. – У тебя хорошее образование и большой опыт работы в разных сферах бизнеса, и я уверена, что у тебя есть все основания получить хорошо оплачиваемую работу в офисе и...

– И не дать нашей семье шанса на долгосрочную перспективу, Эми. Я должен смотреть в будущее, должен найти способ обеспечить тот уровень жизни, который мы хотим и заслуживаем. Мы оба понимаем, что я не буду пахать на чужого дядю в паршивом офисе.

– Сэм, пойми, что на данный момент меня волнует только то, как избежать уже сейчас грозящих нам нищеты и голода. Мы должны понять, что у нас есть обязанности, нам надо растить и поддерживать детей, и мы просто не можем делать деньги из воздуха.

Потягивая чай, Сэм пристально посмотрел на жену.

– То есть ты пытаешься сказать, что потеряла веру в мою способность добиться большого успеха?

– Нет... – Взглянув на мужа, она заметила опасный блеск в его глазах. – Разумеется, я верю в тебя и твои деловые способности, но разве невозможно трудиться над новым проектом в свободное время, сочетая его с подработкой, способ-

ной дать нам уже сейчас немного реальных денег?

– Господи, Эми! Ты, очевидно, понятия не имеешь, как работает бизнес. Если я собираюсь поднять эту строительную компанию, то ни о каком свободном времени не может быть и речи.

Лицо Сэма покраснело от гнева, и он крепко схватил Эми за руку, не позволив дойти до кухонной раковины.

– Я должен поднять эту компанию, потому что если я этого не сделаю, то мы с тобой и детьми застрянем в этом паршивом домишке на всю оставшуюся жизнь. Так что, вместо того чтобы критиковать меня за то, что я стараюсь вырвать нас из этой дыры, я буду признателен, если ты поддержишь меня в попытках изменить к лучшему нашу жизнь!

– Я же только... – Эми замялась, чувствуя, как его пальцы все сильнее сжимают ее руку. – Ладно, поняла.

– Вот и хорошо. – Сэм отпустил ее, забрал свою кружку и направился к выходу из кухни. – Пойду оденусь, а потом отправлюсь ковать наше будущее.

Эми опустила на стул, растирая онемевшую руку, и слушала звуки шагов Сэма, поднимавшегося по лестнице. Потом, минут через пять, он опять спустился. Выходя, он так хлопнул дверью, что весь дом содрогнулся.

С облегчением сглотнув и пытаясь сдержать готовые пролиться слезы, Эми встала и в странном оцепенении поднялась в каморку, которую делила с Сэмом, чтобы в другой, более просторной спальне поместились две детские кровати.

Эми села на неприбранную кровать и уставилась на маячившую перед ней влажную стену.

Что же произошло с ними двумя за последние несколько лет? Когда они сбились с верного пути?

Она познакомилась с Сэмом в саутволдском баре «Сун» – тогда она училась на последнем курсе художественного колледжа и приехала из Лондона на свадьбу подруги, а он просто заскочил туда выпить субботним вечером. Его подруга опаздывала, а Эми хотелось передохнуть после тесноты и духоты свадебной вечеринки. Слово за слово, они разговорились, а потом Сэм позвонил Эми в Лондон, пригласил на выходные в свое фамильное поместье поблизости от Саутволда.

Эми вспомнила, как впервые увидела Адмирал-хаус. Он выглядел так чудесно, похожий на прелестный и изысканный кукольный домик, что ей ужасно захотелось запечатлеть его на картине. Мать Сэма, Поузи, оказалась на редкость гостеприимной, а выходные прошли так замечательно, что, вернувшись в свою квартирку в Лондоне, Эми начала мечтать о возвращении на спокойные живописные просторы Саффолка.

Сэм только начал разворачивать свой компьютерный бизнес и с активной изобретательностью водил ее по ресторанам и угощал выпивкой. Эми очаровало его восторженное отношение к жизни, восхитительная семья и соблазнительно теплая постель.

Когда он предложил Эми выйти за него замуж и переехать в Саффолк после окончания художественного колледжа, то согласие далось ей без труда. Они сняли симпатичный домик в ряду домов ленточной застройки на одной из старинных улочек Саутволда и начали налаживать семейную жизнь. Эми ходила с мольбертом на побережье, рисовала пейзажи и продавала их в местную галерею для туристов. Однако это была сезонная подработка, и, когда компьютерный бизнес Сэма прогорел, Эми поступила на первую же предложенную ей работу администратора в «Гребне волны», комфортабельном, хотя и старомодном отеле в центре города.

Последние десять лет были чередой взлетов и падений, согласно этапам деловой деятельности Сэма. Когда дела шли хорошо, Сэм заваливал Эми цветами и подарками, водил ужинать в ресторан, и она еще помнила того любящего повеселиться парня, за которого вышла замуж. Когда же его дела шли плохо, жизнь резко менялась...

И если бы Эми была честной с собой, то признала бы, что дела шли плохо уже давно. Когда рухнул его кинобизнес, Сэм погрузился в трясину отчаяния и почти не выходил из дома.

Эми изо всех сил старалась не усложнять его и без того тяжкое положение. Хотя днем он сидел дома, она редко просила его забрать детей из школы или сходить за покупками, пока она работала. Гордость Сэма зиждилась на том, что он

по-прежнему считал себя бизнесменом, и она по опыту знала, что, пока он в депрессии, его лучше не трогать.

– Но на что же мне надеяться?

Эти слова невольно слетели с языка Эми. Ей почти тридцать лет, а чего она достигла в жизни? У нее есть муж, но он перманентно пребывал без работы, они сидели без денег и докатились до жизни в арендованной летней лачуге. Да, Эми имела двух очаровательных детей и работу, но это вряд ли блестящая карьера художницы, о которой она мечтала до замужества.

А что касается его вспышек ярости... Эми знала, что его жестокость в последние дни усугубилась из-за нехватки выпивки. Ей лишь хотелось с кем-нибудь поговорить об этом, но кому она могла довериться?

Чувствуя себя ужасно эгоистичной, Эми быстро переоделась в синий рабочий костюм и припудрилась, прибавив цвета бледным щекам. Она просто устала, только и всего, и Сэм тоже старается изо всех сил. Она вышла из дома, решив купить на ужин что-нибудь вкусное. Все еще больше осложнялось, когда они ссорились, и, хотя интуиция подсказывала ей, что его новое рискованное предприятие обречено на провал, как все предыдущие, Эми понимала, что у нее нет иного выбора, кроме как довериться ему.

Поскольку сегодня была пятница, день открытия Саутволдского литературного фестиваля, в отеле «Морская волна» царил суматоха. Второй администратор приболел, поэтому Эми даже не смогла выйти на обед, чтобы закупить продукты на выходные. Ей пришлось разбираться с двойным бронированием, заблокированным туалетом, с пропавшими наручными часами, якобы украденными, но таинственным образом обнаружившимися всего через полтора часа. Глянув на собственные часы, Эми увидела, что всего через десять минут ей надо забирать детей от Джози, приходящей няни, а вечерний администратор Карен все еще не появилась.

Мистер Тодд, управляющий, тоже куда-то исчез, и, когда Эми попыталась позвонить Сэму на мобильный, чтобы выяснить, сможет ли он забрать детей, ей никто не ответил. Она порылась в сумке, ища свою телефонную книжку, но потом вспомнила, что забыла ее дома на кухонном столе. На грани слез Эми позвонила в справочную, но лишь выяснила, что в телефонной книге нет номера Джози.

– Неужели здесь совершенно невозможно получить хоть какую-то помощь?!

Стойка регистрации содрогнулась под мощным ударом кулака.

– Я уже трижды звонил вниз, чтобы кто-то удосужился

разобраться в вашем водоснабжении и из моих чертовых кранов полилась наконец горячая вода.

– Извините, сэр, я позвонила в службу ремонта, и они обещали наладить воду, как только смогут. – Эми осознала, как дрожит ее голос из-за подступившего к горлу комка слез.

– Ради всего святого, я жду уже два часа! Неужели этого недостаточно? Если вы не разберетесь с водой в течение десяти минут, то я съеду из вашего отеля.

– Да, сэр, я сию минуту опять позвоню в ремонтную службу.

Трясущейся рукой она потянулась за телефонной трубкой, слезы скопились в ее глазах, хотя она упорно пыталась загнать их обратно. Еще не успев поднять трубку, Эми увидела входящую в фойе Карен.

– Извини, Эми, я опоздала. На дороге в город перевернулся грузовик. – Шагнув за стойку администратора, Карен сбросила куртку. – У тебя все в порядке?

Эми смогла лишь пожать плечами и смахнуть слезы с глаз.

– Давай я во всем сейчас разберусь. Итак, мистер Жиро. – Карен жизнерадостно улыбнулась постояльцу. – Чем я могу помочь вам?

Эми убежала в подсобку, нашла в сумочке старую салфетку и хорошенько прочистила нос. Натянув куртку, она быстро, опустив голову, направилась к выходу из отеля. Оказавшись на улице, с удовольствием вдохнула холодный вечерний воздух, но тут ей на плечо легла чья-то большая рука.

– Послушайте, простите. Я вовсе не хотел расстраивать вас. Понятно же, что это не ваша вина.

Оглянувшись, Эми увидела мужчину, с которым только что беседовала у стойки, он взирал на нее с высоты своего значительного роста. В своем былом волнении она практически не замечала, как он выглядит, но сейчас оценила его широкие плечи, волнистые золотисто-каштановые волосы и глубоко посаженные зеленые глаза, теперь уже исполненные беспокойства.

– Нет, пожалуйста, вам не за что извиняться. На самом деле не вы расстроили меня. А сейчас извините, я ужасно опаздываю, мне надо забрать своих детей от няни.

– Понятно, – кивнул он. – Но я действительно сожалею.

– Спасибо. – Эми развернулась и поспешила вдоль по улице.

Прибыв к дому с двумя раздраженными, измученными детьми и пакетами из супермаркета, Эми чуть не расплакалась опять, увидев около калитки свою свекровь.

– Привет, Пузи. – Эми заставила себя улыбнуться, отпирая входную дверь.

– Дорогая моя девочка, ты выглядишь жутко усталой. Ну-ка, позволь мне помочь тебе. – Прижав локтем к боку принесенную жестянку, Пузи забрала у невестки часть хозяйственных сумок. Зайдя на кухню, она усадила Сару и Джейка за стол и велела Эми поставить чайник, а сама приготовила тосты с питательной пастой и подогрела немного консерви-

рованных макарон для детей.

– Бог ты мой, как же у вас холодно. – Поузи поежилась.

– К сожалению, здесь нет отопления, – откликнулась Эми. – Дом предназначен только для летнего времени.

Поузи окинула взглядом маленькую безотрадную кухню, единственная голая лампочка, свисавшая с потолка в центре комнаты, отлично освещала все грязные пятна на стенах.

– Отнюдь не дворцовые покои...

– Верно, – вяло согласилась Эми. – Но будем надеяться, что мы не останемся здесь надолго и переберемся в другое место, как только вновь поправим наши финансовые дела.

– Ты же знаешь, я давно говорила Сэму, что вы все можете переехать и жить со мной в Адмирал-хаусе. Просто глупо, что я живу там одна, а вы ютитесь в этом курятнике.

– Вы тоже знаете, что гордость Сэма никогда не позволит ему согласиться на это.

– Увы, милая, – вздохнула Поузи, открывая жестяную банку и выкладывая на тарелку идеальный шоколадный торт. – Иногда гордыня до добра не доводит, а мне почти невыносимо думать, как вы здесь живете. – Она нарезала торт на кусочки и сообщила внукам: – Вот, лучший бабушкин торт, и вы получите его, доев тосты и макароны. А ты, Эми, хочешь кусочек?

– Нет, спасибо. – Эми опасалась, что сейчас ей в горло кусок не полезет.

Поузи пригляделась к невестке. Она еще не растеряла кра-

соту, однако юбка болталась на ее бедрах, а на бледном лице выделялись огромные голубые глаза. Пряди ее обычно безупречно чистых белокурых волос пытались вырваться из небрежно собранного «конского хвоста», и выглядели так, словно давно нуждались в хорошенькой головнойке.

– Дорогуша, ты что-то исхудала. Поешь-то успеваешь?

– Конечно, Поузи. У меня все в порядке, правда. – Эми вытерла салфеткой рот Сары. – Надеюсь, вы извините меня, но я должна искупать детей и уложить их спать.

– Разумеется. Могу я помочь?

Подумав, как Поузи воспримет грязную маленькую ванну под лестницей, Эми вяло пожала плечами. Разве это имело значение?

– Если хотите.

Пока они вдвоем купали детей, Поузи не вымолвила ни слова. После того как их вытерли и одели в пижамы, она сказала, что разожжет камин в гостиной, пока Эми будет читать им сказку перед сном.

Когда дети наконец уснули, Эми спустилась в гостиную и с удовольствием опустилась в замусоленное кресло. Поузи принесла с кухни бокалы вина.

– Надеюсь, ты не против, что я открыла бутылочку, мне показалось, что тебе не мешало бы выпить.

Эми собиралась позже угостить этим вином Сэма, но с благодарностью взяла бокал.

– А где, кстати, Сэм? – спросила Поузи, устроившись на

старом кожаном диване.

– Не знаю. – Эми пожала плечами. – Но замышляется какой-то бизнес, поэтому, вероятно, он на деловой встрече.

– В половине восьмого в пятницу? – Поузи удивленно приподняла брови. – Что-то я сомневаюсь.

– В любом случае я уверена, что он скоро явится.

– А он помогает тебе с детьми?

– В будни не получается, но он отлично занимается с ними в выходные, – ответила Эми, как верная жена.

– Эми, милая, Сэм же мой сын, и, хотя я очень люблю его, я отлично знаю его натуру. Дай ему палец, так он всю руку отхватит.

– Он старается изо всех сил, правда, Поузи.

– Ты имеешь в виду, как сегодня вечером? Если Сэм сейчас не занят работой, то разве он не должен помогать тебе по дому? По меньшей мере он мог бы забирать детей вместо тебя или ходить по магазинам. Ты выглядишь, милочка моя, совершенно замученной.

– Мне просто нужно нормально выспаться, только и всего. У нас все нормально, честно. – Эми признавала, что сейчас лекция о недостатках ее заблудшего мужа, даже если они действительно имелись, могла стать для чаши ее терпения последней каплей. – Расскажите лучше, как у вас дела?

– Я получила изумительную новость! – Поузи всплеснула руками. – Пару дней назад мне позвонил Ник и сообщил, что приедет домой!

– После стольких лет. – Эми задумчиво улыбнулась. – Вы, должно быть, в восторге.

– Точно. И по иронии судьбы, в тот самый день в городе я встретила Эви Ньюман. Она тоже вернулась в Саутволд вместе со своей маленькой дочкой.

– Не эта ли Эви когда-то помогала Нику в антикварном магазине?

– Она. – Поузи сделала глоток вина. – Не могу вспомнить... ты с ней знакома?

– Да, но к тому времени, когда мы с Сэмом поженились и я окончательно переехала сюда, она уже покинула Саутволд.

– Это, наверное, совпадение, что Ник и Эви возвращаются сюда с разницей в несколько недель, – задумчиво произнесла Поузи.

– Наверное. А вы не знаете, надолго ли приезжает Ник?

– Нет, и, честно говоря, побоялась спросить. Я буду рада любому времени, которое он сможет прожить со мной, и его приезд будет очень кстати для экспертной оценки раритетов в Адмирал-хаусе. Как раз на этой неделе мне подумалось, что пришла пора оценить его содержимое.

– Неужели? Вы собираетесь что-то продавать?

– Возможно. А может быть, к тому же решусь продать сам дом.

– Ох, Поузи, надеюсь, вы шутите?! – ужаснулась Эми. – Ведь этот дом принадлежал вашей семье много лет. Мне он кажется... совершенно великолепным! Невозможно...

– Знаю-знаю, милая, однако прежние поколения имели капиталы – и штат прислуги, смею добавить, – чтобы поддерживать его в нормальном состоянии. – Поузи вздохнула. – И вообще, хватит уже обо мне. Как у тебя дела на работе?

– Суматошно, как обычно во время нашего Литературного фестиваля. Отель полностью забронирован.

– Как же приятно, когда у нас собирается множество интересных авторов. Завтра я собираюсь послушать, что будет говорить о своей новой книге Себастиан Жиро. Он производит весьма интересное впечатление.

– Себастиан Жиро? – потрясенно повторила Эми.

– Да. В этом году его роман включили в список на Букеровскую премию, и его продажи значительно превзошли даже избранного победителя. Да ты, Эми, наверняка слышала о нем.

Последнее время она считала достижением, если ей удалось без помех прочитать хотя бы заголовки в газете, какое уж там прочесть целую книгу от начала до конца.

– Нет, то есть я не слышала о нем до сегодняшнего дня. На самом деле я познакомилась с ним сегодня. Он остановился в нашем отеле.

– Да, неужели? Как тебе повезло. Ну, и как он, привлекательный мужчина? Такой высокий и мужественный... – Поузи улыбнулась.

– Честно говоря, я не заметила. Он кричал на меня из-за отсутствия в его номере горячей воды.

– Ах, милая, как досадно. Я-то надеялась, что он окажется таким же обаятельным, каким показался мне в одной радиопередаче. Но не бери в голову, у него трудная жизнь. Несколько лет назад его жена умерла во время родов и младенца унесла с собой. И все-таки это еще не повод вести себя грубо с окружающими. В том-то, видимо, и проблема со всеми этими знаменитостями... Познав славу, люди порой меняются не в лучшую сторону. – Взглянув на Эми, Поузи вдруг хлопнула в ладоши. – Слушай, дорогая, а почему тебе не пойти со мной завтра? Мы могли бы зайти на ленч в «Сун-он», а потом отправиться на его встречу с читателями.

– Не смогу, Поузи. С кем я оставляю детей?

– Разве Сэм не сможет посидеть с ними несколько часов?

В конце концов, завтра же суббота.

– Даже не... – Не договорив, Эми услышала, как открылась входная дверь и вошел Сэм.

– Дорогой мой, – Поузи встала и поцеловала сына в обе щеки, – где ты пропадал?

– Ходил на встречу.

– В паб? – уточнила Поузи, уловив пивной запах.

– О, ради бога, не начинай, мам.

– Не буду, но у твоей бедной жены нынче выдался ужасно трудный день, и я как раз говорила, что ей непременно нужно немного отдохнуть. Поэтому я забираю ее завтра на ленч, а потом мы ходим на одно мероприятие литературного фестиваля. Сэм, ты ведь сумеешь занять детей днем, верно? А

сейчас мне пора уходить, оставляю вас двоих, чтобы вы могли спокойно поужинать. Значит, Эми, я заеду за тобой завтра в половину первого. Пока, мои дорогие.

– Пока, Поузи, – откликнулась Эми, покраснев от смущения.

Входная дверь закрылась, и Эми с тревогой глянула на мужа, пытаясь оценить его настроение.

– Извини, Сэм. Но ты же знаешь, уж если твоя мать села на своего конька, то пиши пропало. Я позвоню ей завтра утром и скажу, что не смогу пойти с ней.

– Нет, мама права, тебе действительно нужна передышка. Завтра днем я отлично справлюсь с малышами. И, послушай, прости, что я вышел из себя утром.

– И ты прости, что я усомнилась в тебе, – сказала Эми, после его извинения ее захлестнула волна облегчения.

– Все нормально. И я могу тебя понять, но ты просто должна верить мне.

– Я верю, Сэм, правда.

– Отлично. А теперь – как у нас дела с ужином и осталось ли еще вино?

Глава 3

– Мамочка, ну пожалуйста, я не хочу туда ехать!

– Клемми, «Орвелл парк» считается замечательной школой, и там для тебя откроются превосходные возможности.

– Но мне она не нужна. Я хочу оставаться здесь, с тобой, никуда не уезжая. Пожалуйста, мамочка, не заставляй меня...

– Иди ко мне, детка. – Эви Ньюман привлекла к себе дочь и обняла ее. – Неужели ты думаешь, что мне хочется отправлять тебя туда?

– Не знаю, – пробурчала Клемми, шмыгнув носом.

– Ну, разумеется, не хочется, но я же должна думать о твоём будущем. Ты ведь большая умница, и мама должна постараться дать тебе по возможности наилучшее образование.

– Но мне нравилась моя старая школа в Лестере. Почему бы нам не вернуться туда?

– Потому что, милая, теперь мы живем здесь. И даже если бы мы еще жили в Лестере, я все равно хотела бы, чтобы ты поступила в «Орвелл Парк».

– А я просто хочу жить дома. Чтобы все было как раньше, – всхлипывая, пробурчала Клемми, уткнувшись в плечо Эви. – Тебе же нужно, мамочка, чтобы я присматривала за тобой, ты сама знаешь, что нужно.

– Нет, Клемми, вовсе не нужно, – бодро ответила Эви. –

Я вполне способна сама позаботиться о себе.

— Но ведь если я уеду в школу, ты останешься совсем одна в этом огромном доме. Что, если...

— Клемми, детка, я обещаю, что со мной все будет в полном порядке. — Эви погладила волосы дочки. — Я и так чувствую себя эгоисткой из-за того, что не отпускала тебя от себя последние годы. Но пора тебе начинать собственную жизнь и перестать беспокоиться обо мне.

— Я не смогу, мама. Мне так нравилось, как мы жили вдвоем, только ты и я.

— Я тебя понимаю, мне тоже, но не забывай, что ты будешь приезжать домой на все выходные и на каникулы, а каникулы там будут гораздо длиннее, чем в твоей старой школе. И поверь мне, мы с тобой будем проводить вместе массу времени.

Клемми резко вырвалась из объятий Эви и возмущенно заявила:

— Ты просто хочешь избавиться от меня. В общем, я никуда не поеду, и ты не сможешь заставить меня! — Клемми выбежала из комнаты, хлопнув дверью.

— Черт, черт, черт! — выругалась Эви, с досады избивая диван.

Отправка любимой дочки в школу разрывала ей сердце, и, несомненно, в глубине души она понимала, что нуждается в дочери в той же мере, в какой дочь нуждается в ней. Из-за их жизни в маленьком доме ленточной застройки в Лестере и из-за всего случившегося, пока они жили там, Клемми

пришлось слишком быстро повзрослеть и взвалить на плечи бремя, которое и любой взрослый счел бы тяжким.

Эви все это понимала, однако, каким бы болезненным ни оказалось первое расставание, было необходимо, чтобы Клемми уехала в эту школу. Пора ей начинать жить и веселиться, как нормальной девятилетней девочке, обрести свой собственный мир, оторвавшись от материнских проблем.

Снизу донеслась трель дверного звонка. Чувствуя себя совершенно опустошенной, Эви поднялась с пола, с трудом спустилась по трем пролетам лестницы и наконец открыла входную дверь.

– Салют, Эви. Я понимаю, что рано, но город достал...

На пороге стояла улыбающаяся Мари Симмондс, закадычная подружка Эви со школьной скамьи. В школе их прозвали «Дюймовочка и Дылда»; Эви всегда была маленькой худышкой, а пышка Мари – на голову выше всех одноклассников. «С каким бы удовольствием, – подумала Эви, – я поменялась бы сейчас с ней местами».

– Заходи. Боюсь, у меня все еще ужасный беспорядок.

Пройдя по холлу, Эви привела Мари на кухню.

– Боже, Эви, как тебе повезло унаследовать такой шикарный дом. Дай мне карт-бланш, и я продам его завтра же, даже если уборкой в нем не занимались с середины позапрошлого века.

Мари заправляла местным агентством недвижимости, поднявшись с должности секретаря до управляющего.

– Кое-какой косметический ремонт в доме делали еще во времена бабушки и дедушки, с тех пор никто ничего не касался. – Эви пожалала плечами. – Но нет, спасибо. Я собираюсь сама жить здесь, по крайней мере, на данном этапе.

– Что ж, учитывая, как обстоят дела на данном этапе, когда весь Лондон отчаянно стремится обзавестись недвижимостью в Саутволде, чего бы она ни стоила, я полагаю, что ты вполне можешь считать себя миллионершей.

– Приятно слышать, но пока я не собираюсь продавать его, то нет смысла и думать об этом, верно? Хочешь кофе?

– Да, с удовольствием. Ну почему у меня нет богатенького родственничка, который собирается дать дуба и оставить мне кучу дубового добра в Саутволде? – посетовала Мари, запустив пальцы в густую гриву черных кудряшек.

– Зато у тебя есть очаровательная мать, да и отец еще жив, – не допускающим возражений тоном заявила Эви. – А я лишилась их в десять лет.

– Извини, я не хотела показаться черствой или корыстной. Просто порой мне очень горько видеть в агентстве, как все эти деньги переходят из рук в руки, хотя мне и моей семье, на протяжении многих поколений жившей в нашем городе, из-за нынешней дороговизны приходится переезжать в пригород.

– Ломтик тоста? – спросила Эви, поставив на стол перед Мари чашку кофе.

– Нет, благодарю. Я сижу на очередной диете. Честно,

Эви, я могла бы возненавидеть тебя: огромный особняк и фигурка, как в школьные годы, несмотря на то что ты родила ребенка и жрешь все, что захочешь. — Мари с завистью проследила, как Эви намазала тост маслом и добавила джема.

— Уверяю тебя, Мари, тебе не нужна моя худоба, — ответила Эви, садясь за стол. — И я, кстати, тоже могу позавидовать твоему счастливому замужеству и тому, что у твоих малышей есть оба родителя. — Она пожала плечами.

— Как Клемми?

— Несчастливая, капризная и чересчур эмоциональная. Ей не нравится Саутволд, мечтает вернуться обратно в Лестер. Она наверху, дуется из-за того, что надо ехать в школу. Черт возьми, я действительно не знаю, как мне убедить ее. Сейчас она напрочь отказывается ехать. А я чувствую себя полной стервой. Жутко переживаю, она ведь думает, будто мне не хочется видеть ее дома, однако по самым разным причинам очень важно, чтобы она уехала.

— Уверена? — усомнилась Мари. — Брось, Эви, она же еще маленькая. Разве не может она еще несколько лет походить в местную школу и поехать в интернат немного позже? Начальная школа в Саутволде вполне хороша, даже более чем. В ней многое изменилось со времени нашей учебы. Понятно, что здесь нет никаких внешних атрибутов шикарной частной подготовительной школы, но оба мои чада с радостью ходят туда.

— Нет. Ради ее же блага я хочу, чтобы она уехала в этом

году.

– Признаться, я не представляю, что могла бы в девять лет отослать в интернат своего ребенка. – Мари в недоумении пожала плечами. – Я и так безумно скучаю по общению с ними. И, если она уедет, ты сразу почувствуешь, как здесь гуляет ветер. Ты же останешься в таком доме совсем одна.

– О, у меня масса дел, я найду, чем заняться.

– А как ты вообще относишься к возвращению? – глотнув кофе, спросила Мари.

– Нормально, – коротко ответила Эви.

– Видишься с Брайаном?

– Боже, нет. Ты же знаешь, он бросил нас, когда Клемми была еще малышкой, и с тех пор я ничего о нем не слышала.

– То есть он не поддерживает связь с дочерью?

– Нет.

– Очень печально... я имею в виду, для Клемми.

– Могу заверить тебя, что нам обоим гораздо лучше без него. Оглядываясь назад, я вообще удивляюсь, что могла найти в нем?

– Да, он всегда относился к тебе снисходительно, – согласилась Мари.

– Он обходился со мной, как с ребенком. Все, что делала, он считал недостаточно хорошим. А я просто восхищалась им, думала, что он намного умнее меня и видел в жизни гораздо больше, поэтому поначалу мне нравилось, что он так заботился обо мне, – Эви встала и выбросила в раковину ко-

фейную гущу, – но теперь я понимаю, что Брайан просто заменял мне потерянного в детстве отца.

– Похоже, трудновато тебе пришлось.

– Ну да, трудновато, но можно сказать, что я сама едва ли способствовала простоте нашей жизни. Совершила много ужасно досадных ошибок.

– Все мы, Эви, делаем ошибки по молодости. Это часть взросления. Не стоит особо терзаться по этому поводу. Кстати, не пора ли нам выходить?

– Пора. Схожу наверх, узнаю, удастся ли вытащить Клемми из спальни. Она уже заявила, что не желает торчать дома, пока мы ходим на эту читательскую встречу.

– У нее все будет в порядке, когда она попривыкнет здесь, – успокоила подругу Мари. – Передай ей, что дядя Джефф готовит к обеду пищу, а Люси ждет не дождется встречи с ней.

– Ух, постараюсь, – кивнув, ответила Эви.

Доехав до дома Мари в ближайшей деревне Рейдон, высадив там мрачную Клемми и дав указания Джеффу, мужу Мари, развлекать девочку по полной программе, подруги отправились обратно в Саутволд.

– Бог ты мой, какая кипучая городская жизнь! – воскликнула Эви, проехав мимо пивоваренного завода и направившись к театру Святого Эдмунда, где проводились творческие встречи нынешнего фестиваля.

– А в следующую субботу, когда закончится литератур-

ный фестиваль и большинство детей вернется в школы, городок опять погрузится в мертвецкий сон, – заметила Мари. – Смотри-ка, там уже очередь. Похоже, нам нужно потопрапливаться.

Эви и Мари нашли хорошие места в середине небольшого зрительного зала.

– А ты уже прочитала эту книжку? – спросила Эви.

– Нет, но я видела фотографии автора, и на этого Себастиана Жиро определенно стоило прийти взглянуть, даже если он будет нести полную чушь, – усмехнувшись, ответила Мари.

– Но он ведь действительно замечательный писатель и... о боже! Нет! Смотри, это же Поузи.

– Поузи?

– Ну, Поузи Монтегю, видишь? Спускается по ступенькам, вон она. – Эви показала рукой в нужную сторону.

– Ах да, вижу. Она пришла с Эми, своей невесткой. Ты с ней знакома? – шепотом спросила Мари.

– Немного, виделись когда-то давно. А она симпатичная, верно?

– Да. Я с ней познакомилась, потому что ее сын Джейк учится в одном классе с моим Джошем. Она правда очень милая и, как можешь представить, терпеливая, как ангел, ведь она замужем за Сэмом Монтегю с его способностью исключительно к провальным финансовым проектам. – Мари закатила глаза. – Теперь они ютятся в жуткой лачуге на Фер-

ри-роуд, а в паре миль от них мамаша Монтегю роскошествует одна в своем огромном особняке.

– Леди и джентльмены! – На сцене появилась ведущая встречи, и зрители затихли, ожидая представления.

– Мы рады видеть вас всех сегодня в день открытия Саутволдского литературного фестиваля. Уверена, что вы получите огромное удовольствие, поскольку нам предстоит встреча с известным лауреатом, писателем и журналистом Себастианом Жиро и его новой книгой «Поля скорби».

Под аплодисменты зрителей на сцену широким шагом вышел Себастиан Жиро.

– Супер, – прошептала Мари, когда писатель, подходя к микрофону, запустил руку в свою густую золотисто-каштановую шевелюру. – Великолепный мужик. Неудивительно, что в зале в основном женщины. Как ты думаешь, сколько ему лет? Немного за сорок?

– Понятия не имею.

Когда приглушили свет, Эми закрыла глаза. Она чувствовала себя совершенно обессиленной. Сэм появился дома, чтобы присматривать за детьми, только в одиннадцать часов, поэтому им с Поузи пришлось отменить запланированный в «Суоне» обед и отправиться прямо в театр. Не найдя места для парковки, они в итоге оставили машину в другом конце городка, и им пришлось пробежаться, чтобы успеть к началу этой творческой встречи.

Эми вовсе не хотелось слушать рассказ Себастиана Жи-

ро о книге, которую она, вероятно, все равно не удосужится прочитать, но, по крайней мере, сейчас ее не изводили своими просьбами клиенты отеля, дети или муж и она могла спокойно отдохнуть в темноте. Однако, когда он заговорил, даже Эми невольно прислушалась. Его мягкий голос, казалось, звучал умиротворяюще, присущая ему неизменная уверенность убаюкивала и успокаивала, а когда он зачитывал отрывки из своей поистине печальной истории, Эми вдруг почувствовала себя виноватой в том, что вообще жаловалась на свою жизнь.

Чтение завершилось восторженными аплодисментами. После этого Себастиан отвечал на вопросы из зала. Поузи спросила, как ему удалось раздобыть такие точные сведения о событиях Первой мировой войны, но Эми сидела спокойно, не желая больше иметь с ним никаких контактов.

Потом сообщили, что в фойе мистер Жиро будет подписывать экземпляры своих книг всем желающим.

– Пошли скорее, мне хочется получить подписанный экземпляр, просто чтобы еще разок глянуть ему в глаза, – прошептала Мари, когда они с Эви в толпе зрителей двигались к выходу из зала. – Тогда, лежа в усыпанной лепестками роз ванне, я смогу представить не своего сидящего в конторе муженька, а то, как этот красавчик читает мне свою книгу.

– Зато Джефф не испытывает сложностей артистического темперамента и таланта, и ему не приходится рекламировать себя привлекательной внешностью и мечтательно-задумчи-

выми взглядами, – проворчала Эви. – Брайан вечно окружал себя так называемыми интеллектуалами. Мне знакомы такого рода типчики, и, по-моему, в них нет ничего привлекательного. Ладно, я подожду в том уголке, пока ты будешь добывать книгу.

Устроившись на банкетке в угловой части фойе, Эви заметила, что Мари уже пристроилась в конец очереди, стремившейся получить автограф знаменитого автора.

Увидев выходящих из зала Поузи и Эми, Эви опустила голову, надеясь, что ее не заметят. Не сработало. Поузи направилась напрямик к ней.

– Эви, добрый день, как твои дела? – с сердечной улыбкой спросила Поузи.

– Спасибо, прекрасно. – Эви кивнула, чувствуя, как покраснели ее щеки.

– Позволь мне познакомить тебя с Эми Монтегю, женой Сэма.

– Привет, Эми. – Эви удалось изобразить вежливую улыбку.

– Привет. По-моему, мы встречались когда-то давно, – сказала Эми. – Вы вернулись в Саутволд навсегда?

– Ну, скорее – на обозримое будущее.

– А где ты живешь? – спросила Поузи.

– В бабушкином доме. Она завещала его мне.

– О да, я слышала, что она умерла несколько месяцев назад. Прими мои соболезнования. – Поузи неотрывно смотре-

ла прямо в глаза Эви. – Не зайти ли нам всем вместе на ленч в «Суон»? Мне не терпится услышать все твои новости, Эви, да и с Эми вы сможете прекрасно возобновить знакомство.

– О, к сожалению, я здесь не одна и...

– Мы с удовольствием посидим в кафе, – перебила подругу Мари, появившаяся за спиной Поузи. – Миссис Монтегю, по-моему, официально мы пока не знакомы, но я отлично знаю, где вы живете и обожаю ваш дом. Привет, Эми, – добавила она.

– Познакомьтесь с Мари Симмондс, моей старой школьной подругой. Она работает в агентстве недвижимости, – сообщила Эви, смущенная легкостью обращения Мари к Поузи, отчего ее собственное поведение показалось еще более натянутым.

– Добрый день, Мари. Вот и прекрасно, давайте тогда пойдем туда побыстрее, пока не заняли все удобные столики, – предложила Поузи.

Четыре женщины направились к выходу из театра.

– Извините? Надеюсь, я ничего не перепутал?

– Пardon?

– Вы ведь та самая администратор из отеля, именно вас вчера так расстроила моя тактика запугивания, – пояснил Себастиан Жиро.

Эми заметила, что все три ее спутницы изумленно уставились на нее. Ее лицо залила густая краска смущения.

– Да.

– Возьмите, пожалуйста. – Себастиан протянул Эми экземпляр своей книги. – Вероятно, моя книга вам нужна менее всего, но мне нечего больше предложить в качестве искупления. И я действительно должен еще раз извиниться перед вами.

– Но в самом деле у меня нет к вам ни малейшей претензии. Я же говорила вчера вечером, что расстроилась не из-за вас.

– Значит, вы прощаете меня?

Эми невольно улыбнулась его пылкой настойчивости.

– Разумеется. Спасибо за книгу. Всего доброго.

– Всего доброго.

Эми развернулась и последовала за остальными к выходу. Поузи и Мари сгорали от любопытства, так им хотелось узнать, что все это значило, поэтому Эми пришлось объясниться.

– Как приятно, что еще встречаются настоящие джентльмены, – заметила Поузи, когда все спутницы вошли в уютный зал «Суона».

Эви, извинившись, направилась в дамскую комнату, а остальная компания устроилась за одним из столиков.

– Едва ли. Вчера он вел себя со мной совершенно по-хамски, – ответила Эми.

– Что ж, по крайней мере из-за того хамства ты сэкономила на покупке его книги. Мне-то пришлось изрядно раскошелиться ради этого, – хмыкнув, посетовала Мари.

– Ну как, все хотят чай с булочками? – спросила Поузи. – Господи, как забавно! У нас получился такой славный девичник. Не представляете, как я мечтала иметь дочь. Бедняжке Эми достается от моей навязчивой опеки, верно, милочка?

– Мне только приятно, Поузи, вы же знаете, – откликнулась Эми.

Вернувшись из туалета, Эви втиснулась на диванчик рядом с Мари, хотя рядом с Поузи оставалось явно больше места.

– Мари, мы не можем задерживаться надолго. Клемми начнет беспокоиться. – Эви нервно сплела пальцы и, вновь расцепив руки, опустила их на колени.

– Брось, она ж там всю наслаждается жизнью, – возразила Мари, слишком радуясь общению в хорошей компании, чтобы обращать внимание на тонкие намеки Эви.

– Ваш муж замечательно умеет развлекать детей, – вздохнув, сказала Эми, но, вспомнив о присутствии Поузи, добавила: – Я хотела сказать, что Сэм сейчас полностью поглощен своим бизнесом.

– Ну, и как ты, Эви, рада, что вернулась обратно спустя столько лет? – доброжелательно спросила Поузи.

– Да, спасибо, Поузи.

Вскоре принесли чай с булочками, и, к облегчению Эви, Поузи, переключив свое внимание на Мари, начала расспрашивать ее о состоянии местного рынка недвижимости.

– Почему бы вам не пригласить меня заехать и взглянуть

на ваш особняк? – пылко предложила Мари. – Я могла бы провести объективную оценку, и вы по крайней мере могли бы узнать, сколько он может стоить.

– Надеюсь, Поузи, вы не думаете продавать Адмирал-хаус? – Эви, услышав последнюю фразу их разговора, не смогла удержаться от вопроса.

Поузи впервые заметила искру бывшего блеска в глазах Эви.

– Да, милочка, вполне вероятно. Как я только что говорила Мари, для поддержания дома в порядке нужно слишком много денег, и к тому же сам он великоват для меня одной.

– А что думают ваши сыновья? – спросила Эви. – Наверняка кто-то из них предпочел бы...

– Жить там, когда я покину наш бранный мир? Сомневаюсь. Взвалить такую тяжесть на чью-то шею? Никому не пожелаю бы получить в наследство столь обременительный подарочек.

Пока Эми разливала чай, Поузи поглядывала на Эви, раздумывая, какая же все-таки беда могла превратить красивую и умную молодую женщину, полную жизненных сил, в бледную и страшно исхудавшую тень самой себя. Казалось, на плечи Эви легло бремя мировой скорби, наполнив ее глаза неизбывной печалью.

– Когда Клемми должна уехать в интернат? – спросила Мари у Эви.

– На следующей неделе.

– Боже, я тоже когда-то жила в интернате и обожала учиться там, – вставила Поузи. – Наверное, ей не терпится уехать?

– Нет, совсем наоборот, – ответила Эви.

– Ее можно понять, но как только она начнет учиться, то, несомненно, быстро освоится, и ей понравится.

– Надеюсь.

Поузи видела, что Эви упорно смотрит в свою чашку, видимо, не способная встретиться с ней взглядом.

– В общем, если захочешь, чтобы я, как бывшая ученица такого интерната, подбодрила ее, то я с искренним удовольствием поговорю с ней.

– Спасибо, но я уверена, что она сама все поймет.

Поузи размышляла, чем бы заполнить вдруг воцарившееся за столиком неловкое молчание.

– Кстати, Эви, скоро Ник приезжает из Австралии навестить меня.

– Неужели? Здорово. А сейчас, Мари, – решительно произнесла Эви, вставая из-за стола, – нам действительно пора уходить.

Пока недовольная Мари натягивала куртку, Эви достала из сумочки несколько монет и положила их на стол.

– Всем пока, – сказала Мари, успев вручить Поузи визитку, несмотря на то что Эви почти насильно тащила ее к выходу. – Позвоните мне.

– Конечно, милочка, как только решусь на продажу. До свидания, Эви, – добавила Поузи, глядя на удаляющуюся

спину.

– Нам тоже пора бы домой, Поузи, – заметила Эми. – Вре-
мя вечернего чая уже прошло, а я уверена, что Сэм и не по-
думал накормить детей.

– Конечно. – Поузи грустно покачала головой. – Понима-
ешь, мне хотелось узнать, что же так печально изменило Эви.
Раньше мы были хорошими подругами, и она обычно была
очень веселой. А сейчас такое впечатление, что из нее выка-
чали все жизненные силы. Да и выглядит она плачевно.

– Десять лет – немалый срок. – Эми пожала плечами. –
И у нее, очевидно, какие-то трудности, по меньшей мере с
отправкой ее дочери в школу-интернат.

Пока они возвращались к машине, Поузи невольно вспо-
минала выражение лица Эви, когда она упомянула о приезде
Ника из Австралии. Эви явно разволновалась, и Поузи ре-
шила, что, будь она проклята, если не попытается выяснить
причины ее волнения.

Глава 4

– Клемми, будь добра, открой дверь! Я только что вылезла из душа, – крикнула Эви дочери с верхнего этажа.

– Ладно-ладно, мам, я иду. – Скатившись с кровати, Клемми сбежала по лестнице в холл и открыла входную дверь.

– Добрый день, Клемми. Меня зовут Поузи Монтегю, я – старая подруга твоей мамы. Помнишь, несколько дней назад мы с тобой встретились возле газетной лавочки?

– Помню. – Клемми кивнула. – Вы хотите видеть маму?

– Честно говоря, я пришла повидать тебя. Ты когда-нибудь ловила крабов?

– Нет, – ответила Клемми, явно насторожившись.

– Тогда самое время попробовать. У меня в машине запасены удочки, ведра и беконовая наживка. Если твоя мама разрешит, мы съездим на лодке за реку, в Уолберсвик. Сходи, найди ее и спроси, можно ли тебе поехать?

– Но... я не...

– Привет, Поузи.

За спиной Клемми появилась Эви в банном халате, с хмурым, как грозовая туча, лицом.

– Ах, Эви, рада вновь видеть тебя. Ты не возражаешь, если мы с Клемми поедem ловить крабов? Сегодня такая хорошая погода, а к чаю я привезу ее домой.

– Ну, спасибо, конечно, за приглашение, Поузи, но нам

надо еще так много сделать перед отъездом Клемми в школу и...

– Тогда, я уверена, ты сумеешь мигом переделать кучу дел, оставшись на несколько часов одна. А ты, Клемми, что скажешь?

Посмотрев на Поузи, Клемми поняла, что отказ эту леди никак не устроит. Она пожала плечами.

– Ладно. Если мама не возражает.

– Что ж, хорошая идея, – согласилась Эви, осознав, что ей не оставили выбора.

– Отлично, захвати какую-нибудь теплую кофточку на случай, если позже похолодает.

Клемми кивнула и поднялась наверх, чтобы собраться.

– Дорогая Эви, прости, что я вмешиваюсь в вашу жизнь, как старая навязчивая перечница, но мне подумалось, что я смогу развлечь Клемми до отъезда и заодно рассказать ей, как весело живет в школе-интернате.

– Честно говоря, я не представляю, что еще можно сделать. Она наотрез отказывается ехать.

– Ну, я постараюсь улучшить ее отношение к пребыванию в школе.

– Спасибо вам, Поузи. – Наконец Эви удалось слабо улыбнуться. – Как это мило с вашей стороны.

– Не стоит благодарности, я сама всегда обожала крабовый промысел. Отлично, юная леди, – сказала она, когда Клемми вернулась в холл. – Пора выезжать.

– Пока, мам.

– Пока, милая. Желаю хорошо провести время.

Машина Поузи тронулась с места, и Эви, помахав на прощание им обеим, закрыла дверь. Прогрогнув в махровом халате, Эви собралась с духом, чтобы забраться наверх и одеться. Она чувствовала себя совершенно обессиленной – прошедшей ночью ей удалось заснуть только на рассвете, когда небо уже окрасилось первыми лучами солнца.

Натянув джинсы и джемпер – последние дни она постоянно мерзла, – Эви размышляла о том, что, разумеется, правильно поступила, вернувшись в Саутволд ради Клемми, однако глупо надеялась избежать здесь встреч с прошлым. Если бы она только смогла рассказать кому-то, поделиться своим бременем... Десять лет назад Поузи, в сущности, заменила ей мать. Им удалось душевно сблизиться, и Эви обожала ее. Каким было бы утешением, если бы она могла припасть к ее теплому плечу и излить историю своих бед.

«Однако, по иронии судьбы, – подумала Эви, ложась на кровать, поскольку совсем ослабела для очередного спуска по лестнице, – менее всего сейчас я посмела бы довериться именно Поузи».

* * *

– Классно! Настоящая деревянная лодка с веслами, – вос-
торженно воскликнула Клемми, когда они прошли по узко-

му дощатому пирсу и встали в хвост короткой очереди на переправу через реку Блит, протекавшую по границе между Саутволдом и деревней Уолберсвик.

– Ты ведь, наверное, уже каталась раньше на лодке? – спросила Поузи, пока они наблюдали, как судно, мастерски ведомое лодочником, возвращается через эстуарий.

– Нет. Понимаете, в Лейстере мы жили далеко от воды.

– Как-то я не подумала об этом, – призналась Поузи. – Сама я там никогда не бывала. А вам хорошо там жилось?

– Мне нравилось, – ответила Клемми. – Даже не хотелось переезжать сюда, ведь у меня осталось там много друзей, но мама сказала, что нам необходимо переехать.

– Ладно, готова ли ты спуститься на борт? – спросила Поузи, когда лодка причалила и привезенные пассажиры вылезли на пирс.

– Конечно.

Лодочник, приукрасивший себя, как отметила Поузи, элегантной льняной блузой и заливчато надвинутой на лоб соломенной шляпой для защиты глаз от ослепительного сверкания солнца, протянул руку и помог Клемми спокойно спуститься в лодку. Поузи последовала за ней, бросив на борт два ведерка, в первом из них было полно наживки.

– Здравсте, пожалуйста, мадам. – Бархатистый мелодичный голос прозвучал фамильярно, чем сильно отличался от тона бывшего рыбака Боба, переправлявшего эту лодку через сто ярдов водной глади последние два десятка лет.

– Благодарю. – Поузи опустилась на одну из узких банок, пока остальные пассажиры спускались на борт. – Клемми, ты ведь умеешь плавать?

– Да, у нас в школе были уроки плавания.

– Хорошо, а то бывали случаи, когда это суденышко шло на дно из-за лишнего веса запущенных в него туристов, – поддразнила Поузи лодочника, когда он, уже отчалив, заработал веслами, направляясь в сторону Уолберсвика. – Кстати, Клемми, я слышала, что через несколько дней тебе предстоит уехать в школу.

– Да, но мне не хочется ехать.

– Меня тоже, помню, отправляли в школу, – заметила Поузи, закрыв глаза и подставив лицо косым солнечным лучам. – Как же чудесно я проводила там время! Завела множество подруг, в спальнях мы устраивали бесконечные полуночные пирушки, а кроме того, я получила очень хорошее образование.

– Не сомневаюсь, что получили, Поузи. – Клемми поджала губы. – Но мне не хочется никуда ехать, что бы вы там ни говорили.

– Смотри-ка, мы уже причаливаем, – оживленно произнесла Поузи, когда лодочник, ухватившись за веревку, начал подтягивать их к пристани.

Он выпрыгнул из лодки и ловко привязал ее к причалу. Выходить им пришлось последними, потому что они сидели на корме. Поузи видела, с какой легкостью загорелые и

крепкие руки лодочника подхватили и перенесли Клемми на сушу.

— Ну надо же, — сказал он, поворачиваясь к Поузи и сдерживая шляпу, чтобы смахнуть пот со лба, — какой жаркий выдался денек для осеннего времени.

Он улыбнулся, глядя, как Поузи идет к нему, перешагивая через узкие скамьи. Потом протянул ей руку, и она впервые взглянула ему прямо в глаза.

И тогда у нее вдруг возникло на редкость удивительное ощущение, ей показалось, что само время замерло в странной неподвижности. Поузи не осознавала, смотрела она на него один миг или целую вечность; мир вокруг нее — крики чаек в небесах, разговоры уходящих с пристани пассажиров, — казалось, отступил в невообразимую даль. Она вдруг вспомнила, что лишь раз в жизни испытывала подобное чувство, и это произошло полвека тому назад, когда она впервые увидела эту самую пару глаз.

Придя в себя, Поузи заметила, как он протянул ей руку, чтобы помочь подняться на причал. Пребывая в сильнейшем смятении, она не знала, то ли прямо сейчас хлопнется в обморок, то ли опозорится, извергнув все содержимое своего желудка в лодку. И, хотя интуиция подсказывала, что надо бежать от лодочника и его протянутой руки, Поузи поняла, что попадет в ловушку, если только сейчас же не бросится в воду и не уплывет обратно в безопасный мир Саутволда, при всей нереальности такого выбора.

– Спасибо, но я справлюсь сама, – сказала Поузи, опустив голову и отвернувшись от лодочника, ее руки ухватились за край причала, чтобы удобнее было выбраться из лодки. Но подвели ноги, и, когда она рискованно повисла между лодкой и причалом, руки лодочника поддерживали ее. От его прикосновения Поузи словно ударило током, сердце отчаянно забилось в груди, когда он обхватил ее другой рукой и буквально поднял на деревянный помост.

– Мадам, с вами все в порядке? – спросил лодочник, видя, что Поузи стоит над ним, задыхаясь.

– Да-да, все нормально, – умудрилась выдавить она, заметив пристальный взгляд его карих глаз и забрезживший в них огонек узнавания.

– Пойдем, Клемми, – быстро отвернувшись, сказала она, с трудом заставляя двигаться свои вдруг ослабевшие ноги.

– Я... Бог ты мой! Поузи, неужели это ты? – услышала она за спиной голос лодочника.

Однако даже не оглянулась.

– Поузи, вы правда хорошо себя чувствуете? – спросила Клемми, шагая рядом с Поузи, быстро уводившей ее с пристани.

– Да, правда. Просто сегодня жарковато. Давай посидим немного на той скамейке и выпьем воды.

Со своей выигрышной позиции Поузи видела, как лодочник вновь помогает людям спускаться в лодку для обратного путешествия. Лишь когда она заметила, что он отчалил

и начал грести веслами, направившись к берегу Саутволда, биение ее сердца начало замедляться.

«Может, обратно нам лучше доехать на такси? – погрузившись в задумчивость, размышляла Поузи. – И откуда он вообще мог здесь взяться?..»

Позже она вспомнила, что именно сблизило их, когда они впервые встретились...

«Откуда ты родом, Поузи?»

«Родилась и жила в Саффолке, но потом росла в Корнуолле».

«В Саффолке? Тогда, пожалуй, у нас есть нечто общее...»

– Поузи, вам уже лучше? – робко спросила Клемми.

– Гораздо лучше, спасибо, милая, вода восстановила мои силы. А теперь пойдем-ка, найдем хорошее местечко и наловим целую гору крабов!

Она увела Клемми как можно дальше от пристани, где они и устроились на берегу. Поузи показала Клемми, как насаживать кусочки бекона на крючок удочки и как забрасывать ее в воду.

– Давай, закидывай удочку, но не дергай ее обратно слишком быстро, ведь краб должен успеть схватить наживку. И закидывай поближе к дамбе. Там побольше камней, а под ними обычно и любят прятаться крабы.

В итоге после пары ложных подсечек Клемми торжествующе вытащила маленького, но вполне живенького краба. Поузи сняла его с крючка и бросила в ведро.

– Вот, молодец! И раз уж ты поймала первого, то поверь мне, теперь они пойдут косяком.

И действительно, Клемми удалось выловить еще с полдюжины крабов до того, как Поузи заявила, что проголодалась и хочет пить.

– Ладно, – сказала Поузи, когда ее сердце забилося сильнее при виде приближавшейся к причалу лодки, – похоже, нам самое время перекусить где-нибудь поблизости.

Они выпустили крабов обратно в воду.

Заняв свободный столик в садике паба «Якорь», Поузи заказала для себя крайне необходимый ей сегодня бокал белого вина, а для Клемми – кока-колы и два свежих сэндвича с креветками. Ожидая заказ возле барной стойки, она вспомнила, как отметила привлекательность лодочника сразу, едва увидела его. А когда он снял шляпу, обнажив то, что она когда-то называла «поэтической шевелюрой», его густые и теперь почти белые волосы, как и в юности отброшенные назад, свободно упали на плечи, закрывая уши и...

«Прекрати сейчас же, – мысленно приказала себе Поузи. – Вспомни, как он поступил с тобой, как разбил тебе сердце...»

Печально, думала Поузи, неся напитки к столику, где ждала ее Клемми, что ее мозг не услышал доводов разума, благодаря той исключительной физической реакции на его прикосновение, выданной ее телом.

«Поузи, одумайся! Тебе ведь почти семьдесят! Кроме то-

го, он, вероятно, женат, и у него куча детей, внуков и...»

– Спасибо, Поузи, – сказала Клемми, поставив стаканы с напитками на скамейку для пикников.

– Сэндвичи скоро будут готовы, но пока я взяла пакет чипсов, чтобы утолить чувство голода. Будем здоровы! – провозгласила она, чокнувшись своим бокалом со стаканом Клемми.

– Будем здоровы, – повторила Клемми.

– Итак, милая моя девочка, ты, очевидно, не шибко хочешь ехать в эту новую школу.

– Вовсе не хочу. – Клемми вызывающе вскинула голову. – Если мама заставит меня поехать, то я все равно сбегу отсюда и вернусь домой. Я скопила карманные деньги, просто на случай, и уже знаю, как брать билет на поезд.

– Не сомневаюсь в твоих способностях и вполне понимаю твои чувства. Помню, когда мне предложили поехать в школу, я была в ужасе.

– Вот-вот, и я не понимаю, почему я должна ехать, – недовольно протянула Клемми.

– Потому что твоей маме хочется, чтобы ты начала свою жизнь в самом лучшем из возможных заведений. И порой взрослым приходится принимать решения за своих детей, даже если дети не понимают их и не согласны с ними. Неужели ты и правда думаешь, что маме просто хочется отослать тебя подальше от дома?

Потягивая кока-колу через соломинку, Клемми задума-

лась.

– Возможно, хочется. Я понимаю, что часто капризничала с тех пор, как мы приехали в Саутволд.

– Моя милая Клемми, – усмехнувшись, заметила Поузи, – твоё поведение не имеет ни малейшей связи с её желанием отправить тебя в эту школу. Когда мои мальчики уезжали в пансион, я целыми днями безутешно плакала. Ужасно по ним скучала.

– Целыми днями? – удивленно взглянула на неё Клемми.

– Увы, да, – подтвердила Поузи. – И я уверена, твоя мама будет также сильно скучать, но, как и она, я поступала так, сознавая, что такое решение будет наилучшим для них, даже если сами они тогда так не думали.

– Но, Поузи, вы не понимаете, действительно не понимаете, – пылко возразила Клемми. – Ведь мама нуждается во мне. И кроме того... – медленно начала она, но тут же умолкла.

– О чём ты?

– Я боюсь! – Клемми прикусила губу. – Что, если мне там совсем не понравится? Вдруг там учатся только противные девчонки?

– Тогда ты уедешь, – пожав плечами, сказала Поузи. – Довольно глупо не делать чего-то, только потому, что, возможно, тебе это не понравится. Кроме того, эта школа не так уж далеко. Ты будешь приезжать домой на выходные, на рождественские, пасхальные и, естественно, на летние каникулы.

Ты только выиграешь, получая все лучшее в обоих мирах.

– А что, если мама забудет меня после моего отъезда?

– Ах, глупышка, мама обожает тебя. Это же написано у нее на лице. И она делает это ради тебя, а не ради себя.

– Ну, если вы так говорите... – Клемми вздохнула. – Может, и правда будет весело жить в общей спальне.

– В общем, по-моему, тебе стоит попробовать пожить там семестр или годик? Представь, что это экзотический фрукт, который стоит распробовать. А потом, если школа тебе действительно не понравится, твоя мама, я уверена, разрешит тебе уехать оттуда.

– И вы сумеете, Поузи, заставить ее дать мне такое обещание?

– Мы спросим ее, когда я привезу тебя домой. А пока, – Поузи взглянула на официантку, поставившую перед ними на столик два сэндвича, начиненных креветками с хрустящим латуком, политых жирным пикантным соусом, – может, отведаем это блюдо?

Очередные полчаса Клемми веселилась, слушая смешные истории о школьных проделках – отчасти подлинных, но в основном придуманных, – после чего Поузи неохотно, а Клемми вполне спокойно направились обратно к лодочной пристани. К счастью, лодка оказалась полностью загружена пассажирами, и у лодочника не осталось времени, чтобы перемолвиться с Поузи хоть словом. Когда они причалили в Саутволде, Поузи настроилась на ожесточенный отпор, ожи-

дая своей очереди выхода из лодки. Взяв ее за руку и помогая выйти на причал, лодочник склонился к ней.

– Это ведь ты, Поузи, я угадал? – прошептал он.

– Да. – Поузи лишь чуть кивнула, понимая, что глупо оставлять его вопрос без ответа.

– Ты живешь где-то поблизости? Потому что мне очень хотелось бы...

В это время она уже твердо стояла на причале. Даже не взглянув на него, Поузи быстро удалилась.

Глава 5

Ник Монтегю смотрел в окно такси на ранний утренний туман. Машины ехали к Лондону по трассе М4 сплошной полосой, бампер к бамперу, хотя часы показывали еще только начало восьмого.

Ник поежился, впервые за последние десять лет ощутив холод английской осени. В Перте сейчас как раз началась весна с комфортной теплой температурой воздуха.

Когда они въехали в центр Лондона, Ник мгновенно ощутил напряженный темп столичной жизни, совершенно не похожей на спокойную атмосферу Перта. Радуюсь и тревожась в равной мере, Ник понимал, что ему придется вновь привыкать к такому житью. Он радовался и тому, что решил заехать сначала сюда, прежде чем возвращаться в Саутволд. Не назвав матери точного дня приезда, он намеревался провести какое-то время в Англии, занимаясь своими делами, и ему не хотелось, чтобы она понапрасну ждала его возвращения. До встречи с ней ему нужно было принять кое-какие решения.

В последние несколько месяцев впервые со времени прибытия в Перт он вдруг осознал, что соскучился по Англии. Возможно, поначалу его полностью поглотило стремление обустроиться в новой стране и создать свой бизнес. В конечном итоге он преуспел и теперь владел процветающим анти-

кварным магазином на Левом берегу и арендовал прекрасную квартиру в районе Пепперминт-гроув с видом на воды залива Географ.

Ник признавал, что, возможно, все получилось у него слишком легко. Ему повезло попасть в Перт во время бурного роста этого города, когда там собралась группа богатых молодых бизнесменов, и, благодаря отсутствию конкуренции в качественном антикварном деле, Ник заработал там гораздо больше денег, чем мог бы заработать в Англии.

Ник пытался наслаждаться собственным успехом, сознавая, однако, что ему необходимо найти для себя новое испытание. Он поиграл с идеей открытия филиалов в Сиднее и Мельбурне, но расстояние между этими городами затрудняло реализацию, особенно когда дело доходило до поставок мебели. Кроме того, он уже заработал деньги и опыт для перехода в деловую элиту и понимал, что если не приобщится к ней сейчас, то уже не приобщится никогда. Проще говоря, это означало возвращение домой.

И он решил потратить какое-то время в Лондоне на изучение конъюнктуры антикварного рынка, посетить некоторые первоклассные распродажи и заглянуть в пару магазинов в Западном Лондоне, которые он отыскал в Интернете. Ему также хотелось понять, как он будет чувствовать себя, вернувшись в Англию. Если же на родине ему будет некомфортно, то, возможно, стоит отправиться в Нью-Йорк.

– Вот мы и прибыли, приятель. Вон он, ваш шестой дом

на Гордон-плейс.

– Спасибо, – сказал Ник, расплатившись с водителем. Тот укатил дальше, а Ник потащил свой чемодан к входной двери увитого глицинией таунхауса. Несмотря на то что дома здесь находились всего в паре минут ходьбы от суматошной Кенсингтон-Хай-стрит, Ник осознал утонченное спокойствие этого шикарного жилого района. Дома, простоявшие здесь уже не одну сотню лет, радовали глаз значительно больше, чем бесконечные небоскребы разраставшегося Перта.

Он поднялся к входной двери и позвонил в колокольчик.

– Ник, старина, добрый день! – Схватив друга в медвежьи объятия, Пол Лайенс-Харви похлопал его по спине. – Дай-ка посмотреть на тебя! Да ты ни на йоту не изменился. Да еще и шевелюру сохранил, в отличие от некоторых из нас. – Пол погладил плешь на своей макушке, подхватил чемодан Ника и занес его в прихожую.

– Ник! – Его вновь заключили в объятия, на сей раз Джейн, жена Пола, высокая, грациозная блондинка с идеально гармоничными чертами лица, чьи фотографии когда-то украшали обложку журнала «Вог».

– Ты глянь, дорогуша, разве он не в прекрасной форме? – риторически спросил Пол, проводя Ника по узкому коридору на кухню.

– Безусловно, он прекрасен. Должно быть, именно серфинг помогал ему поддерживать стройность. Я все пытаюсь

посадить Пола на диету, но он выдерживает ее денек-другой, а потом опять наслаждается пудингами, – посетовала Джейн, нежно целуя в плешь своего маленького и, несомненно, полного мужа.

– То, что мне недодали в росте, я решил компенсировать в объеме, – со смехом заявил Пол.

– Может, просто пристрастился к сладкой жизни? – небрежно произнес Ник, вальяжно сидя за столом и закинув ногу на ногу.

– Должен признать, последние несколько лет дела идут весьма прилично. А куда деваться, надо же обеспечивать мою старушку мехами и драгоценностями.

– Да уж, деваться ему некуда, – согласилась Джейн, включив чайник. – Едва ли, дорогуша, я вышла за тебя из-за потрясающей внешности! Кофе, Ник?

– Да, пожалуйста, – ответил Ник, с восхищением окинув взглядом длинные, затянутые в джинсы ноги Джейн и подумав в очередной раз, что при полнейшем несочетании физических данных его старейший друг и Джейн создали крепчайшую из известных ему семей. Они служили идеальным дополнением друг для друга. Пол, аристократичный торговец произведениями искусства, и элегантная и практичная Джейн, обладавшая тем хладнокровием, что уравнивали ее легковозбудимого мужа. Они обожали друг друга.

– Ты сильно устал? – спросила Джейн Ника, поставив перед ним кофе.

– Изрядно, – признался Ник. – С удовольствием вздремнул бы пару часов, если вы не возражаете.

– Разумеется, не возражаем, только прости, Ник, к сожалению, у нас сегодня вечером званый ужин. Мы запланировали его до того, как узнали о твоём приезде, – извинилась Джейн. – Нам хотелось бы, чтобы и ты присоединился к нам, если успеешь отдохнуть, но если не сможешь, то не беспокойся.

– Я бы присоединился на твоём месте. В списке гостей клевая телка, – подал голос Пол. – Прелестница из тех старых добрых времен, когда Джейн дефилировала по подиумам. Подозреваю, что ты там так и не женился?

– Верно. Вечный холостяк – это про меня, – пожав плечами, признал Ник.

– Ну, с твоим загаром, отдохнуть тебе удастся не больше двадцати четырех часов, а потом все свободные красотишки начнут трезвонить в нашу дверь, – с видом пророчицы пообещала Джейн. – Ладно, скоро я должна убегать. Днем у меня съемка, а я еще не подыскала туфли для модели.

Бросив несколько лет назад работу фотомодели, Джейн теперь трудилась в качестве стилиста и, судя по электронным письмам Пола, стала весьма востребованной на этом поприще.

– Словом, отдыхай и постарайся накопить сил к вечеру. Нам не помешал бы еще один мужчина. – Немного помассировав Нику плечи, Джейн поцеловала мужа в губы и исчезла

из кухни.

– Да, Пол, повезло тебе, чертяка, – усмехнулся Ник. – Джейн просто великолепна. Да вы оба выглядите такими же счастливыми, как десять лет назад.

– Правда, мне повезло, – согласился Пол. – Но семейная жизнь, старина, не бывает без проблем. И у нас они есть, как у всех прочих.

– Неужели? А по виду не скажешь.

– Не скажешь... но ты, возможно, заметил, что в доме не слышно топота детских ножек. Уже лет шесть мы стараемся, но безуспешно.

– Я не знал, Пол. Сочувствую.

– Ну, нельзя же иметь все, верно? Полагаю, Дженни как женщина воспринимает это тяжелее, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Уж чего мы только ни пробовали, прошли все тесты и два процедуры ЭКО. И позволь мне сказать, если и есть противоядие от секса, то это, должно быть, эта самая процедура. Есть нечто обескураживающее в том, что приходится заниматься им по заказу, в определенный день и в определенное время.

– Да уж, могу представить.

– Во всяком случае, мы решили завязать с нашими тщетными попытками. Они создавали жуткий напряг в семейной жизни. Дженни, кажется, вполне довольна своей карьерой, да и я уже летаю относительно высоко.

– Какие-то интересные находки? – Ник сразу ухватился за

возможность сменить тему, что, очевидно, хотелось и Полу.

– Только Каналетто¹³, с которым я столкнулся во время моих поездок, – небрежно сообщил он. – Получил за него хорошую цену, как можешь себе представить. Это означает, что я уже решил проблему с нашими пенсиями, и теперь все, что мы зарабатываем, можно пускать на развлечения. Ладно, у тебя-то как дела?

– Хорошо. Ну, в финансовом отношении в любом случае, хотя я пока еще ищу своего Каналетто, – усмехнувшись, пошутил Ник.

– Кстати, я тут нашел пару приличных мест для магазинов, по-моему, они отлично подойдут тебе, если решишь открыться в Лондоне. Уверен, тебе известно, что антикварный рынок пережил некоторый спад из-за всех этих увлечений нержавеющей и прочими модернистскими изысками. Однако в тумане рецессии и нервной рыночной обстановки люди возвращаются к покупке того, что, как они надеются, надолго сохранит свою ценность. В наши дни благодаря появлению множества телепрограмм на эту тему народ стал чертовски ушлым. Готов платить большие деньги за качественный товар, зато всякий хлам стало сбывать труднее.

– Это хорошие новости, поскольку я собираюсь влезть на вершину этого рынка, как в те годы, когда я начинал дела

¹³ Джованни Антонио Каналь, известный также под именем Каналетто (1697–1768) – итальянский художник, глава венецианской школы ведутистов, мастер городских пейзажей в стиле академизма.

в Саутволде, – сказал Ник, подавив зевок. – Извини, Пол, длинная дорога меня вымотала. Глаза уже сами закрываются. В самолете почти не спал.

– Ясно-ясно. Поднимайся наверх и отдыхай, а мне, полагаю, пора появиться на Корк-стрит¹⁴, – сказал Пол, опять хлопнув Ника по спине. – Рад, что ты вернулся, старина, и ты знаешь, что можешь оставаться у нас, сколько захочешь.

– Спасибо. – Ник встал. – Серьезно, я очень признателен, что ты пригласил меня пожить у вас. К тому же мне нравится и сам дом. – Он сделал широкий жест. – Он такой... английский. Я соскучился по старой архитектуре.

– Ты прав. Тебе постелили в гостевой спальне на верхнем этаже. Приятных снов.

По трем лестничным пролетам Ник затащил свой чемодан наверх и открыл дверь спальни в мансарде. Как и во всем доме, обстановка здесь оказалась эклектичной, но уютной, а большая латунная двуспальная кровать с кружевным покрывалом выглядела на редкость заманчиво. Не раздеваясь, Ник упал на кровать и тут же погрузился в сон.

Он проснулся, когда за окном уже стемнело, отругав себя за то, что не поставил будильник. Он включил свет и обнаружил, что уже почти шесть часов вечера, а значит, у него оставалось мало шансов уснуть и ночью. Открыв какую-то дверь, Ник обнаружил за ней кладовку, а следующая дверь,

¹⁴ Корк-стрит – улица в фешенебельном районе Мейфэр на западе Лондона со множеством галерей современного искусства.

как оказалось, вела в маленькую, но хорошо оборудованную душевую. Он вытащил из чемодана чистую одежду, принял душ и побрился.

Минут через двадцать он спустился на первый этаж и, зайдя на кухню, увидел, что Джейн в домашнем халате нарежает грибы и перцы.

– Привет, соня. Ну как, тебе уже лучше?

– Да, хотя заранее извиняюсь, если теперь не буду спать ночью, забалтывая вас до четырех утра.

– Меня это устраивает, ты же знаешь, какая я сова.

Ставив кусок перца с разделочной доски, Ник попробовал его на зуб.

– Итак, тебе нравится новая работа?

– Еще как, гораздо больше, чем я могла подумать. Я начала ею заниматься, чтобы оказать услугу одному моему приятелю фотографу. Честно говоря, просто хотелось заполнить время, пока... в общем, мы с Полом все надеялись на появление детей. Теперь это уже кажется нереальным, зато у меня появилась успешная карьера.

– Пол уже сказал мне, что у вас возникли некоторые трудности, – осторожно признал Ник.

– Проговорился? – Джейн вздохнула. – Странно, ведь я раньше никогда не задумывалась о рождении детей. Более того, лет до тридцати я делала все возможное, чтобы их у меня не было. Вот такая ирония судьбы. Я просто не думала... – Джейн перестала резать грибы и невидящим взглядом

установилась в стену. – Наверное, можно сказать, что это естественное право каждой женщины. Неприятности возникают, только когда осознанно начинаешь очень хотеть того, что не можешь иметь.

– Я вам искренне сочувствую, Джейн.

– Спасибо. – Джейн откинула с глаз светлую волнистую прядь и вновь принялась за нарезку. – Хуже всего, что я постоянно думаю, как ужасно по молодости обращалась с собственным телом. Как все фотомодели, жила только на черном кофе и сигаретах.

– Но врачи же не сказали, что именно ты не можешь иметь детей?

– Нет. Мы относимся к проценту пар с неизвестной причиной. В любом случае худшее уже позади. Мы смирились с тем, что наше гнездышко останется пустым, и я уже прошла стадию рыданий при виде любой коляски с новорожденным.

– Ох, Дженни. – Ник подошел и обнял ее.

– Ладно. – Джейн быстро вытерла глаза. – Расскажи лучше, Ник, как живешь? Должно быть, за эти десять лет у тебя появилась особая привязанность?

– Нет, никого особенного. У меня были женщины, конечно, но... – Он пожал плечами. – Никто из них не прижился. Знаешь же, как говорится: «Однажды укушенный...» – ну и так далее¹⁵.

¹⁵ Английская пословица: «Однажды укушенный вдвойне пуглив»; близка по смыслу к русской: «Пуганая ворона куста боится».

Послышался стук входной двери, и Пол, быстро пройдя по коридору, появился в кухне.

– Добрый вечер, милая! – Он нежно развернул к себе жену и поцеловал ее в губы. – Я только что приобрел прелестную маленькую камею. Мы, конечно, проведем исследование, но, думается, это может быть сама леди Эмма Гамильтон¹⁶, соблазнившая даже лорда Нельсона. Ник, дружище, как провел денек?

– Во сне, – хмыкнув, ответил Ник. – А сейчас, прежде чем отдаться на вашу волю, мне необходимо заскочить в паб. Безумно хочу глотнуть первую пинту горького пива на английской земле, я просто обязан удовлетворить эту жажду.

– Возвращайся к восьми, Ник, – крикнула Джейн удалявшемуся по коридору Нику.

– Вернусь, – откликнулся он.

Перейдя на другую сторону улицы и зайдя в паб, он устроился на барном стуле, заказал пинту пенного пива и, сделав первый глоток, счастливо улыбнулся. Наслаждаясь пивом в атмосфере настоящего британского паба, Ник вдруг подумал, что менее всего ему хотелось бы провести свой первый вечер в Англии за вежливыми застольными разговорами в совершенно незнакомой компании.

Полчаса спустя, порадовав себя второй пинтой пива,

¹⁶ Эмма Гамильтон, леди Гамильтон (1765–1815) – любовница британского вице-адмирала Горацио Нельсона (1758–1805). Благодаря своим скандальным любовным интригам, красоте и художественному таланту леди Гамильтон стала в конце XVIII – начале XIX века настоящей европейской знаменитостью.

Ник вышел из паба и отправился прогуляться по Кенсингтон-черч-стрит, заглядывая по пути в многочисленные витрины элитных антикварных магазинов. Остановившись, он окинул взглядом дома. Сможет ли он прижиться здесь? Покинуть солнечный курортный Перт с его потрясающим побережьем ради жизни в одном из самых безумных городов земли.

– Не говоря уже о погоде, – проворчал Ник, почувствовав, что начал моросить дождь.

Однако, разглядывая великолепный комод времен короля Георга в освещенной витрине одного из антикварных магазинов, Ник подумал, что приживется.

* * *

– Ник, мы уже начали беспокоиться. Подумали, что тебя могли похитить, учитывая, сколько лет ты не бывал в мегаполисах. Проходи, знакомься. – Джейн, сама элегантность в кожаных брюках и шелковой блузке, протащила его в гостиную. – Бокал шампанского?

– Почему бы нет? – Ник взял предложенный бокал и вежливо кивал, пока Джейн представляла его остальным гостям.

Ник опустился на диван рядом с привлекательной брюнеткой, женой, если он правильно запомнил, стареющего двой-

ника Ронни Вуда¹⁷, который беседовал с Полом.

Когда она начала задавать праздные вопросы о кенгуру и коалах, Ник почувствовал, что вечер грозит быть чертовски долгим. И хуже всего, что сбежать было невозможно.

Раздался звонок в дверь, и Джейн отправилась встречать очередного гостя. Она вернулась с женщиной, чья необычная красота заставила даже уставшего от жизни Ника заинтересованно оценить ее. Высокая, с алебастровой кожей и роскошными, как на полотнах Тициана, волосами – он невольно продолжал смотреть на новую гостью, пока Джейн знакомила ее с другими. Женщина выглядела так, словно сошла с флорентийской картины пятнадцатого века, облаченная в длинное зеленое бархатное платье с воротничком-стойкой в китайском стиле и рядом крошечных перламутровых пуговиц.

– Ник, познакомься с Тэмми Шоу, одной из моих старейших подруг, – сказала Джейн, вручив Тэмми бокал шампанского.

Тэмми молчала. Она насмешливо посмотрела на Ника своими большими зелеными глазами. Ник встал и протянул ей руку.

– Рад познакомиться с вами, Тэмми.

– Ник только утром прилетел из Австралии, – пояснила

¹⁷ Рональд Дэвид (Ронни) Вуд (1947) – британский музыкант цыганского происхождения, в первую очередь известный как участник группы «Роллинг стоунз».

Джейн, когда Ник подвинулся, освобождая место на диване, и Тэмми села рядом с ним.

– Как же вы познакомились с Джейн и Полом? – спросил ее Ник.

– С Джейн я встретила много лет назад на своей первой съемке. Она помогла мне освоиться, и с тех пор мы дружим.

– Так вы тоже фотомодель?

– Была. – Она кивнула, сделав глоток шампанского и окинув взглядом комнату.

Ник почувствовал исходящую от Тэмми неприязнь и понял причину. К женщине с такой внешностью мужчины, должно быть, выстраиваются в очередь, стремясь соблазнить ее.

– Честно говоря, – Ник понизил голос, – званый вечер не совсем то мероприятие, куда мне хотелось бы попасть в первый день по возвращении, поэтому простите, если мне недостает должной разговорчивости.

– Лично я вообще ненавижу такие вечера. – Наконец Тэмми одарила Ника легкой улыбкой. – Особенно когда вас приглашают символически, в качестве незамужней женщины. Но Джейни – моя ближайшая подруга, поэтому для нее я сделала исключение. А вы, Ник, живете в Лондоне?

– Нет, но я временно остановился у Джейн и Пола.

– Где же вы познакомились с ними?

– С Полом я встретился в подготовительной школе, когда мне было всего девять лет. Я спас его от кучки хулиганов,

которые пытались засунуть его головой в унитаз. Тогда мы и подружились. – Ник с улыбкой взглянул на Пола. – С тех пор он не изменился ни на йоту, но мне нравится осознавать, каких успехов он достиг в бизнесе, в то время как его ничего не достигшим одноклассникам впору теперь мыть туалеты.

– Да, мальчики бывают чертовски жестокими, верно? Если бы у меня были дети, я никогда не отправила бы их в интернат. Все мои знакомые мужчины, жившие в школах-интернатах, похоже, натерпелись там от подобных хулиганов.

– Ну, надеюсь, не все, – мрачно улыбнулся Ник. – К тому же школы-интернаты вышли из тьмы Средневековья.

– Может, и так. – Тэмми пожала плечами.

– А чем же вы теперь занимаетесь? – вежливо поинтересовался Ник.

– Продаю винтажную одежду на рынке «Портобелло-роуд»¹⁸.

– Правда? – Ник недоверчиво глянул на нее, осознав, что его мнение о ней претерпело сейсмический сдвиг.

– Да. Я обожаю винтажные вещи и долгие годы собирала их. А сейчас они стали пользоваться бешеным спросом.

– Как странно, ведь я тоже занимаюсь антиквариатом. Не означает ли это, что мы оба предпочитаем смотреть скорее в прошлое, чем в будущее?

– Я никогда не думала об этом в таком разрезе, – ответила

¹⁸ «Портобелло-роуд» – уличный рынок в Лондоне, известный своими антикварными лавками, расположенный на одноименной улице.

Тэмми, почесав нос. – Хотя, возможно, в этом есть смысл. Я всегда чувствовала, что родилась не в том веке. А какого рода антиквариат вы продаете?

– Эkleктичный, то есть никакой мрачной мебели. Я нахожу необычные вещи, и если мне они кажутся красивыми, то надеюсь, что они понравятся и другим людям. Кстати, как раз завтра я собираюсь на одну распродажу. Положил, знаете ли, глаз на ошеломляющую люстру из муранского стекла.

– Вы меня успокоили, потому что я покупаю только ту одежду, которую хотела бы носить сама.

– Ну, и как она, продается?

– Да, как ни странно. Однако, честно говоря, я становлюсь слишком старой, чтобы торчать за прилавком под холодным дождем воскресным январским днем, не говоря уже о том, что такая погода не улучшает вид самой одежды. Поэтому я начала подыскивать местечко под крышей.

– Хорошая идея, – усмехнулся Ник. – Я тоже его подыскиваю.

– Ну как, ребята, проголодались? А в столовой уже подан ужин, – помахивая прихваткой, объявила стоявшая в дверях Джейн.

Ник порадовался, что его посадили рядом с Тэмми. Помимо воли, она очаровала его.

– А как же вы стали моделью?

– Случайно. – Она пожала плечами, накладывая себе на тарелку выставленные на стол угощения. – Я изучала фило-

софию в лондонском Королевском колледже, – продолжила она, активно закусывая, – когда меня заметили в модельном агентстве при магазине «Топшоп» на Оксфорд-серкус. Признаюсь, я не ожидала, что задержусь на этой работе, рассматривала ее лишь как временную, хотела просто подзаработать, пополнив счет своего студенческого гранта. Но все-таки задержалась, зато теперь я свободна, как вышедшая в тираж модель.

– Едва ли, – откликнулся Ник, с удовольствием отметив ее здоровый аппетит. – Разве вам это не нравилось?

– Отчасти да, нравилось. Я имею в виду работу с некоторыми из лучших дизайнеров в лучших ателье мира, но все-таки мир моды жесток, и я была рада избавиться от него и вернуться к реальности.

– Ваша реальность кажется мне прелестной.

– Спасибо. Вы знаете, не все модели безмозглые, нюхающие кокаин наркоманки...

– Неужели вы беспокоитесь, что вас могут принять за такую особу? – прямо спросил Ник.

– Угадали, – призналась она, и на шее, над воротничком ее платья, проступил легкий румянец.

– А этот наряд из числа ваших винтажных запасов?

– Да, я купила его в благотворительном магазинчике, когда мне было восемнадцать. И с того дня пропала, на всю жизнь стала страстной поклонницей ретростиля.

– Сложность в том, – задумчиво произнес Ник, – что сле-

дование своей страсти не всегда сопутствует богатству. В Перте у меня остался дом, полный любимых вещей, с которыми я просто не в состоянии расстаться.

– Я понимаю, что вы имеете в виду, – согласилась Тэмми. – В моем гардеробе полно одежды, которую я просто не могу заставить себя продать. Ницше говорил, что наше желание чем-то владеть неизбежно уменьшается после обладания, и я стараюсь вспоминать об этой мудрости, выкладывая что-то любимое на продажу. – Она улыбнулась. – Не важно, лучше расскажите мне о вашем бизнесе, – добавила она, когда Джейн подала на стол сочные стейки со свежей картошкой и зелеными бобами.

Ник кратко описал свою карьеру, начиная с первого магазина и аукционного дома в Саутволде и до возможного возвращения в Лондон.

– Так вы прожили в Австралии полноценную жизнь? – спросила Тэмми.

– Если вы спрашиваете, обзавелся ли я женой и семьей, то нет, не обзавелся. А вы?

– Я уже говорила вам, что не замужем, – напомнила она. – Я сама едва помещаюсь в своем крошечном доме в Челси. Потратила на него все сбережения. Конечно, мне следовало купить дом с тремя спальнями и...

– Но вы влюбились именно в этот домишко, – рассмеявшись, предположил Ник.

– Точно.

После ужина Пол проводил гостей обратно в гостиную, где уже горел камин, изгнавший осенний холод. Вскоре Джейн появилась с подносом, нагруженным кофе и бренди. Ник заметил, что время движется к полуночи, и удивился, как быстро оно пролетело.

– Так почему же, Ник, вы так и не женились? – прямо спросила Тэмми.

– Вот уж вопрос на засыпку, – протянул он, наблюдая, как Джейн наливает им кофе. – Наверное, я просто не создан для серьезных взаимоотношений.

– Или просто пока не встретил правильную серьезную особу, – подмигнув ему, подхватила Джейн.

– Возможно. А теперь, Тэмми, могу я о том же спросить вас?

– И я дам вам такой же ответ, – вздохнула Тэмми.

– Славное совпадение, – изрек Пол, следуя за женой с бренди. – Вы, очевидно, созданы друг для друга.

– Как жаль, не сочтите меня бестактной, но уже очень поздно. – Тэмми глянула на часы. – По возвращении домой меня еще ждет куча шитья. – Она встала. – Ник, мне было так приятно поговорить с вами сегодня, я надеюсь, вы найдете в городе подходящее место для вашего бизнеса. Ежели в поисках вам попадется что-то дешевенькое, дайте мне знать, ладно? – улыбнувшись, попросила она.

– Конечно. У вас есть телефон, чтобы я мог звякнуть?

– Гм... да, он есть у Джейни. Пока, Пол, – сказала она, по-

целовав его в обе щеки. – Спасибо за чудесный вечер. Пойду, разыщу твою женушку. До свидания, Ник.

Тэмми покинула гостиную, а Пол присел рядом с Ником.

– Неужели я, как обычно, ляпнул что-то не то?

– Сам знаешь, что ляпнул, но не переживай по пустякам.

– Нет, буду переживать, правда, ведь все выглядело так, будто вы с ней действительно поладили.

– Она выглядит великолепно и далеко не глупа к тому же.

– Мозги и красота... идеальное сочетание. Тэмми на редкость оригинальна. И независима, – добавил Пол. – Но ты ведь, по-моему, всегда любил трудности?

– Любил когда-то. Но сейчас я прикипел душой к своему делу. С его трудностями справляться гораздо проще.

Через час разошлись и остальные гости. Ник помог Полу и Джейн убраться, и они ушли спать, а Ник в одиночестве сидел перед горящим камином, подкрепляясь вторым бокалом бренди. В его голове невольно всплывал образ Тэмми, и он чувствовал... возбуждение. Он попытался вспомнить, когда в последний раз женщина производила на него столь глубокое впечатление. И осознал, что такого не случилось с тех пор, как *она*...

И посмотрите, до чего та любовь довела его; до закрытия успешного бизнеса в Англии и бегства в поисках спасительного убежища на другую сторону планеты. Однако разве не обнадеживает сам факт того, что Тэмми удалось вновь затронуть его душу? Может, это означало просто то, что он на-

конец исцелился?

И почему бы ему не увидаться с ней еще разок? За последние десять лет одиночество чертовски надоело. Он прожил так половину жизни, и, если не хочет прожить в одиночестве до конца своих дней, нужно вновь открыть сердце для любви. С другой стороны, какой интерес он может представлять для такой женщины, как она? Естественно, она могла выбрать кого угодно!

Ник тяжело вздохнул. Он подумает об этом завтра, и тогда, если его чувства не остынут, позвонит ей.

* * *

На следующий день, когда Ник спустился на первый этаж, Джейн уже работала на кухне.

– Добрый день. – Оторвавшись от своего ноутбука, она глянула на него. – Хорошо спал?

– С возрастом я стал медленнее восстанавливать силы после дальних перелетов, – ответил Ник, пожав плечами.

– Как ты относишься к омлету? Я как раз собиралась приготовить что-нибудь на обед.

– Я и сам могу приготовить. С сыром и ветчиной тебя устроит?

– Безусловно. Спасибо, Ник. Кофе уже готов. Наливай себе сам. Мне просто нужно срочно закончить один фотоколлаж и отправить его в журнал.

Прихлебывая крепкий кофе, Ник бродил по кухне и собирал ингредиенты для омлета. Бросив взгляд на садик за домом, он заметил, как красиво поблескивали под ярким сентябрьским солнцем роскошные цвета листьев темно-пунцового бука. И ему мгновенно вспомнился потрясающий цвет волос Тэмми.

– Все, дельце сделано, – заключила Джейн, закрывая ноутбук.

– Так же как омлет, – откликнулся Ник, выкладывая завтрак на тарелки.

– Какая прелесть, – похвалила Джейн Ника, поставившего в центр стола миску с зеленым салатом. – Может, тебе удастся при случае научить моего мужа разбивать яйца?

– Так он же всегда может попросить тебя что-то приготовить, а мне в одинокой жизни пришлось научиться готовить самому.

– Верно. И научился ты бесподобно. Так тебе понравилась вчерашняя вечеринка?

– Да, хотя, если честно, я не успел толком поговорить с другими гостями.

– Естественно, я заметила. – Джейн, поглядывая на Ника, положила себе немного салата. – Тэмми обычно холодна с мужчинами, по очевидным причинам. Но с тобой она явно потеплела.

– Спасибо. Она удивительно красива. Должно быть, к ней пристают постоянно.

– Безусловно, особенно надоедали в юности, когда она работала фотомodelью. Ты же знаешь, каким отвратительным бывает мир моды, в нем крутится множество хищных самцов. Вот она и выбрала для защиты роль Снежной королевы, однако под этой маской скрывается очень милое и ранимое существо.

– А у нее было много... гм... парней?

– Было, но мало. Один друг детства как раз крутился вокруг нее долгие годы, но года три назад укатил на запад. Насколько мне известно, с тех пор она никого не воспринимает всерьез.

– Понятно.

– Так ты хочешь позвонить ей?

– Я... возможно. Если ты дашь мне ее номер.

– Дам, при условии, что ты не разобьешь ей сердце.

– С какой стати? – нахмурившись, спросил Ник.

– Вчера вечером ты сообщил мне, что заделался закоренелым холостяком. Мне не хочется, Ник, чтобы Тэмми стала просто очередной зарубкой на столбике твоей антикварной кровати. Тэмми достойна гораздо большего. Она не умеет скрывать своих чувств и на редкость наивна в отношении мужчин.

– Я понял тебя, Джейн, и уверяю, что сам пока не готов к интрижке. Меня ждет масса важных дел. Но вообще-то я хотел бы еще разок увидеться с ней. Вчера определенно что-то произошло.

– Я заметила. Как, впрочем, и все остальные гости. – Джейн улыбнулась. – Ладно, мне пора бежать на встречу, но я пришлю тебе ее номер.

– Спасибо.

Домыв посуду, Ник услышал рингтон своего мобильного и вытащил его из кармана джинсов.

«Привет, вот номер Тэмми... До вечера. Целую, Джейн».

Ник добавил номер в свою адресную книгу и пошел наверх в выделенную ему спальню. Разумеется, он ничего не сказал Джейн, но прошедшей ночью, когда он наконец уснул, ему приснилась Тэмми. Меряя шагами комнату, Ник размышлял о том, следует ли ему повременить пару дней со звонком, чтобы она не сочла его «хищным самцом», как выразилась Джейн.

Способен ли он выдержать пару дней?

Нет. Ему хотелось увидеть Тэмми немедленно, заглянуть в ее потрясающие зеленые глаза, коснуться восхитительных волос... он уже успел соскучиться.

«Господи, Ник, что она с тобой сделала?»

Что бы то ни было, несколько минут спустя Ник вытащил свой мобильный и набрал номер, присланный ему Джейн.

Глава 6

В служебной комнате прозвенел колокольчик, сигнализируя, что в галерее появился клиент. Поузи встала из-за компьютера и вышла в демонстрационный зал.

– Могу я помочь вам? – привычно спросила она по пути, желая дать понять посетителю, что художественный салон работает, и не позволить ему улизнуть, даже не прицелившись к картинам.

– Можешь. Привет, Поузи.

Она резко остановилась, чувствуя, как ее сердце забилося быстрее. Он стоял в середине зала, пристально глядя на нее.

– Я... – Поузи подняла руку к горлу, чтобы скрыть краску смущения, хотя она уже, наверное, заливала и ее лицо. – Как ты нашел меня?

– Ну, на самом деле, – сказал он, сделав по направлению к ней пару шагов, – не буду врать, будто понадобилось нанять частного детектива. Первый же встречный, у которого я спросил, точно знал, где ты работаешь. Уверен, ты понимаешь, что в Саутволде тебя знают довольно хорошо.

– Едва ли, – вызывающе возразила Поузи.

– Ну, не важно, главное – я нашел тебя.

– Верно. И что же тебе нужно?

– Да просто... в общем, наверное, мне просто захотелось поздороваться как следует после нашей невероятной встречи

в лодке.

– Понятно. – Она отвернулась от него, желая найти более нейтральный объект для разглядывания. В двадцать с небольшим он был потрясающе красив, но даже сейчас, в свои семьдесят с небольшим, он, бесспорно, оставался самым красивым мужчиной, которого она встречала за последние десятилетия. И ей не хотелось, чтобы очередная чувственная реакция затуманила ее разум.

– Как же давно мы расстались, Поузи! Пожалуй, прошло не меньше пятидесяти лет?

– Полагаю, около того.

– Около того, – повторил он, и они оба немного помолчали. – А ты знаешь, что ничуть не изменилась?

– Разумеется, изменилась, Фредди! Я успела состариться.

– Ну и я тоже постарел, – признал он, пожав плечами.

Последовало очередное неловкое молчание, но Поузи не собиралась нарушать его.

– Послушай, я хотел спросить, не позволишь ли ты мне пригласить тебя как-нибудь на ланч? Мне хотелось бы объясниться.

– О чем ты?

– Ну, почему я... в общем, почему я сбежал от тебя.

– На самом деле в этом нет необходимости. Незачем ворошить давнее прошлое, – твердо заявила Поузи.

– Да, уверен, ты и не вспоминала обо мне до того дня, когда я вдруг совершенно неожиданно нарисовался перед то-

бой в лодке, но, по крайней мере, позволь мне пригласить тебя на обед, чтобы мы могли поболтать обо всех наших потерянных годах. Прошу, Поузи, согласись. Я вернулся в Саффолк всего пару месяцев назад... в прошлом году, знаешь ли, вышел на пенсию... и пока мало кого здесь знаю.

– Ладно, я согласна, – вырвалось у Поузи с необдуманной поспешностью.

В основном, ей хотелось, чтобы он как можно скорее убрался отсюда... она понимала, что выглядит не лучшим образом, поскольку поехала в галерею сразу после уборки листьев в саду.

– Спасибо. Есть ли у тебя здесь любимые обеденные заведения?

– Выбирай сам.

– Тогда, может, в «Суоне»? Насколько я знаю, там хорошо кормят. Ты сможешь выбраться туда в четверг? Это мой выходной от лодочного промысла.

– Да, смогу.

– Тогда, скажем, час дня тебя устроит?

– Да, прекрасно.

– Ну, договорились, в общем. Увидимся в час дня в четверг. До свидания, Поузи.

Фредди ушел, а Поузи, вернувшись в служебную комнату, немного посидела, восстанавливая спокойствие.

«О чем ты думаешь, глупая старуха?! Неужели забыла, как в прошлый раз он разбил тебе сердце?»

Однако, несмотря на серьезность того, что злосчастный Фредди Леннокс, точно призрак, возвращался в ее жизнь, Поузи вдруг рассмеялась.

«Черт возьми, эта встреча оказалась еще более неловкой, чем та, когда он по ошибке зашел в мою спальню и увидел меня обнаженной!»

* * *

Поузи стыдилась усилий, приложенных ею для подготовки к обеду с Фредди. В конце концов, она не виделась с ним почти полвека, однако важнее то, что он ошибся, предположив, что остался для нее лишь давним воспоминанием. Их роман и внезапный разрыв оставили неизгладимый шрам на ее сердце. И во многих отношениях определили путь ее жизни.

И тем не менее, заглянув в свой гардероб и обнаружив, что уже много лет не покупала себе ничего нового, она вдруг осознала, что это обеденное свидание стало для нее тем самым пресловутым волшебным пенделем.

– Ты совсем запустила себя, Поузи, – строго заявила она, глядя в зеркало. – Тебе нужно подобрать правильный макияж, как говорится нынче в популярных телешоу.

Поэтому на следующий день она отправилась в Саутволд. Сделала стрижку и мелирование, подкрасившее седину, что появилась в ее волосах за последние десять лет. После этого

зашла в бутик, где заканчивалась сезонная распродажа.

Перемерив большую часть вещей своего размера – по-прежнему сорок шестого, как в молодости, с гордостью отметила она, – она сочла, что все они выглядят либо слишком старомодными, либо излишне вызывающими для ее возраста.

– Миссис Монтегю, может, вы примерите эту вещицу? Она только что поступила, поэтому, к сожалению, не вошла в распродажу.

Продавщица показала ей пару черных джинсов.

– Вы уверены, что они не молодежные?

– У вас, миссис Монтегю, такие стройные ножки, что их определенно необходимо подчеркнуть! А к ним, по-моему, отлично подойдет вот эта рубашка.

Взяв предложенные джинсы и васильковую рубашку из натурального хлопка, Поузи опять зашла в примерочную кабинку. Спустя пять минут, она стояла перед зеркалом, удивляясь своему отражению. Джинсы действительно выгодно подчеркнули ее длинные ноги – еще крепкие, благодаря неустанным трудам в саду, – а рубашка не только подошла ей по цвету, но и оказалась достаточно свободной, чтобы скрыть удручающе дряблую кожу на талии.

– Нужен еще новый бюстгальтер, – напомнила себе Поузи, когда, переодеваясь, увидела бесформенный серый лифчик, покрывающий ее грудь.

В итоге она вышла из магазина с двумя пакетами обно-

вок. Она приобрела две пары джинсов, три новые рубашки, бюстгальтер и пару блестящих черных сапог, доходивших до колен.

– Надеюсь, я не буду выглядеть как пугало, уподобившись некоторым пожилым особам в молодежном прикиде, – проворчала она под нос, подходя к своей машине. И решила, что не будет, вспомнив Фредди в его стильной фетровой шляпе, брюках и пиджаке из твил-сатина.

* * *

– Боже мой, Поузи, как же ты замечательно выглядишь, – воскликнул Фредди на следующий день, встав из-за столика, чтобы приветствовать ее.

– Спасибо, – ответила она, устроившись напротив в предложенном им кресле. – Ты и сам выглядишь неплохо.

– Я взял на себя смелость заказать нам бутылку шардоне. Помнится, когда-то ты предпочитала белое вино. То есть, конечно, когда мы не баловались джином. – Он улыбнулся.

– Прекрасно, я с удовольствием выпила бы бокал вина.

Фредди налил вина в ее бокал и поднял свой.

– За твоё здоровье.

– И ты будь здоров. – Поузи сделала глоток.

– Довольно странно, не думаешь, что после стольких лет судьба уготовила нам новую встречу? – спросил Фредди.

– Что ж тут странного, Фредди, ведь мы оба родились в

Саффолке, если ты не забыл.

– Разумеется, помню. Давно ты сюда вернулась?

– Уже больше тридцати лет. Я жила здесь со своей семьей.

– Где?

– В доме моего детства, в окрестностях Саутволда.

– Понятно. – Фредди тоже глотнул вина. Поузи видела, как он задумчиво помедлил, а потом спросил: – И дом оказался благосклонным к вашей семье? Никаких дурных воспоминаний?

– Вовсе никаких, а с чего бы им быть? Я и сама любила его в детстве.

– Безусловно, – ответил он.

– Что-то не так? – спросила Поузи, вглядываясь в его слишком знакомые глаза. Он всегда смотрел так, если возникали какие-то сложности.

– Нет-нет, дорогуша, все в полном порядке. Я очень рад, что вы переехали туда и жили счастливо.

– На самом деле я и продолжаю счастливо жить там.

– Так и живешь? Ну, ну...

– Ты выглядишь удивленным. Почему?

– Да... даже не знаю толком. Полагаю, мне всегда представлялось, как ты бесстрашно порхаешь по всему миру в поисках редких образцов флоры и фауны. Ладно, – Фредди вручил ей меню, – не пора ли сделать заказ?

Пока Фредди читал меню, Поузи украдкой изучала его поверх своего буклета, размышляя, почему же ее возвращение

и жизнь в Адмирал-хаусе, казалось, привели его в замешательство.

– Пожалуй, я хочу попробовать блюдо дня. А ты? – спросил Фредди.

– И я тоже, спасибо.

Фредди подозвал официантку, и, когда он сделал заказ, Поузи еще раз глотнула вина.

– А ты не хочешь, Фредди, рассказать мне о себе? Чем ты занимался все эти годы?

– Признаться, моя жизнь прошла вполне стандартно. Возможно, ты помнишь, как я осознал, что мечты об артистической славе не для меня, поэтому поступил в школу адвокатов и стал барристером. Разменяв четвертый десяток, я женился на коллеге, она тоже работала адвокатом, и мы прожили вместе хорошую жизнь. К сожалению, два года назад она умерла, как раз после того, как мы прикупили коттедж в Саутволде. Мы собирались жить в нем на пенсии, хотели провести наши закатные годы, путешествуя и катаясь на лодке в свое удовольствие.

– Сочувствую, Фредди. Вы прожили с женой долгую жизнь. Должно быть, неожиданно оставшись один, ты испытал ужасное потрясение.

– Так и есть, особенно учитывая, что нам с Элспет так и не удалось обзавестись детьми. На самом деле, видишь ли, она не хотела их, стремилась дотянуться до пресловуто-

го стеклянного потолка¹⁹ и разбить его. Оглядываясь назад, я думаю, что совершенно не представлял, как Элспет сможет «отдыхать в свое удовольствие». Она была целеустремленной и амбициозной, поэтому, вероятно, к лучшему, что она умерла на пике своей карьеры. Ты же знаешь, мне всегда нравились сильные женщины.

– И где же находится твой коттедж? – спросила Поузи, оставив без внимания его последнее замечание.

– Да почти в центре города, в конце одной боковой улочки. Даже если бы я хотел наслаждаться морским видом и большим садом, по мере старения приходится быть прагматичным и выбирать удобное жилье, соответствующее собственным силам. На участке есть старый амбар, где сушили хмель, и коттедж, где жили прежние владельцы. Я почти закончил реконструкцию и ремонт в обоих домах и намереваюсь в дальнейшем сдавать свой «Хмельной амбар», – заключил он и добавил, глянув на принесенные рыбные блюда: – Должен сказать, что рыба выглядит весьма аппетитно.

Во время еды Поузи невольно поглядывала на Фредди, размышляя об их неожиданной встрече. Он ничуть не изменился, этот студент-правовед с артистической душой, которого она когда-то любила... мысль о том, что после долгой разлуки они вот так запросто обедают вместе, сильно волно-

¹⁹ В данном случае имеются в виду формально не обозначенные барьеры, которые препятствуют карьерному росту женщин, а в общем случае – представителей дискриминируемых социальных групп.

вала ее.

– Ну, а как ты жила, Поузи? – с улыбкой спросил Фредди, когда официантка убрала их тарелки. – Я уже понял, что у тебя есть муж и дети.

– Господи, нет! То есть мужа уже нет. Джонни умер более тридцати лет назад. С тех пор я вдовствую.

– Грустно. Полагаю, в то время твои дети были совсем маленькими? Должно быть, трудно тебе пришлось?

– Да, нелегко, но терпимо. На самом деле у меня сохранились чудесные воспоминания о детстве моих мальчиков. Мы втроем противостояли всему миру. Они помогли мне не сойти с ума.

– Удивительно, Поузи, почему же ты опять не вышла замуж? Такая женщина, как ты...

– Никому больше не удалось покорить мое сердце.

– Но, должно быть, женихов у тебя хватало?

– Да, за долгие годы появлялись иногда желающие. Ты хочешь заказать пудинг или мы перейдем сразу к кофе?

После кофе Поузи продолжила рассказывать Фредди историю своей жизни.

– Именно сад и спас меня, по правде говоря. Радостно видеть, как все растет и расцветает, наверное, это сродни возбуждению, которое ты испытывал, выигрывая дело в суде.

– По-моему, дорогая, твоя радость более драгоценна. Ведь ты создавала нечто красивое на пустом месте.

– Что ж, возможно, ты захочешь заглянуть в Адмирал-ха-

ус, и я устрою тебе экскурсию по саду.

Фредди не ответил. Вместо этого он подозвал официантку и попросил счет.

– Между прочим, мне пора бежать. Было очень приятно наверстать упущенное, Поузи, но, боюсь, я должен завершить наш обед. В три часа меня ждет электрик, чтобы смонтировать подсветку на потолке амбара. Надеюсь, ты как-нибудь зайдешь и взглянешь на мои владения.

Поузи увидела, как он положил на столик под счет несколько банкнот, а потом поднялся.

– Прости меня за столь поспешный уход. Я совсем забыл о времени. До свидания, Поузи.

– До свидания.

Когда он ушел, она глубоко вздохнула и допила оставшееся в бокале вино. Она чувствовала себя совершенно растерянной, потрясенной его внезапным бегством. В конце концов, он сам разыскал ее, пригласил на обед, и теперь она размышляла, какие же ее слова или действия могли спровоцировать столь поспешный уход.

– Или, может, он действительно просто потерял счет времени, – проворчала Поузи, вставая и собираясь на выход.

Что бы то ни было, она невольно почувствовала себя глупо, идя по залитой ярким сентябрьским солнцем центральной улице. Последние пару дней она много думала о том, что раз он опять пригласил ее на свидание, то она, возможно, когда-нибудь простит его за то, что он так бесцеремонно

бросил ее полвека назад. Для нее, по крайней мере, физической притягательности хватило с избытком, и она, безусловно, наслаждалась сегодня общением с ним.

«Ох, Поузи, когда же ты повзрослеешь и перестанешь витать в облаках?»

Ведя машину домой – осторожно, учитывая два бокала вина, – Поузи вспомнила, что, приглашая ее на обед, Фредди намеревался объяснить, почему он сбежал от нее. Однако не сказал об этом ни слова.

– Ох уж эти изменчивые мужчины, – пробурчала она, сняв новую рубашку и джинсы и натянув старые, под стать ей самой, хлопковые брюки и поеденный молью джемпер. Отбросив грустные мысли, она решительно вышла в сад.

Глава 7

– Большое спасибо, что забрала детей, – с благодарностью сказала Эми, когда Мари Симмондс открыла ей дверь. – Моя няня подхватила жуткую простуду, и я совершенно не представляла, как выкрутиться...

– Нет проблем, пустяки. У тебя есть время на чашку чая? – спросила Мари. – Все дети уже поужинали и теперь смотрят в гостиной телевизор.

– Ладно, – согласилась Эми, глянув на часы. – Если ты уверена, что я не доставлю тебе беспокойства.

– Конечно, нет. Заходи.

Эми проследовала за Мари по узкому коридору в небольшую, безукоризненно чистую кухню. Несмотря на то что дом входил в новый жилой массив с полусотней однотипных построек и, следовательно, не удовлетворял художественному вкусу Эми, здешнее тепло и порядок, в сравнении с ее нынешним жильем, пробудили в ней зависть.

– Знаешь, Эми, когда тебе придется задерживаться, я с удовольствием буду забирать твоих ребят и присматривать за ними часок-другой. Моя работа заканчивается в три часа, поэтому уже через полчаса я могу забирать их. Кстати, Джош и Джейк отлично ладили, – добавила Мари.

– Твое предложение, Мари, очень щедрое, – с благодарностью ответила Эми, – но я наконец получила машину из

ремонта и теперь, надеюсь, не буду особо задерживаться.

– Молоко и сахар?

– Да, спасибо, можно и то, и другое, – ответила Эми.

– Очередная Эви, опять «кожа да кости», – со вздохом зависти изрекла Мари, сделав себе исключительно черный кофе.

– Как дочка Эви, уехала в школу-интернат? – спросила Эми.

– Уехала. Уже пару недель живет там, и после всех скандалов ей там понравилось. Очевидно, тут постаралась твоя свекровь, Поузи, она помогла Клемми передумать. Вот уж воистину... интересная дамочка.

– Да, интересная, – согласилась Эми. – К тому же Поузи невероятно стойкая. Всякий раз, когда на меня нападает тоска, я вспоминаю ее и беру себя в руки. А как сама Эви переживает отправку дочери в дальнюю школу?

– Очевидно, сильно скучает по Клемми. Должно быть, ей ужасно одиноко жить в таком огромном доме.

– Поузи всегда любила Эви, – заметила Эми.

– Ну да, – признала Мари. – Они проводили вместе кучу времени, когда работали в магазине Ника.

– Странно, что, когда мы встретились на литературном фестивале, Эви явно чувствовала себя неловко в присутствии Поузи. Поузи никак не может понять, чем она расстроила ее.

– Честно говоря, сама не знаю. – Мари пожала плеча-

ми. – Эви очень скрытная личность. И всегда была такой. Ну да ладно, а как ты думаешь, будет Поузи продавать Адмирал-хаус?

– Я не могу поверить, что у нее вообще возникла такая мысль. Ведь ее предки жили там больше двух сотен лет, однако, к сожалению, по-моему, у нее нет денег, чтобы привести особняк в порядок.

– Может, она завещает дом сыновьям, и тогда вы станете собственниками половины дома? – предположила Мари. – И вообще, я думаю, что вам с Сэмом и детьми комфортнее было бы жить там, чем в вашем теперешнем коттедже.

– Поузи множество раз предлагала нам жить с ней, но Сэм вечно отказывался. – Вспомнив о гордости, Эми сердито добавила: – В любом случае, надеюсь, что мы скоро переберемся в более приличное жилье. Сэм упорно трудится над большим проектом по недвижимости.

– Да, я слышала об этом, – кивнула Мари.

– Правда? – Эми удивленно взглянула на нее. – От кого?

– Ну, в этом нет никакой тайны. Я же работаю в агентстве недвижимости, и Сэм несколько раз заходил к нам в офис, интересуясь возможными покупками. Судя по нужной ему недвижимости, он готов, безусловно, к изрядным затратам. Наверное, у него чертовски богатый спонсор.

Излишнее любопытство Мари начало раздражать Эми.

– К сожалению, я понятия не имею. Сэм вообще не посвящает меня в подробности своих деловых проектов. – Допив

чай, она глянула на часы. — Надо же, как быстро летит время, нам уже действительно пора домой.

— Пора, так пора. — Мари глянула на вставшую из-за стола Эми. — Кстати, я тут на днях встретила твоего приятеля.

— Неужели? Кого же?

— Себастиана Жиро. Он заходил к нам в офис, интересовался арендой на зиму. Очевидно, ему надо писать очередную книгу, и он хочет арендовать жилье в Саутволде, чтобы несколько месяцев творить в тишине и покое.

— Мари, вряд ли можно сказать, что он мой приятель, на самом деле — совсем наоборот.

— Ну, ты же поняла, что я имела в виду. — Мари подмигнула ей с заговорщицким видом. — Ведь после своего творческого вечера он одарил тебя столь благосклонным вниманием. И вообще, он черто-о-о-вски привлекателен.

— Правда? Не заметила. — Эми заглянула в гостиную. — Так, ребята, нам пора домой.

* * *

Все три мили, ведя машину домой после разговора с Мари, Эми испытывала смутное беспокойство. С тех пор как пару недель назад Мари встретила ее с Поузи и Эви, она стала болтать с ней на детской игровой площадке, очевидно, усиленно стремясь подружиться. Сегодня утром в школе Мари, несомненно, помогла Эми, предложив присмотреть за Джей-

ком и Сарой до тех пор, пока Эми не закончит работу и не сможет забрать их, однако из-за ее фамильярных разговоров, словно они дружили много лет, Эми постоянно чувствовала неловкость. Мари, наверное, любила посплетничать, с жадностью ловила любые пикантные новости, и, хотя, вероятно, она вовсе не желала ничего плохого, Эми, считавшая благоразумие и осмотрительность главными добродетелями, воспринимала такое общение с трудом.

– Вероятно, половина Саутволда уже уверена, что у меня роман с этим Себастианом Жиро, – пробурчала под нос Эми, подъезжая к обочине дороги перед домом.

Сэм, как обычно, где-то пропал, поэтому Эми выкупала детей, почитала им сказку и уложила спать. Добравшись до своей сумочки, она достала оттуда двадцать фунтов, чтобы прибрать их на черный день в тайную жестяную копилку, спрятанную внизу гардероба, где Сэм не стал бы ничего искать. Потом в ожидании мужа Эми устроилась в кресле перед дровяным камином, взяв книгу Себастиана Жиро. Она лишь надеялась, что Сэм вернется не слишком пьяным. Начав читать, несмотря на ее чувства к самому автору, Эми невольно увлеклась, ее очаровал и тронул его роман. Разве мог человек, способный писать с таким состраданием и пониманием человеческой натуры, быть совсем уж скверным типом?

Взгляд Эми устремился на пламя камина. То, что сегодня сболтнула Мари, безусловно, звучало смешотворно. С какой стати такому гламурному автору, как Себастиан Жиро, ин-

тересоваться более чем скромной служащей отеля с двумя детьми?

Услышав шарканье шагов на крыльце возле входной двери, Эми захлопнула книгу. Как обычно, когда Сэм возвращался из паба, сердце Эми тревожно забилося. Входная дверь открылась, и Сэм появился в гостиной.

– Привет, милая. – Сэм наклонился, чтобы поцеловать ее, и она почувствовала знакомый запах пива. – Заметил, слава богу, что твоя машина вернулась.

– Не то слово, – еле слышно проговорила она. – Плохая новость в том, что ее ремонт стоил более трех сотен фунтов.

– Господи! Как же ты смогла расплатиться?

– К счастью, в банк только что перечислили мою зарплату, поэтому я расплатилась картой. Сумма отчасти превысила кредит, поэтому остаток месяца нам придется питаться супом и печеной картошкой.

Эми с тревогой ждала его реакции, но Сэм вяло опустился на диван и тяжело вздохнул.

– Боже, дорогая, мне очень жаль, однако если мне повезет, то скоро все наши трудности останутся в прошлом.

– Вот и хорошо, – с облегчением произнесла Эми, осознав, что Сэм явно настроен оптимистично. – Ты голоден?

– По пути домой я перекусил пирогом и чипсами.

– Понятно. Прости, Сэм, но, боюсь, на следующие несколько недель тебе придется отказаться от такой роскоши, иначе нам просто не хватит денег на жизнь.

– Неужели ты хочешь сказать, что после целого дня трудной работы мужчина не может порадовать себя пакетиком чипсов?

– Я хочу сказать, что у нас огромное превышение кредита, и, пока все не уладится, нам придется в первую очередь учитывать нужды детей. Саре крайне необходима новая обувь, а Джейку нужен анорак и...

– Не пытайся заставить меня чувствовать вину!

– Уверяю тебя, у меня и в мыслях такого не было. Я просто сообщаю тебе голые факты. В этом месяце у нас больше не будет никаких денежных поступлений, совершенно никаких.

– Знаешь, – Сэм помотал головой, и глаза его помрачнели, – ты и правда становишься похожей на тех жен, из-за которых мужчины боятся возвращаться домой.

Он встал и направился к ней.

– Уж извини, мне, естественно, очень жаль... я... я как раз собиралась прогуляться. Нужно подышать свежим воздухом.

Эми быстро встала, взяла куртку и выскочила из дома прежде, чем он успел остановить ее.

– Вот-вот, естественно, – ехидно произнес он. – Как обычно, уклоняешься от разговора, вместо того чтобы обсудить все здесь и сейчас. Наша Обиженная Труженица, наша Идеальная Мать и Жена, наша...

Больше Эми ничего не услышала, она быстро шла по городу, в глазах стояли жгучие слезы. Она уже по опыту знала,

что когда он пьян, то лучше всего уйти и оставить его в одиночестве. Если повезет, то к ее возвращению он уже вырубится и уснет на диване. А свежий морской воздух успокоит ее душу. Вечер выдался приятным, и Эми бодро шагала по набережной, пока не увидела скамейку. Она присела и, устремив взгляд в морскую тьму, слушала, как волны с шелестом накатывают на песчаный берег.

Океанская безбрежность обычно вызывала у Эми ощущение собственной ничтожности, что в свой черед помогало ей взглянуть на домашние трудности под новым углом. Она глубоко дышала, наслаждаясь солоноватым запахом плескавшихся под ногами волн, и постепенно успокаивалась. Где-то там, за океаном, жили миллионы людей, чьи жизни разрушала война, нищета, голод. Ежедневно от ужасных болезней умирали дети, бездомные, осиротевшие, покалеченные...

Эми возблагодарила судьбу. Пусть даже жизнь с Сэмом проходила сложно, у нее есть двое здоровых детей, крыша над головой и пища на столе.

– Не забывай, ты всего лишь одна из бесконечного множества муравьишек, ползающих по земной поверхности и пытающихся выжить, – сказала Эми, глядя на пенные волны.

– Весьма поэтично. И на редкость точно.

Раздавшийся за спиной голос заставил ее вскочить со скамейки и повернуться, она инстинктивно скрестила на груди руки. Перед ней стоял высокий человек в длинном пальто, надвинутая на лоб фетровая шляпа защищала его от ветра.

Эми мгновенно узнала его.

– Простите, что напугал вас. Полагаю, мы уже встречались.

– Да. А что вы здесь делаете?

– Тот же вопрос я мог бы задать вам. Если уж речь обо мне, то я просто вышел на вечернюю прогулку, прежде чем запереться в своей гостиничной спальне на очередные восемь часов.

– Но я заметила, что вы больше не живете в нашем отеле.

– Нет. Я предпочел подыскать жилье с более надежным горячим водоснабжением, чтобы не доводить до слез невинных администраторов.

Устало хмыкнув, Эми отвернулась и опять опустилась на скамейку.

– Полагаю, вы пришли сюда, желая побыть в одиночестве?

– Да, – лаконично ответила она.

– Что ж, прежде чем я продолжу прогулку, мне необходимо убедиться, что грубые слова, сказанные мной пару недель назад, не имеют никакого отношения к вашему сегодняшнему состоянию.

– Безусловно, не имеют. Неужели мы не можем наконец забыть о том случае?

– Можем. Еще один вопрос: вы прочитали мою книгу?

– Частично.

– И?..

– Мне понравилось, – честно ответила Эми.

– Приятно слышать.

– Вы же автор. Естественно, вам приятно слышать, что кому-то нравится ваша книга.

– Да, но мне особенно приятно, что она понравилась *вам*, только и всего. Ладно, пойду дальше. Оставлю вас наедине с вашим океаном.

– Спасибо. – Эми взглянула на него и, внезапно испытыв вину за собственную грубость, добавила: – Послушайте, извините, что я вела себя грубо. Я просто немного расстроена, только и всего.

– Не извиняйтесь. Поверьте мне, я сам долго пребывал в подобном состоянии и до сих пор иногда погружаюсь в него. Из моего горького опыта могу лишь сказать, что жизнь обычно меняется к лучшему, если постараться взглянуть на нее позитивно.

– Я старалась быть позитивной долгие годы, однако, кажется, это ничему не помогло.

– Тогда, может, надо копнуть немного глубже, отыскать истинную причину ваших несчастий и попытаться справиться с ней.

– Похоже, вы цитируете книгу из серии «Помоги себе сам».

– Да, именно так. Сам прошел курс психологической терапии. Простите.

– Простите и вы мои слова, но лично я полагаю, что все эти курсы – эгоистичная чушь. Попробуйте заняться само-

лечением, имея двух детей, постоянную работу и ни пенса денег. С таким положением приходится просто смириться.

– Так, наверное, вы приобщились к команде «Возьми себя в руки»?

– Безусловно. – Эми пылко кивнула.

– И именно поэтому сидите одна на скамейке в темноте, хлопая носом?

– Я не хлопаю носом. Мне лишь нужно... подышать свежим воздухом.

– Разумеется. Ладно, я и так уже долго испытывал ваше терпение. Еще увидимся.

– Да, увидимся.

Краем глаза Эми видела, как Себастиан Жиро зашагал дальше по набережной. Объективно она могла понять, почему женщины типа Мари считали его очаровательным. Он на самом деле был замечательным человеком.

Возвращаясь домой, Эми уже чувствовала себя спокойнее. Это ее судьба, ее жизнь, и она просто должна стараться делать все как можно лучше. Однако в голове невольно всплыл совет Себастиана: может, ей следовало отыскать корень ее страданий и попытаться обрубить его.

Она помедлила несколько минут на крыльце своего дома, боясь зайти внутрь. С тяжелым сердцем Эми неохотно признала, каким может быть этот корень.

Глава 8

– Могу я позвонить вам в понедельник и озвучить окончательное решение? – спросил Ник. – Мне необходимо убедиться в наличии финансов и дать себе сорок восемь часов на обдумывание. Однако я уверен в своем намерении на девяносто девять процентов.

– Хорошо, мистер Монтегю. С нетерпением буду ждать в понедельник вашего звонка.

Мужчины обменялись рукопожатием, и Ник вышел из офиса. Оглянувшись, он взглянул на покинутый магазин, представляя, как перекрасит унылый фасад в живой изумрудно-зеленый цвет и над витринами появится вывеска, где золотыми буквами будет выписано его собственное имя.

Он чувствовал уверенность в том, что выбрал нужный выставочный зал для размещения своего антиквариата; большое оконное пространство для привлечения внимания прохожих, а также просторный первый этаж и достаточно большой подвал для оборудования мастерской и склада.

Перейдя на другую сторону оживленной Фулхэм-роуд, Ник с удовлетворением отметил, что выбрал идеальное место. Прямо в центре квартала, изобилующего витринами высококачественного антиквариата и интерьерными и дизайнерскими салонами. Правда, надо признать, что за аренду ему придется заплатить больше, чем он изначально плани-

ровал, к тому же он ввязывался в весьма рискованное предприятие; за десять лет, проведенных за границей, от его репутации здесь не осталось и следа, и ему придется начинать все с нуля.

Однако ни одно из вышеперечисленных обстоятельств не беспокоило его, не вынудило усомниться в намерении скрепить предварительную договоренность джентльменским рукопожатием. Его ожидало более фундаментальное решение: полностью ли он уверен, что хочет прожить жизнь именно в Англии?

Ник услышал звонок своего мобильного.

– Привет, Тэм... Да, по-моему, я нашел кое-что. Где ты сейчас? Понятно. Что, если мы встретимся в «Синей птице», на полпути к Кингс-роуд? Я угощаю. Тогда увидимся через десять минут. Пока.

Видя, что транспорт стоит в пробке, Ник решил не брать такси и просто пройти с полмили до этого ресторана. Несмотря на то что уже веяло осенней прохладой, солнце еще сияло в лазурных небесах. По пути Ник задумался о том, как же удивительна жизнь. После десятилетних попыток хотя бы удержаться на плаву в душевном плане и после решительного отказ даже думать о возвращении домой из-за мучительности воспоминаний он провел в Англии всего две недели, а уже испытывал то, что мог бы описать только как счастье.

Конечно, он мог еще пребывать в замешательстве после

долгого перелета и даже до некоторой степени витать в розовых облаках. Но его ощущениям должно быть какое-то объяснение, поскольку ему казалось, что мрак вдруг рассеялся, и он на всех парусах несется обратно в солнечный человеческий мир.

А если причины иные – а Ник, признаться, сомневался в этом, – то его нынешней эйфории могло быть только одно объяснение: Тэмми.

С той первой вечеринки в доме Пола и Джейн они виделись постоянно. Оба искали помещение для развития бизнеса, поэтому встречались за кофе с сэндвичами или к вечеру за ранним бокалом вина, чтобы поделиться новостями и впечатлениями. Они вечно сокрушались о дороговизне аренды найденных ими мест, а потом, забыв о бизнесе, рассказывали друг другу свои личные истории, делились взглядами на жизнь, опасениями и надеждами на будущее.

Ник не мог припомнить, чтобы он когда-либо раньше чувствовал себя так спокойно с другим человеком, тем более с женщиной. Она оказалась зрелым, современным и умным человеком. И самое важное то, что Ник не заметил в ней и намек на нервозность, которая обычно бывала свойственна большинству знакомых ему одиноких женщин. Тэмми казалась счастливой и самодостаточной, спокойной и уверенной в себе, и если у нее и имелась сексуальная озабоченность, то пока она не проявила ее.

До сих пор между ними складывались исключительно

дружеские отношения. Фактически, шагая по улице, Ник признался себе, что понятия не имеет, нравится ли ему Тэмми только как друг или, возможно, несколько больше. Любой был бы рад завоевать любовь такой женщины.

Приближаясь к Кингс-роуд, Ник понял, что Тэмми спутала ему все карты. Он осознал, что сейчас не способен принять рациональное решение о своем будущем. Если он решит остаться в Лондоне, то не решится ли на это только из-за нее?

Едва ли он мог поведать Тэмми о своем затруднении. Она могла подумать, что он слегка свихнулся, если готов основывать планы на будущее на том, будет ли она с ним. Менее всего ему хотелось отпугнуть ее излишней настойчивостью, но за обедом ему, возможно, удастся исподволь прояснить, испытывает ли она к нему какие-то особые чувства. А уж потом действовать по обстоятельствам.

Ник вошел в ресторан, опоздав минут на пять, и увидел, что Тэмми уже сидит на диване в баре, узкие джинсы обтягивали ее длинные ноги, а зеленый кашемировый джемпер идеально подчеркивал цвет глаз. Ник впервые видел ее такой красивой.

– Привет, Тэм. – Склонившись, он по-дружески поцеловал ее в обе щеки.

– Привет, Ник. – Она с улыбкой взглянула на него.

– Пойдем в зал? Я чертовски проголодался.

– Конечно. – Тэмми встала, и они оба проследовали за

официантом к свободному столу. – Это местечко немного отличается от наших обычных обеденных кафешек. Должно быть, у тебя появились хорошие новости.

– Надеюсь. Как ты смотришь на бокал шампанского? – спросил Ник, когда они сели.

– С удовольствием. В конце концов, сегодня же пятница.

– Безусловно, – кивнул он. – Удобный предлог.

– Ник?

– Что?

– Почему ты так странно смотришь на меня?

– Прости... просто задумался... о чем-то.

– О чем?

Ник мысленно отшлепал себя за свои романтические мечты, поскольку, глядя на нее, он представлял бархатную коробочку с кольцом и ее изящный, тонкий палец. Решительно приказав себе выбросить из головы утопичные мысли, Ник взялся за меню.

– Так, пустяки. Пожалуй, я закажу изысканную рыбу с картошкой. А ты?

– Наверное, то же самое.

Ник заказал два бокала шампанского и рыбу с картошкой.

– Мне нравятся женщины, которые любят хорошо поесть.

– Ну, тогда пару лет назад я вряд ли понравилась бы тебе. Тогда я была одержима идеей стройности. Почти ничего не ела, – призналась Тэмми. – Честно говоря, моя карьера зависела исключительно от фигуры. Потом, бросив модельный

бизнес, я решила есть то, что хочу, и знаешь что? С тех пор я практически не изменилась. И это доказывает, что в основном состояние фигуры связано с метаболизмом и очень мало с тем, сколько ты ешь. Так ты расскажешь мне о недвижимости на Фулхем-роуд?

Пока они пили шампанское, Ник поведал ей о своей наводке.

– В общем, за эти выходные я должен принять решение, – заключил он.

– А разве нужно еще принимать решение? Место кажется идеальным, просто прекрасным.

– Верно, но жизнь не так проста. – Ник вздохнул. – Это же серьезный шаг, закрыть все в Австралии и начать с нуля здесь.

– Но я думала, что именно этого ты и хочешь? – удивленно заметила Тэмми.

– Да, думаю, так и есть, но я уверен лишь на девяносто девять процентов.

Лицо Тэмми огорченно вытянулось.

– Ох, Ник, я надеялась, что ты не собираешься уезжать. Я же буду очень скучать по тебе.

– Неужели?

– Еще как!

– Тэмми, мне...

Символично, удачный момент был упущен из-за прибытия официанта с двумя тарелками рыбы с картошкой. Ник

заказал очередную пару бокалов шампанского. Для храбрости ему нужно было изрядно подкрепиться алкоголем.

– Ты что-то хотел сказать? – спросила Тэмми, пристально глядя на него. – По-моему, сегодня тебя что-то сильно тревожит.

– Разве я выгляжу встревоженным? – Ник сделал большой глоток шампанского. – Ладно, по-моему, я совершенно запутался, но попытаюсь объяснить тебе как можно понятнее.

– Смелее, – подбодрила его Тэмми.

– Суть в том, Тэм, что последние две недели показались мне просто чудесными. Мне очень понравилось общаться с тобой и вообще... но, в общем...

– Что? – В глазах Тэмми загорелась тревога. – Ты пытаешься сказать, что нам не нужно больше встречаться?

– Господи, нет! Совсем наоборот. Мы так быстро стали хорошими друзьями, и мне уже кажется, что ты мне ужасно понравилась... больше, чем просто понравилась, и я все думал... Ну, честно говоря, я все думал, насколько далеко ты захочешь зайти...

– То есть предпочту ли я, чтобы мы остались «просто хорошими друзьями»? – уточнила Тэмми.

– Точно.

– А что ты предлагаешь?

– Ну, мы можем, скажем так... двигаться дальше...

– Ник, ты подразумеваешь, что собираешься пригласить меня на свидание? Я имею в виду, официально, как заявляют

юнцы?

Она уже явно поддразнивала его, но его это не волновало.

– Да, хочу, очень хочу.

– Ясно, – сказала Тэмми, наколов на вилку ломтик картошки. – Тогда приглашай.

– Ладно. – Ник кивнул, чувствуя, как заколотилось его сердце. – Ты хотела бы пойти со мной на свидание?

– Нет, не очень. – Она решительно покачала головой.

– Ох.

Тэмми протянула к нему руку через столик.

– Я говорила, что так мы вели бы себя, если бы оставались юнцами, но мы уже выросли. И успели нагуляться на свиданиях. В сущности, мы сейчас в середине пути. Поэтому почему бы нам не вести себя как вполне взрослым людям и после того, как мы доедим эту восхитительную картошку, не отбросить всякие глупости и не поехать ко мне домой?

– О большем я не смел бы и мечтать. – Ник взглянул на нее, чувствуя, как его окатила волна облегчения.

* * *

Лучи дневного солнца струились через незанавешенное окно спальни Тэмми. Оно выходило на красивую террасу на крыше, где зеленели многочисленные цветочные горшки и увитые клематисом шпалеры, в разгар лета оживляемые яркими колокольчатыми цветами. Пора их обильного цве-

тения, естественно, миновала, но Тэмми все равно любила смотреть на свой островок природы в центре города. Этот маленький дом стал ее убежищем, она населила его сокровищами, привезенными из путешествий по миру. Легкие пылинки танцевали в лучах солнечного света, и Тэмми поглядывала на них из-под полуопущенных век, пока Ник нежно ласкал пальцами и губами ее спину. Она испытывала полнейшее умиротворение после двух часов любовного блаженства.

Обычно она побаивалась первой близости с новым любовником. Несмотря на всплеск чувственного возбуждения и новизну ощущений, порожденных слиянием с новым, незнакомым телом, ему неизменно сопутствовало некоторое внутреннее напряжение, вызванное неуверенностью в том, понравятся ли они друг другу.

Однако с Ником все случилось на удивление легко.

Его прекрасное, загоревшее под солнцем Перта тело обладало гармоничной силой, стройностью и мужским атлетизмом. И познавал он ее на редкость нежно, без малейшего намека на неловкость или нерешительность, и шептал так много восхищенных комплиментов, что она полностью расслабилась и свободно, без малейшего смущения откликалась на его ласки.

– Ты совершенно великолепна, – уткнувшись в ее шею, пробормотал Ник. – И я обожаю тебя.

Перевернувшись на спину, Тэмми взглянула на него, по-

гладила по щеке. Он завладел ее пальцами и покрыл их легкими поцелуями.

– Вправе ли я теперь сказать, что мы официально встречаемся? – тихо спросил он.

– То, что я занималась с тобой любовью, еще не означает, что ты стал моим возлюбленным, – игриво рассмеявшись, заявила Тэмми.

– Дьявольщина, как изменился мир, – в тон ей ответил он. – Раньше-то как раз означало.

– Я с удовольствием отправилась бы с тобой на «свидание», – кивнула она. – Но в данный момент предпочитаю оставаться дома.

– Безусловно, я тоже хотел бы оставаться здесь как можно дольше. – Он накрутил на палец волнистую прядь ее тигриновских волос. – Кстати, на этих выходных я собираюсь позвонить своей маме, сообщу ей наконец, что вернулся. Она живет в Саффолке, и на следующей неделе я, вероятно, поеду навестить ее. Может, ты хочешь поехать со мной? – невольно вырвалось у него.

– Когда-нибудь я с удовольствием познакомлюсь с твоей матерью, но, вероятно, для начала тебе следует повидаться с ней самому? Тебе же надо о многом с ней поговорить, и я уверена, что первое время по крайней мере ей не захочется ни с кем тебя делить.

– Ты права. – Ник покраснел, устыдившись своего спонтанного приглашения.

– У тебя есть братья или сестры?

– Да, есть. – Лицо Ника помрачнело. – Старший брат, Сэм. К сожалению, по разным причинам, я не могу назвать его любимым братцем. Он – законченный оболтус, и я не собираюсь решать его проблемы.

– Как говорится, друзей ты можешь выбирать, но родственников не выбирают, – заметила Тэмми.

– Увы. В любом случае давай лучше не будем говорить о Сэме. Итак, где же мы назначим сегодня вечером первое официальное свидание? Конечно, если у тебя нет других планов.

– Боюсь, придется ограничиться местной едой. Перед выходными мне еще надо подштопать пару платьев для моей палатки. Господи, не могу дождаться, когда найду нормальное помещение и я смогу нанять швею себе в помощь. У меня скопилась куча бусин, ожидающих, когда их пришьют искусные ручки. – Тэмми махнула рукой в сторону пластиковых контейнеров, громоздившихся в углу комнаты, которую она использовала в качестве гардеробной. – Бог ты мой, уже почти шесть часов. Прости, милый, но мне действительно необходимо вставать и приниматься за дела.

– Ладно. Ты хочешь, чтобы я ушел?

– Нет, вовсе нет, если ты не против развлекать меня, пока я буду работать и бегать за карри, – с улыбкой ответила Тэмми.

– Естественно, я готов.

– Может, тогда ты даже готов сходить и купить его? А то я проголодалась.

– О женщина, да ты одержима едой, – усмехнулся Ник, глядя, как она выбирается из постели.

По пути за карри Ник вдруг испытал эйфорию. К добру или к худу, но сегодня днем он принял решение. Решил остаться и рискнуть начать новую жизнь в Лондоне. Новую жизнь с Тэмми.

Поузи
Адмирал-хаус

Голубянка орион (*Phengaris arion* (лат.))

Декабрь 1944

Меня немного огорчило, что маман больше не выглядела расстроенной, когда мы, задохнувшись от морозца декабрьского утра, забрались в двуколку, запряженную малорослой лошадкой, и выехали на подъездную аллею. Хотя еще не было и семи утра, маман успела облачиться в красивое платье и подкрасила губы красной помадой.

– Сегодня вы выглядите очень элегантно, – заметила я, когда она вышла из парадной двери и спустилась к нам по ступенькам крыльца.

– Спасибо, *chérie*, но ведь скоро уже Рождество, и мы все должны постараться выглядеть как можно лучше. – Пожав плечами, она приподнялась на носочки и поцеловала меня в щеку. – Итак, надеюсь, ты будешь хорошо себя вести у бабушки?

– Да. Счастливого Рождества, маман, – сказала я, когда Бенсон слегка хлестнул по боку лошадь, готовясь к выезду. – До встречи в новом году, – добавила я, когда наша малорослая лошадка побежала от дома по подъездной аллее.

Однако маман, отвернувшись, уже поднималась по ступеням крыльца обратно в дом.

На самом деле Рождество получилось совсем не таким скучным, как я себе представляла. Для начала, за день до Рождественского сочельника выпал снег. Живя вблизи моря,

я за всю свою жизнь удостоилась радости видеть всего три или четыре снежных дня, да и то снежное покрывало белело на земле всего несколько часов, а потом смывалось дождем. Здесь, на склонах Бодмин-мур, выпавший снег напоминал огромные кучи сахарной пудры и, похоже, ничуть не собирался таять. Он лежал снаружи на подоконниках, а внутри в каминах мерцали языки огня и колебалось пламя свечей Адвента. Билл, молодой парень, выполнявший разные поручения бабушки и приносивший дрова для камина, подарил мне свои старые санки, на которых в детстве катался зимой. Я шла за ним, по колено утопая в снегу, а его указательный палец показывал мне на какую-то снежную горку. Я видела, как по склону на всевозможных скользящих приспособлениях, начиная с жестяных подносов и кончая старыми деревянными досками, неслись вниз какие-то маленькие, разноцветные свертки.

Он довел меня до подножия склона и познакомил с маленькой фигуркой, чье лицо практически скрывалось под розовой вязаной шапочкой и шарфом, я смогла разглядеть лишь пару сияющих голубых глаз.

– Это моя крестница, Кэти, – промурлыкал Билл с явным местным акцентом, мелодичным и тягучим, как сливки тех коров, что паслись на здешних пастбищах. – Она поможет вам.

И она действительно помогла. Хотя девочка едва доставала мне до плеча, оказалось, мы с Кэти однолетки, и она поль-

зовалась в этом провинциальном сообществе некоторым авторитетом. Мы полезли вверх по склону, и по пути Кэти махала рукой и что-то кричала своим приятелям.

— Вон тот, Бойси, сын мясника, а это Роза, дочка почтмейстера, — сообщила она мне, когда мы забрались на вершину заснеженного холма. — А мой па — молочник.

— А мой папа... па — пилот, — сообщила я Кэти, пока она показывала мне, как надо ложиться лицом вниз на санки и отталкиваться руками от снега, чтобы выехать на склон.

— Лети давай! — крикнула Кэти, изо всех сил подтолкнув сзади мои санки, и я, набирая скорость, покатила вниз по крутому склону, вереща от восторга, точно малыш.

В тот день я забиралась на горку и скатывалась оттуда бесчисленное множество раз, и это катание на всю жизнь стало моим лучшим и самым веселым воспоминанием детства, не считая, конечно, ловли бабочек с папой, но теперь, когда я думала о ней, мне невольно хотелось плакать. Все дети на горке общались со мной вполне доброжелательно, потом мы с удовольствием согрелись, выпив горячий шоколад, принесенный чьей-то матерью и налитый в оловянные кружки, а домой я шла, счастливая оттого, что у меня появилось много новых друзей. Эта радость согревала мне душу так же, как шоколад — тело.

Наступил канун Рождества, и мы с Биллом побрели по снегу на окраину деревни, где зеленела сосновая рощица. Я выбрала маленькое деревце, и хотя оно, безусловно, не мог-

ло сравниться с той огромной елкой, что обычно ставили к Рождеству в холле Адмирал-хауса, но и такая сосенка выглядела очень симпатично с бабушкиными старыми и слегка потускневшими серебряными украшениями и со свечками, мерцавшими на ветвях живыми огоньками.

Целый день в бабушкин дом приходили жители деревни, и их угощали свежим рождественским пирогом со сладкой начинкой. Дейзи была потрясена, увидев на верхней полке кладовой шесть банок со специями. Бабушка рассмеялась и спросила, как же можно удивляться этому, ведь такие пироги едят всего пару дней в году; она объяснила Дейзи, что этого запаса, сделанного ее бывшим поваром еще до войны, хватило бы, чтобы накормить половину Западного фронта, и все равно осталось бы еще на целую жизнь. Вечером мы с бабушкой и Дейзи собрались за праздничным столом, чтобы насладиться восхитительными запеченными в тесте сардельками. Сарделек было маловато, зато их недостаток с лихвой компенсировали хрустящие золотистые корочки и густая подливка. Мне показалось, что во время войны эта деревенька на краю корнуоллских пустошей питалась лучше, чем герцогини и герцоги в Лондоне.

– Все потому, что мы тут живем дружно и поддерживаем друг друга, – объяснила бабушка. – У меня есть огород и куры, и я меняю куриные яйца и морковь на молоко и мясо. У нас здесь натуральное хозяйство. Издавна нам приходилось выживать, питаясь тем, что давала земля. Ты выгля-

ни за окошко-то. – Она махнула рукой, показав на пушистые снежинки, кружившие за оконными стеклами. – Завтра дорога станет непроходимой, но вот увидишь, утром на крыльце, как обычно, будет стоять свежее молоко. Джек преодолеет любые заносы.

И в самом деле, когда наступило Рождество, Дейзи принесла еще теплое молоко, оставленное на крыльце в жестяном бидончике. В этой местной общине на вересковых пустошах люди заботились друг о друге, живя в изоляции от всего остального мира. Ближайший город Бодмин находился в десяти милях. Глядя на снежные сугробы, наваленные небесами, я думала, что с тем же успехом он мог бы находиться и в запредельных далях. В нашем безопасном и пушистом снежном гнездышке я чувствовала себя защищенной от суровой реальности. И мне здесь нравилось, несмотря на то что я ужасно скучала по маман, и по папе, и по нашему Адмирал-хаусу.

Вернувшись из церкви, мы по очереди открыли наши подарки, и я с восторгом увидела, что мне подарили книгу ботанических иллюстраций Маргарет Ми²⁰ из коллекции Кью-Гарденс, книга лежала в коробке, посланной для меня папой на имя бабушки, посылку доставили несколько дней назад.

«С Рождеством 1944 года!

Моей любимой Поузи – желаю весело провести праздники

²⁰ Маргарет Урсула Ми (1909–1988) – британская художница, специализировавшаяся в изображении растений дождевых лесов Амазонии.

с бабушкой и считаю дни, оставшиеся до нашей долгожданной встречи. Люблю, целую, папа».

«Ладно, – подумала я, – по крайней мере, он знает, где я». – И осознание этого порадовало меня так же, как и прекрасный подарок – эти рисунки я буду с удовольствием разглядывать долгими зимними вечерами. Дейзи связала для меня шерстяную шапочку с ушами, и я сразу примерила ее, завязав под подбородком.

– Ах, как же тепло будет в ней кататься на санках! – воскликнула я, обнимая порозовевшую от удовольствия Дейзи.

Бабушка подарила мне серию книг в кожаных переплетах, написанных сестрами Энн, Эмили и Шарлоттой Бронте²¹.

– Моя милая Поузи, – с улыбкой сказала она, – ты, вероятно, еще немного не доросла до понимания этих романов, но я в юности зачитывалась ими.

Дейзи пригласили присоединиться к нам за рождественским обедом, что меня несказанно удивило. Я не могла даже представить, что Дейзи сидит с нами за столом в Адмирал-хаусе, но бабушка настояла на своем, заявив, что несправедливо было бы Дейзи есть одной на кухне в самый святой день года. Мне очень понравилось рассуждение бабушки о том, что ее не волнует, в какой семье людям выпал жребий родиться или чем им приходится зарабатывать на жизнь. На

²¹ Сестры Бронте: Шарлотта (1816–1855), Эмили (1818–1848) и Энн (1820–1849) – английские писательницы, чьи романы произвели сенсацию и впоследствии были признаны классикой английской литературы.

самом деле я все больше и больше любила бабушку.

Я также заметила, что после пары глотков виски бабушка становится гораздо разговорчивей. Одним рождественским вечером мы сидели у камина, я уже в ночной рубашке потягивала горячий шоколад перед сном и слушала историю ее знакомства с дедушкой. Они познакомились в разгар того, что бабушка называла «сезоном», когда она начала «выезжать» (я тогда не поняла толком откуда) на бесконечное множество званных приемов и балов, где, к восторгу дебютанток, их приглашали танцевать молодые привлекательные мужчины из высшего общества. Вероятно, она танцевала с дедушкой.

– Я заметила его на первом же балу... впрочем, могла ли я его не заметить?! Под два метра ростом, он как раз закончил Оксфорд. С потрясающе большими карими глазами, которые унаследовали вы с отцом, моя милочка... во время того сезона он мог покорить сердце любой барышни, несмотря на то, что, в отличие от многих тамошних кавалеров, не имел особых титулов. Его матушка имела титул «Достопочтенной»... – Не зная этого слова, я догадалась, что оно означает нечто хорошее. – В общем, к концу того сезона мы с ним обручились. Разумеется, женитьба подразумевала, что мне придется оставить свой любимый дом здесь, в добром старом Корнуолле, и переехать в Саффолк, однако во времена моей молодости такая судьба ждала любую молодую леди. Они следовали за своими мужьями.

Бабушка сделала очередной глоток виски, взгляд ее стал мечтательным.

– Ах, милочка, мы были так счастливы те первые два года до начала Первой мировой войны. Я уже носила под сердцем твоего отца, и мы жили, как в чудесной сказке. А потом... – Бабушка тяжело вздохнула. – Джорджи завербовался, как только объявили войну, и его отправили в окопы во Францию. Он не дожил даже до того, чтобы увидеть родившегося сына.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.